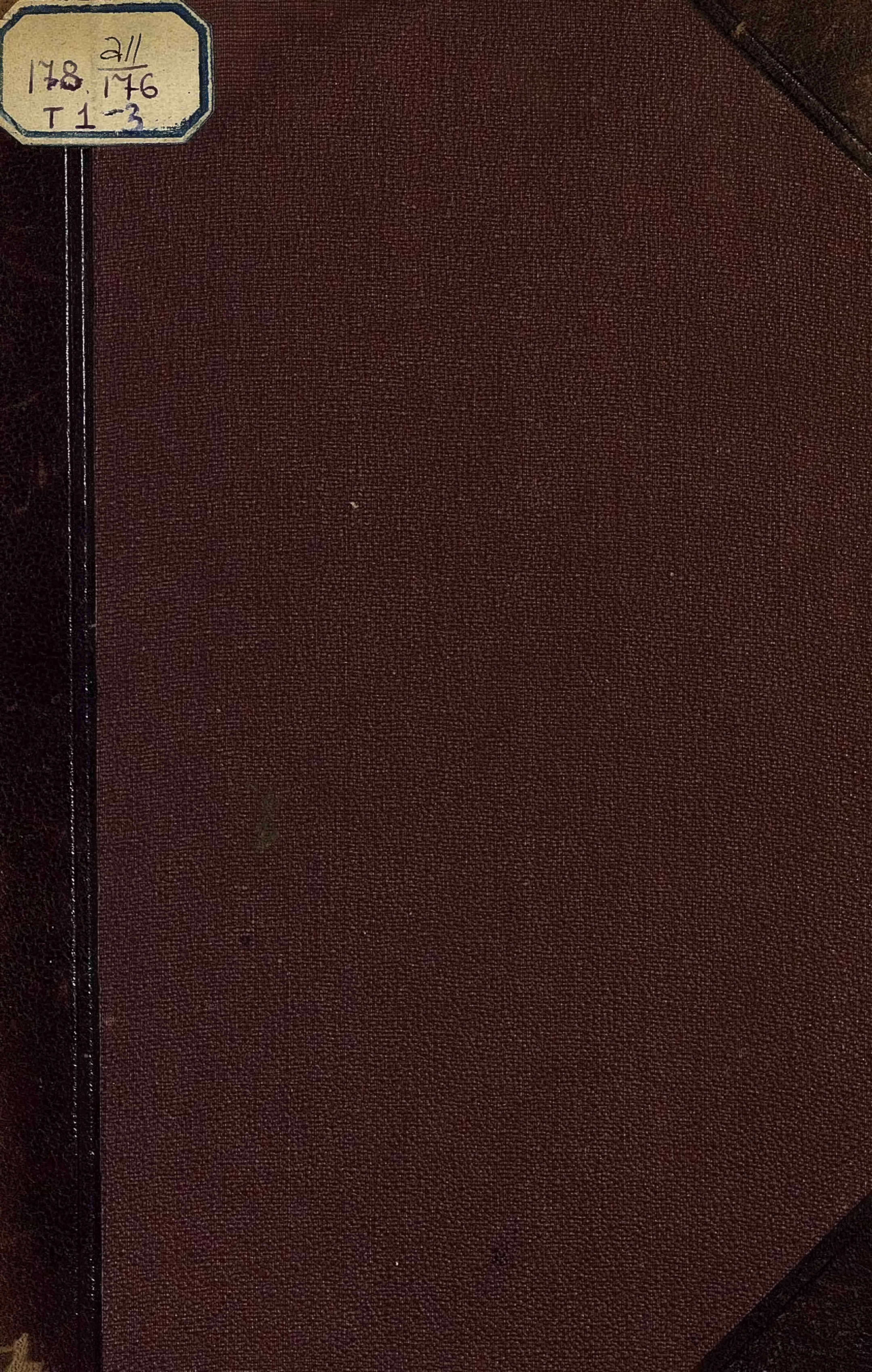
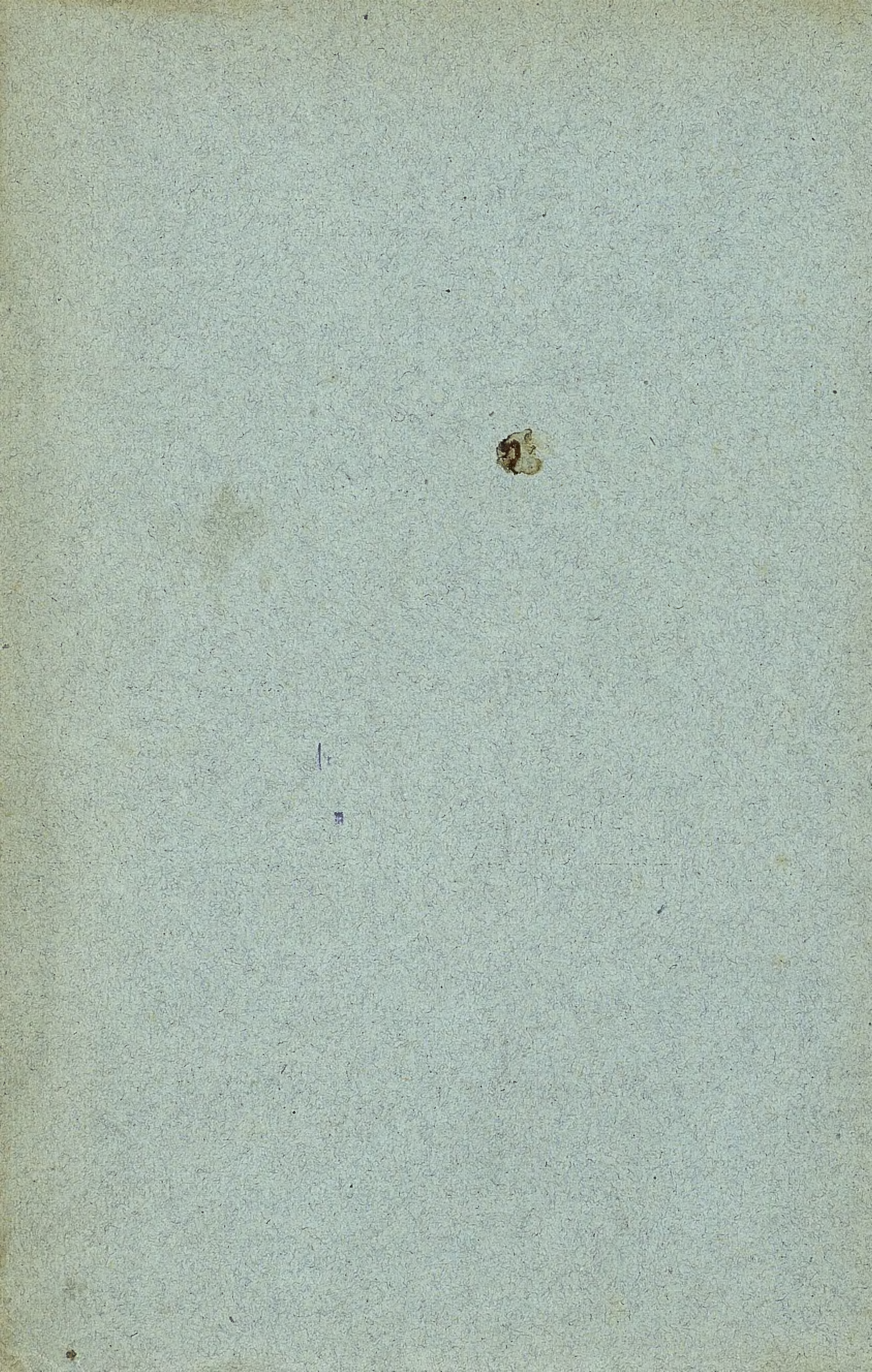

178 211/176
T 1-3

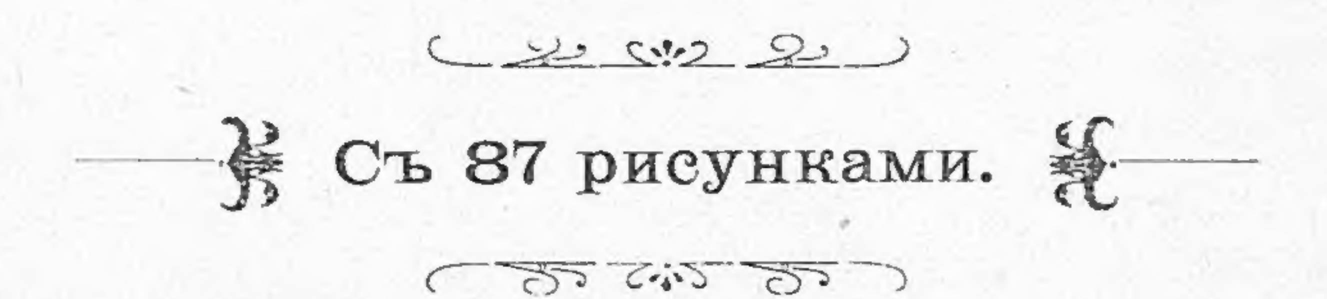
В. В. Назаревскій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

III.

1725—1796.

Изданіе второе.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1.

Передача престола вдовствовавшей императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.—Меншиковъ и верховный тайный совѣтъ. — Передача престола Петру II, его обрученіе съ дочерью регента Меншикова.—Его паденіе.—Долгоруковы и обрученіе Петра съ княжною Долгоруковой. — Смерть его. — Передача верховниками престола Аннѣ Іоанновнѣ и ограниченіе ея власти, паденіе верховниковъ и возстановленіе Самодержавія.

Время отъ смерти Петра I (1725), охватывающее три четверти XVIII столѣтія, представляло не мало смутныхъ явленій, зависѣвшихъ отъ неопредѣленности въ порядкѣ престолонаслѣдія и отъ колебаній въ самомъ правительствѣ, идти ли Россіи путемъ, намѣченнымъ ея преобразователемъ, или избрать какой-либо другой. Послѣдній же вопросъ тяготѣетъ надъ нами и теперь.

Но въ XVIII столѣтіи особенно тяжело было время до воцаренія Императрицы Екатерины II (1762).

Правда, Россія, по смерти Петра I, при наличіи его потомства и потомства его брата Іоанна Алексѣевича, не была поставлена, какъ послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича, въ необходимость отыскивать новую династію, что привело государство къ извѣстнымъ тяжкимъ потрясеніямъ (1598—1613), но законъ 1721 года, со смер-

тію его творца, вызвалъ волненія: Петръ не успѣлъ при жизни своей назначить себѣ преемника и правительственному классу, безъ воли Государя, приходилось самому рѣшать, кому же царствовать въ Россіи. Никто не думалъ искать Царя внѣ призванной народомъ династіи, но многіе задумывались надъ тѣмъ, передавать ли престолъ въ предѣлахъ династіи такому лицу, которое поведетъ Россію петровскимъ путемъ, или избрать иное для движенія ея въ другую сторону. Чрезъ пять же лѣтъ послѣ этого сдѣлана была даже попытка потрясти въ Россіи Самодержавіе ея монар-

Семейная група Петра I. Съ фамильнаго портрета.

хіи. Хотя мы были далеки отъ избирательности престола, какъ въ Польшѣ, но передача престола не въ установленномъ твердо, на основаніи прямого закона, порядкѣ каждый разъ стоила намъ не малыхъ волненій и нестроеній.

Прежде всего правящій классъ раздѣлился по вопросу, передать ли послѣ Петра престолъ супругѣ его Екатеринѣ Алексѣевнѣ, или малолѣтнему внуку его Петру Алексѣевичу?

Всѣ новые сотрудники Петра, выдвинутые его преобразованіями, стояли за Екатерину. Лица же, не сочувствовавшія кру-

тымъ нововведеніямъ, думали, что лучше провозгласить Императоромъ Петра, внука царицы Евдокіи и сына царевича Алексѣя Петровича, взявъ въ свои руки регентство до его совершеннолѣтія.

Во главѣ приверженцевъ Екатерины стояли Меншиковъ (см. его портретъ въ царствованіе Петра I), Толстой и Ягужинскій, митрополитъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и гвардейскіе полки Преображенскій и Семеновскій, состоявшіе изъ дворянъ, не только офицеровъ, но даже и рядовыхъ.

Совѣщавшіеся во дворцѣ вельможи должны были провозгла-

Медаль въ память Петра I и Екатерины I.

сить царствующею Императрицею Екатерину. Энергическая и умная въ семейныхъ и частныхъ дѣлахъ—спутница Петра, Екатерина I не имѣла ни подготовки, ни призванія къ дѣламъ государственнаго управленія, которое перешло въ руки любимца Петра—Меншикова.

Двухлѣтнее царствованіе это (1725—1727), по самой своей непродолжительности, не могло имѣть важнаго значенія. Но за это время должно отмѣтить слѣдующее. Столкновеніе Меншикова съ Сенатомъ привело къ учрежденію верховнаго тайнаго совѣта, коему наравнѣ съ коллегіями подчиненъ былъ Петровскій Сенатъ, переименованный изъ «правительствующаго» въ «высокій». Въ новое, состоявшее подъ предсѣдательствомъ Государыни, учрежденіе вошли 6 членовъ (Меншиковъ, Толстой,

Остерманъ, Головкинъ, Апраксинъ и князь Голицынъ, послѣдній былъ представителемъ старо-русской знати) и ему были поручены «государственныя важныя дѣла» и въ особенности законодательство. Предполагалось, что ни одинъ указъ не можетъ быть изданъ безъ обсужденія совѣта. Но и при этомъ господствующее вліяніе на всѣ дѣла имѣлъ «временщикъ» князь Меншиковъ.

При Екатеринѣ состоялся рѣшенный еще Петромъ I бракъ ихъ дочери Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ. От-

Медальный портретъ Екатерины I.

крыта была при помощи вызванныхъ изъ-за границы ученыхъ Академія наукъ, при коей должны были организоваться академическій университетъ и академическая гимназія. Учрежденъ былъ новый орденъ Св. Александра Невскаго. Верховный совѣтъ обратилъ вниманіе Императрицы на тяжелое положеніе крестьянъ, обремененныхъ податями и бѣдность самой государственной казны; ради сокращенія расходовъ были закрыты въ губерніяхъ многія петровскія учрежденія, и уменьшено было

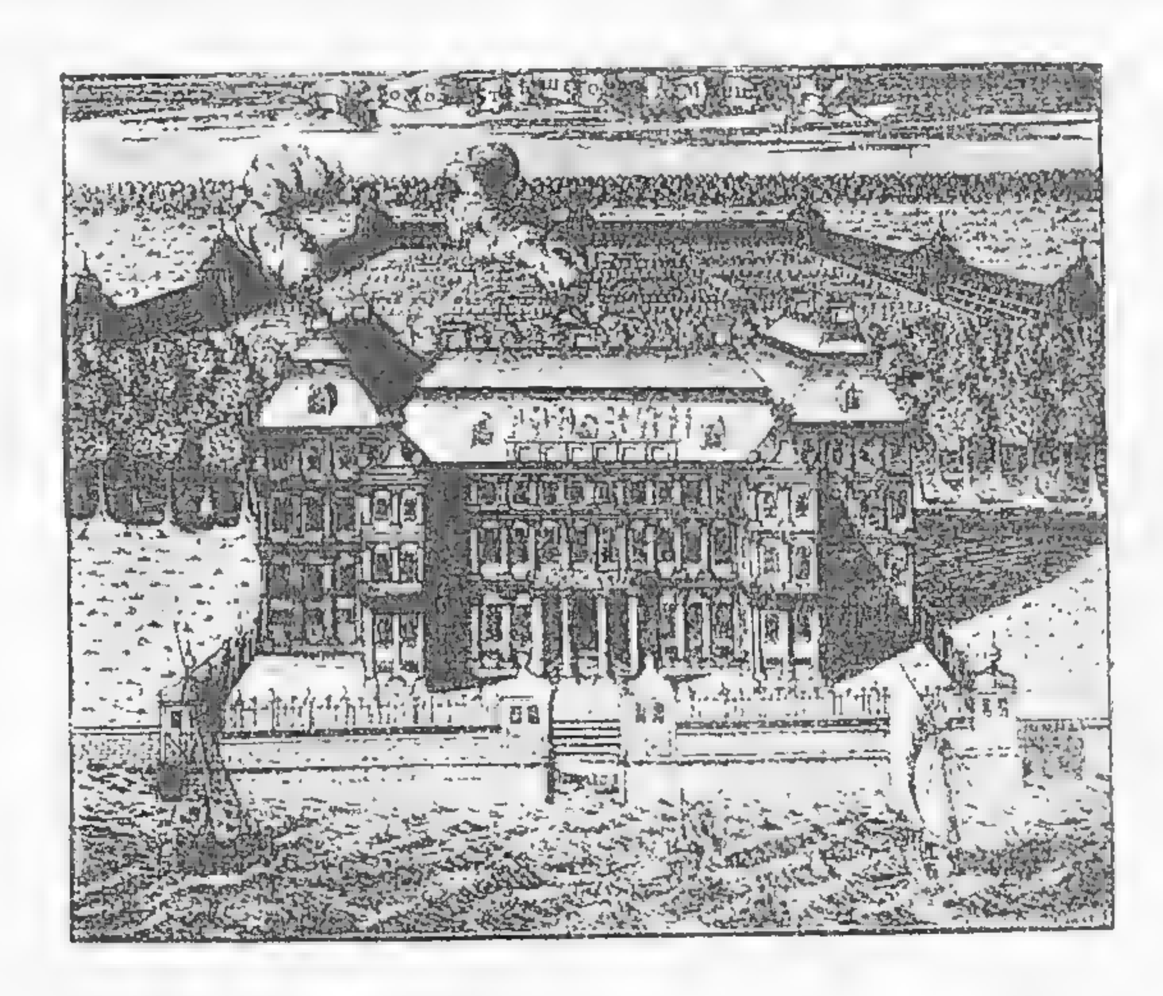
число чиновниковъ; были уничтожены надворные суды (для дворянъ), и судъ былъ порученъ губернаторамъ и воеводамъ; главный магистратъ былъ также уничтоженъ, а городовые магистраты были подчинены губернаторамъ.

Стремясь къ продолжительному властвованію, князь Меншиковъ уговорилъ старѣвшуюся Императрицу Екатерину дать согласіе на женитьбу внука своего наслѣдника Петра Алексѣевича на дочери Маріи, съ передачей первому престола и съ порученіемъ регентства до его совершеннолѣтія верховному тайному совѣту.

Императоръ Петръ II.

Наслѣднику престола было 11 лѣтъ. Меншиковъ, по смерти Екатерины, перевезъ Государя изъ дворца въ свой домъ, чрезъ двѣ недѣли обручилъ его съ своей дочерью и поручилъ его дальнѣйшее воспитаніе вице-канцлеру Остерману, при чемъ враждебныя Меншикову лица были удалены отъ двора, а съ вліятельною знатью, какъ съ Голицынымъ и Долгоруковымъ, онъ старался сохранить дружелюбныя отношенія. Но самовластіе, заносчивость и злоупотребленія временщика подготовляли его паденіе. Имя его, невѣсты и членовъ семьи поминались въ храмахъ на ектеніяхъ. Меншиковъ мало былъ озабоченъ нерасположеніемъ Петра II къ нему и его невѣстѣ. Вражда къ высокомѣрному правителю нашла для себя орудіе въ лицѣ

Домъ князя Меншикова.

снискавшаго любовь юнаго Императора князя Ивана Долгорукова. Онъ вмѣстѣ съ своими родными склонилъ Петра освободиться отъ временщика и навязанной невѣсты. Это было подготовлено во время болѣзни Меншикова. По выздоровленіи онъ, по приказу Императора, былъ арестованъ, судимъ за лихоимство и другія преступленія и отправленъ въ ссылку сперва въ свое имѣніе городъ Раннепбургъ (Рязанской губерніи), а потомъ въ Сибирь въ Березовъ, гдѣ онъ какъ бы переродился и проявилъ въ себѣ тѣ добрыя свойства, которыя приблизили его къ Петру Великому; онъ съ топоромъ въ рукахъ самъ рубилъ здѣсь для себя деревянную церковь, копалъ могилы для умиравшихъ своихъ дѣтей и обнаруживалъ терпѣніе и смиреніе, искупившія его вины. Меншиковъ умеръ въ Березовѣ.

Петръ II объявилъ себя совершеннолѣтнимъ и хотѣлъ приняться самъ за дѣла управленія. Но, бросивъ ученье и, подъ вліяніемъ Долгорукова, предавшись развлеченіямъ, въ особенности охотѣ, отдалъ государственныя дѣла въ руки новыхъ временщиковъ. Его, не любившаго моря и Петербурга, Долгоруковы перевезли въ Москву, возили на охоты по разнымъ подмосковнымъ имѣніямъ и обручили съ сестрою Ивана Долгорукова, княжною Екатериною. Петръ сталъ однако тяготиться невѣстою и этою опекою, сближался съ теткою своею Елизаветою Петровною и на-

Княжна Меншикова.

чиналъ цѣнить Остермана. Но на крещенскомъ парадѣ 1730 года Петръ простудился, заболѣлъ оспою и скончался.

Это кратковременное царствованіе отмѣчено заключеніемъ договора съ Китаемъ, по которому мы могли вести постоянную торговлю съ китайцами въ пограничной слободѣ Кяхтѣ и въ три года одинъ разъ посылать караванъ въ Пекинъ для безпошлинной торговли. Но въ Малороссіи, въ ущербъ государственному единству, было возстановлено гетманство, уничтоженное Петромъ I въ концѣ его царствованія. Петръ II не сдѣлалъ распоряженія о престолонаслѣдіи, но за то оставалось завѣщаніе

Екатерины I, передававшее послѣ смерти внука престолъ въ родъ сестры ея Анны Петровны, герцогини Голштинской.

Долгорукіе готовились было пустить въ ходъ подложное завѣщаніе Петра II, передававшее будто престолъ его невѣстѣ, княжнѣ Екатеринѣ Долгоруковой. Этотъ планъ не встрѣтилъ однако поддержки даже въ ихъ собственномъ родѣ и въ членахъ верховнаго тайнаго совѣта, которые указали, что это будетъ устраненіемъ отъ престола непресѣкшейся законной династіи.

Тогда верховники рѣшились сдѣлать, по своимъ корыстнымъ видамъ, произвольное избраніе царствующаго лица изъ потомства царя Іоанна Алексѣевича, но съ тѣмъ однако, чтобы присвоить себѣ часть Верховной Власти въ Имперіи.

Планъ ихъ осуществился, но, идя въ разрѣзъ съ историческимъ національнымъ строемъ нашего государства, быстро разбился вдребезги и привелъ къ паденію его составителей.

Поучительно подробнѣе остановиться надо всѣмъ этимъ.

Послѣ смерти Петра II изъ семьи Петра Великаго оставались въ живыхъ двѣ его дочери отъ Екатерины I—незамужняя Елизавета Петровна и состоявшая въ замужествѣ за герцогомъ Голштинскимъ Анна Петровна, уже имѣвшая малолѣтняго сына Петра Θеодоровича.

Но члены верховнаго тайнаго совѣта рѣшили отстранить отъ престола потомство Петра I и Екатерины I и призвать на царство потомство его брата Іоанна Алексѣевича.

Въ Лефортовскомъ дворцѣ, гдѣ умеръ Петръ II, тотчасъ послѣ его смерти, въ комнатѣ, рядомъ съ залою, въ которой лежало тѣло Государя, собрались члены этого учрежденія.

Новизна закона Петра I о престолонаслѣдіи и несклонность даже правящихъ круговъ ко всякой выборной системѣ создавали и здѣсь такую зыбкую почву, что Долгоруковы начали говорить о неосуществимой передачѣ престола невѣстѣ умершаго императора, даже о призывѣ на престолъ его бабки инокини Евдокіи. Но это было безсильными разговорами, а замыселъ верховника князя Димитрія Михайловича Голицына, прежде не пользовавшагося первенствомъ и ставимаго въ тѣнь временщиками, былъ выработаннымъ планомъ, своего рода политической программой.

«Преждевременная кончина государя Петра II, говорилъ онъ своимъ товарищамъ, есть истинное наказаніе, ниспосланное Богомъ на Русскихъ за ихъ грѣхи,—за то, что они восприняли много пороковъ отъ иноземцевъ: за то Господь и лишилъ насъ

молодого государя, на котораго, по всей справедливости, мы возлагали великія надежды. Нынѣ, господа, угасло прямое законное потомство Петра I. Есть дочери его, рожденныя до брака отъ Екатерины, но о нихъ думать нечего. Намъ надобно подумать о новой особѣ на престолъ и *о себѣ также*».

Легко отклонивъ упомянутыя въ совѣтѣ кандидатуры княжны Долгоруковой и царицы-инокини, Голицынъ продолжалъ:

Анна Іоанновна.

«Я воздаю должную дань вдовствующей царицѣ, но она только вдова государя. Есть прямыя наслѣдницы — царскія дочери. Я говорю о законныхъ дочеряхъ царя Ивана Алексѣевича. Я не затруднился бы указать на старшую изъ нихъ Екатерину Ивановну, если бы она не была уже женою иноземнаго государя—герцога Мекленбургскаго, а это не подходящее для насъ обстоятельство. Но есть другая—сестра ея Анна Ивановна—вдов-

ствующая герцогиня Курляндская. Почему ей не быть нашей государыней? Она родилась среди насъ отъ русскихъ родителей; она рода высокаго и притомъ находится еще въ такихъ лѣтахъ, что можетъ вступить вторично въ бракъ и оставить послѣ себя потомство». Затѣмъ онъ сказалъ о ея добрыхъ личныхъ качествахъ. Бездѣтная, одинокая, непользовавшаяся авторитетомъ, Анна Іоанновна, очевидно, казалась верховнику самою подходящею государыней.

Фельдмаршалъ князь В. В. Долгоруковъ первый съ живостью поддерживалъ эту мысль и воскликнулъ: «виватъ императрица Анна Іоанновна».

Изъ четверыхъ Долгоруковыхъ, не заинтересованныхъ прямо въ передачѣ престола своей родственницѣ, тоже мнѣніе поддержалъ и Василій Лукичъ Долгоруковъ, пользовавшійся когда-то расположеніемъ герцогини. И другіе, желавшіе поскорѣе покончить съ труднымъ и опаснымъ вопросомъ, поспѣшили присоединиться къ недурно мотивированному предложенію.

Тогда Д. М. Голицынъ перешелъ къ раскрытію главной задней мысли своего плана и сказалъ:

«Выберемъ, кого изволите, господа; только во всякомъ случаѣ *надобно себѣ полегчить*».

— «Какъ это полегчить?» — спросилъ у него канцлеръ Головкинъ.

— «А такъ полегчить: *воли себѣ прибавить*», отвѣчалъ составитель замысла.

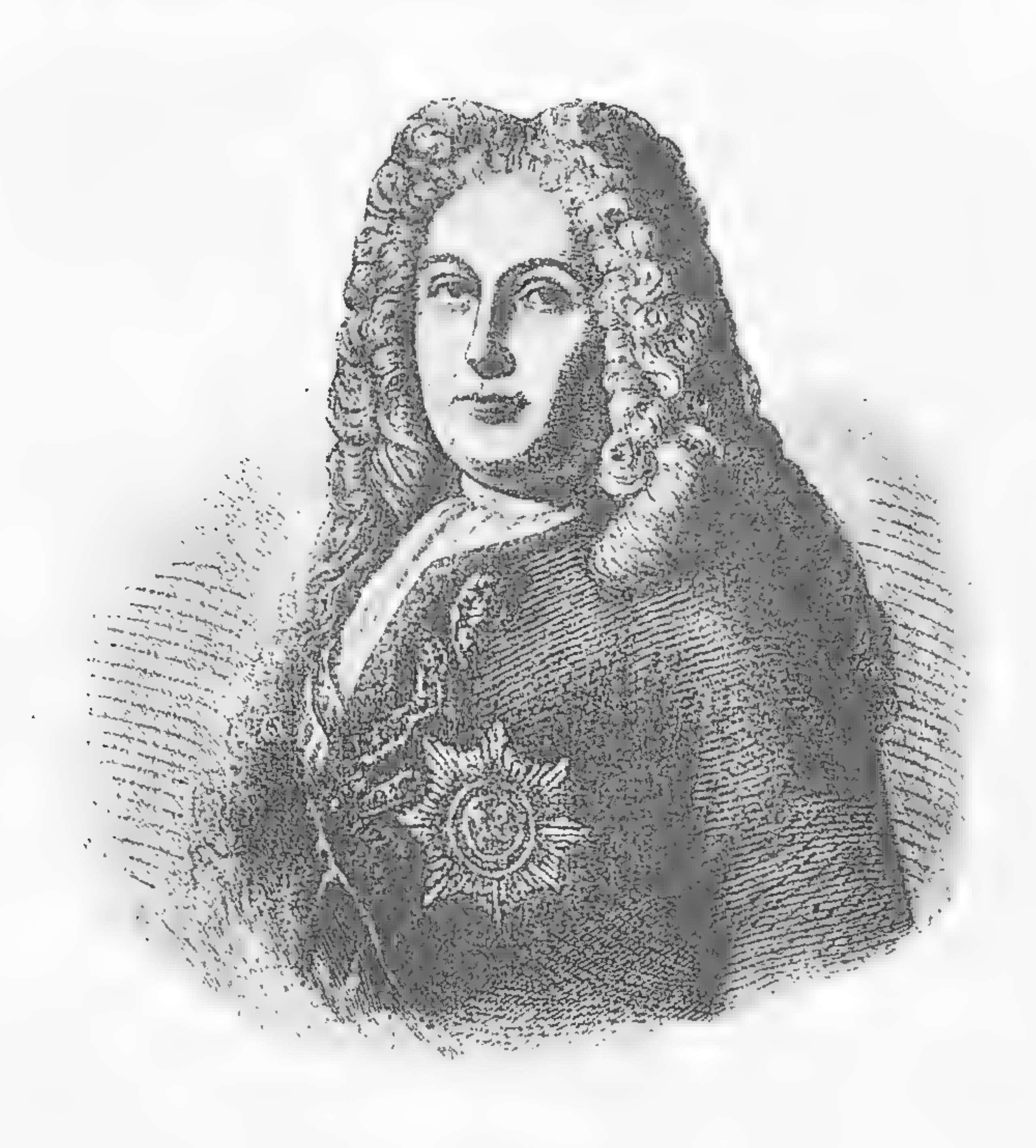
— «Хоть и затѣемъ, но не удержимъ этого», возразилъ В. Л. Долгоруковъ.

— «Право, удержимъ», отвѣтилъ князь Д. М. Голицынъ и перешелъ къ дальнѣйшему раскрытію той мысли, что *полегчить себѣ*, т.-е. верховникамъ возможно *при помощи ограниченія Самодержавія и присвоенія себѣ части Верховной Власти государыни.*

«*Будетъ во всемъ воля ваша, господа*», говорилъ авторъ государственнаго переворота; «только намъ слѣдуетъ *сейчасъ же составить пункты* и послать ихъ государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ». Возраженій не послѣдовало. Такъ легко и пассивно отнеслись присутствовавшіе къ столь трудному и основному государственному вопросу.

Въ это время постучался въ дверь вице-канцлеръ А. И. Остерманъ, прежде уклонявшійся отъ участія въ рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи, ссылаясь, что онъ иностранецъ, и что это дѣло-де русскихъ по крови людей. Опоздавъ и теперь, онъ только присоединился къ уже сложившемуся большинству голосовъ въ пользу избранія Анны Іоанновны.

Послѣ этого верховники, въ полномъ своемъ составѣ—восьми членовъ—вышли въ сосѣднюю залу, гдѣ находилась часть генералитета и сенаторовъ и члены Синода, и князь Д. М. Голицынъ объявилъ о постановленіи совѣта «быть на престолѣ Россійскомъ герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ».

А. И. Остерманъ.

Присутствовавшіе изъявили на это согласіе. Но оно не было чѣмъ-либо обдуманнымъ и зрѣлымъ. Ибо изъ числа изъявившихъ таковое были здѣсь два лица, которыя скоро потомъ явились энергическими противниками рѣшеннаго въ верховномъ тайномъ совѣтѣ государственнаго переворота, именно бывшій ге-

нералъ-прокуроръ Сената Ягужинскій и митрополитъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Послѣдній предложилъ немедленно отслужить по этому случаю въ Успенскомъ соборѣ благодарственный молебенъ, но смутившіеся этимъ верховники сказали, что молебномъ нужно подождать, а первый заговаривалъ съ ними объ ограниченіи Самодержавія, но получилъ отъ нихъ уклончивые отвѣты.

Такъ одному изъ Долгоруковыхъ онъ говорилъ: «мнѣ съ міромъ не убытокъ. Долго ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ. Теперь такое время, что Самодержавію не быть». Князь С. Г. Долгоруковъ отвѣтилъ ему: «не мое—то дѣло: я въ такое дѣло не плетусь, нижѐ о томъ думаю».

Когда же главарь—заводчикъ переворота князь Д. М. Голицынъ объявилъ вышеприведенное постановленіе, тотъ же Ягужинскій говорилъ Василію Лукичу Долгорукову: «батюшки мои, прибавьте намъ, какъ можно, больше воли». Но, очевидно, не довѣряя искренности говорившаго, тотъ уклончиво и даже лицемѣрно отвѣтилъ: «говорено уже о томъ, но то не надо».

Было уже за полночь, и присутствовавшіе стали уходить изъ дворца. Князь Д. М. Голицынъ пустился за ними и сталъ уговаривать ихъ воротиться. Немногіе согласились на это, и онъ предложилъ имъ: «станемъ писать пункты, чтобы не быть самодержавствію». Присутствовавшіе и въ ихъ числѣ тотъ же Ягужинскій вторили въ этомъ верховникамъ, конечно, не по убѣжденію, а притворно.

Отпустивъ, наконецъ, непринадлежавшихъ къ совѣту лицъ, его члены вошли въ комнату, рядомъ съ залой, гдѣ лежало тѣло усопшаго императора, и стали диктовать «пункты» правителю дѣлъ совѣта В. П. Степанову. Но и здѣсь опять проявилась неподготовленность заговорщиковъ къ важному дѣлу: они сразу въ нѣсколько голосовъ и разное диктовали Степанову, такъ что тотъ совсѣмъ ничего не могъ записать. Тогда Головкинъ съ Голицынымъ стали упрашивать осторожнаго и умнаго Остермана взять на себя диктовку. Но тотъ, понимая безнадежность насажденія въ Россіи новаго образа правленія и предвидя опасность для участниковъ такого дѣла, всячески отказывался отъ этого, ссылаясь на то, что онъ—иноземецъ и ему не подъ-стать рѣшать судьбы Русскаго Государства. Однако вынужденный къ этому сталъ редактировать, а не диктовать пункты такъ темно и уклончиво, что за это дѣло взялся наконецъ В. Л. Долгоруковъ. и подъ его диктовку написаны были ограничительные пункты.

На слѣдующій день, 20 января, верховники съѣхались въ Кремлѣ и собрались въ обычномъ для засѣданія совѣта мѣстѣ— въ Мастерской, или Оружейной Палатѣ, а въ Кремлевскій дворецъ созвали къ тому же времени синодъ, сенаторовъ и генералитетъ, но имъ было объявлено только объ избраніи Анны Іоанновны, встрѣченное троекратнымъ «виватъ», а редактировать

Генералъ-прокуроръ сената Ягужинскій.

окончательно письмо къ новой императрицѣ и ограничительные пункты верховники удалились въ свое закрытое засѣданіе.

Столь важное общегосударственное дѣло, которое они обманно выдали императрицѣ за желаніе народа, они скрывали на первыхъ порахъ даже отъ нѣсколькихъ сотъ лицъ правящаго класса.

Воспроизводимъ оба эти документа. Письмо гласило:

«Премилостивѣйшая государыня! Съ горькимъ соболѣзнованіемъ нашимъ вашему императорскому величеству верховный тайный совѣтъ доноситъ, что сего настоящаго году генваря 18,

пополуночи въ первомъ часу, вашего любезнѣйшаго племянника, а нашего всемилостивѣйшаго государя, его императорскаго величества Петра II-го не стало, и какъ мы, такъ и духовнаго и всякаго чина свѣцкіе люди, того жъ времени заблагоразсудили Россійскій престолъ вручить вашему императорскому величеству, *а какимъ образомъ вашему величеству правительство имѣть, тому сочинили кондиціи*, которыя къ вашему величеству отправили изъ собранія своего съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгорукимъ, да сенаторомъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Михайломъ Михайловичемъ Голицинымъ и з генераломъ маеоромъ Леонтьевымъ, и всепокорно просимъ оные собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сюды в Москву ѣхать и Россійскій престолъ и правительство воспріять. 19 генваря 1730». Кондиціи, которыя должна была подписать Анна, были написаны въ такой формѣ: «Чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашея вѣры греческаго исповѣданія; такожде по принятіи короны Россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный верховный тайный совѣтъ ввосми персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія: 1) ни съ кѣмъ войны не всчинать; 2) миру не заключать; 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податьми не отягощать; 4) въ знатные чины, какъ въ стацкіе такъ и въ военные сухопутные и морскіе выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ верховнаго тайнаго совѣта; 5) у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, не производить; 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать; *а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны Россійской*». Подъ письмомъ подписались: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Михайла Голицынъ, князь В. Долгоруковъ, князь Дмитрій Голицынъ, князь Алексѣй Долгоруковъ, Андрей Остерманъ.

Успѣхъ своего конспиративнаго дѣйства верховники думали обезпечить сокрытіемъ отъ новой государыни того, какъ оно устроено и что о немъ думаетъ не народъ (о немъ и рѣчи быть не могло), а высшія духовныя и правительственныя лица, дворянство и гвардія.

Конституціоналисты XVIII вѣка прежде всего сдѣлали слѣдующія распоряженія: они оцѣпили всю Москву кругомъ караулами; поставили на разстояніи тридцати верстъ по одному ун-

Митрополитъ Өеофанъ Прокоповичъ.

теръ-офицеру съ отрядомъ солдатъ, чтобы не пропускать изъ Москвы никого иначе, какъ только съ паспортомъ, выданнымъ изъ верховнаго тайнаго совѣта. Всѣмъ вольнонаемнымъ извозчикамъ, на нѣсколько дней, запрещено было подряжаться съ ѣдущими куда бы то ни было изъ Москвы. Все это было сдѣлано, чтобы никто не могъ пробраться къ новой императрицѣ изъ Москвы и не освѣдомилъ бы ее, помимо верховниковъ, о предстоящемъ ограниченіи ея Верховной Власти. Посламъ же, отправляемымъ въ Митаву, была дана инструкція, чтобы они

передали государынѣ «пункты» или «кондиціи» *наединѣ, безъ постороннихъ,* объявивъ, что въ нихъ изложены *желанія всего Русскаго Народа.* Когда государыня подпишетъ «кондиціи», они должны быть немедленно отосланы въ Москву, съ однимъ изъ пословъ, а оставшіеся должны слѣдить, чтобы мимо нихъ не было доставлено какихъ-либо вѣстей изъ Россіи и настаивать, чтобы Анна Іоанновна не медлила своимъ отъѣздомъ въ Москву и непремѣнно ѣхала бы съ послами; при этомъ ей было сообщено, что до ея пріѣзда не будетъ объявлено народу (!) о кончинѣ императора Петра II и воцареніи новой особы.

Но двухсторонній конституціонный обманъ государыни и народа терпѣлъ съ самаго начала неудачи на той и на другой сторонѣ.

Утверждаютъ, что императрица чрезъ двухъ лицъ получила извѣстіе, что ограниченіе ея власти есть затѣя верховниковъ, неодобряемая въ Россіи высшими классами ея народа: отъ Лифляндскаго помѣщика Левенвольда, которому объ этомъ писалъ его братъ изъ Москвы, и отъ гвардейскаго офицера В. С. Сумарокова, который былъ посланъ въ Митаву Ягужинскимъ, и успѣлъ проскочить черезъ всѣ заставы, устроенныя врагами Русскаго Самодержавія.

Правда, онъ былъ арестованъ въ Митавѣ и закованный въ кандалы отправленъ былъ въ Москву съ генераломъ Леонтьевымъ, но, говорятъ, уже успѣлъ предупредить императрицу, чтобы она до своего прибытія въ Москву не всему вѣрила верховникамъ, и требовала отъ пословъ, чтобы они письменно заявили ей, что *«пункты посланы ей отъ всего народа»*, а въ случаѣ отказа отъ этого, было-бъ сказано, что «Ея Величество учинитъ *по ихъ волѣ,* когда пріѣдетъ въ Москву».

Тѣмъ не менѣе Анна Іоанновна, поставленная въ положеніе, въ какомъ обыкновенно находились избирательные польскіе короли предъ подписаніемъ «pacta conventa» (конституціонныя условія), не желая, чтобы верховники передали престолъ въ другія руки, подписала предложенныя ей условія и скрѣпила ихъ обѣщаніемъ: «по сему обѣщаю вся безъ всякаго изъятія содержать». Въ письмѣ же своемъ, изъявляя желаніе, «чтобы всѣ наши подданные, какъ мірскіе, такъ и духовные, могли быть довольны», говоритъ: «а понеже къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для предъ вступленіемъ моимъ на Россійскій престолъ, по здравомъ раз-

сужденіи, изобрѣли мы за потребно, для пользы Россійскаго Государства и къ удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячность и правое намѣреніе наше, которое мы имѣемъ къ отечествію нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, и для того, елико время насъ допустило, написавъ, *какими способы мы то правленіе вести хочемъ*, и подписавъ нашею рукою, послали въ тайный верховный совѣтъ...»

Императрица Анна Іоавновна.

Верховники, казалось, достигли своей цѣли, обманувъ государыню,—выдавъ свои властолюбивые замыслы за волю народа, и ликовали, но радость ихъ была преждевременна: ибо въ средѣ правящаго класса, который могъ бы поживиться отъ низверженія Самодержавія, готовилось сильное движеніе въ пользу его возстановленія, которое свидѣтельствовало, что даже въ верхнемъ слоѣ Русскаго народа жива была и сильна предан-

ность этому основному національно-историческому началу нашего государственнаго строенія.

Эта преданность въ разныхъ степеняхъ начинаетъ скоро проявляться въ Св. Синодѣ, въ высшихъ сановникахъ, въ дворянствѣ, но ярче всего въ гвардіи, которая, впрочемъ, состояла изъ дворянъ не только офицеровъ, но и солдатъ.

Эта преданность Самодержавію въ этой средѣ имѣетъ особую цѣнность,если взять въ соображеніе слѣдующія реальныя ея условія:

1) Она не была вызвана или подогрѣта какой-либо искусственной организаціей или агитаціей и явилась непосредственнымъ выраженіемъ той среды, изъ коей исходила, ея государственнаго инстинкта, ея здраваго смысла.

2) Преданность Самодержавію проявилась въ то время, какъ преданіе о тишайшемъ и симпатичнѣйшемъ его представителѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ стало чѣмъ-то далекимъ и туманнымъ. Впечатлѣнія же Самодержавнаго режима въ три послѣднія царствованія не пробуждали особенно нѣжныхъ чувствъ. Самодержавіе Петра I было даже и для высшихъ сановниковъ, и для служилаго сословія, и для всѣхъ верхнихъ классовъ народа, силой грозной, силой суровой, силой неустаннаго труда, строжайшаго школенья, для всѣхъ же другихъ классовъ оно дало бремя тяжкихъ, продолжавшихся четверть вѣка войнъ, тяжелыхъ налоговъ и бѣдности, очень трудной ломки почти всѣхъ укладовъ жизни. Два послѣдующія Самодержавныя правленія дали мало привлекательнаго. Екатерина I дала тяжелое временщичество Меншикова, а Петръ II—запутанное господство Долгоруковыхъ. Призывъ на престолъ дочери царя Іоанна Алексѣевича не открывалъ радужныхъ перспективъ. Но тѣмъ больше заслугъ и прозорливости тѣхъ, кто, вопреки всему этому, не впали въ невѣріе по отношенію къ Русскому, ознаменовавшему себя великими историческими заслугами, національному принципу чистой, неограниченной, Самодержавной Монархіи. Истинно-русскихъ людей, въ свое время, и опричнина Іоанна IV, какъ нѣчто преходящее, не могла заставить извѣриться въ Самодержавную Царскую Власть. Неужели же указанные недостатки трехъ царствованій могли поколебать народную вѣру въ вѣковое созданіе нашей исторіи?

Еще раньше, чѣмъ удалось верховникамъ обмануть государыню, среди ея подданныхъ началось разоблаченіе конституціоннаго обмана. Вотъ, что говоритъ объ этомъ С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (т. XIX,

стр. 142, 3). «Какъ только узнали о новости, затѣянной въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, сильное волненіе и неудовольствіе обнаружилось въ высшихъ слояхъ общества. Вмѣсто одного государя — восемь (самодержцевъ). Россія должна потерять всякое значеніе, *снизойти на степень Польши и Швеціи,* гдѣ иностранныя державы пріобрѣтаютъ вліяніе деньгами, которыя онѣ раздаютъ членамъ, ограничивающихъ королевскую власть учрежденій. Россія, Австрія и Пруссія постоянно договариваются, чтобы въ Польшѣ сохранялся существующій (конституціонный)

В. И. Татищевъ.

Василии Татищев

порядокъ, т.-е. чтобы Польша оставалась постоянно слабою; а теперь въ Россіи хотятъ заводить подобный порядокъ!»

«Всѣ гарантіи, продолжаетъ историкъ, для осьми (членовъ верховнаго совѣта), а противъ осьми для остальныхъ, гдѣ гарантіи?..»

Указавъ на ту опасность, какою грозитъ захватъ Верховной Власти немногими властолюбцами для «птенцовъ гнѣзда Петра», для «дѣтей его преобразованій», С. М. Соловьевъ говоритъ, что они убѣждены въ необходимости Самодержавія для Россіи, они требуютъ стройности порядка, единства и силы въ государ-

ственномъ управленіи. «Таковъ напр. Антіохъ Кантемиръ, таковъ историкъ Василій Никитичъ Татищевъ».

Особенно любопытно, и для нашего времени, ходившее въ то время письмо талантливаго представителя средняго дворянства Артемія Волынскаго, который въ то время былъ казанскимъ губернаторомъ, а прежде пробовалъ дубинку Петра, а впослѣдствіи сдѣлался кабинетъ-министромъ Анны Іоанновны и былъ казненъ по приговору суда той государыни, за власть которой стоялъ горой.

Воспроизводя его письмо, мы подчеркиваемъ въ немъ особо выдающіяся мѣста: «Слышно здѣсь, что *дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ.* Я зѣло въ томъ сумнителенъ. *Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій:* и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однакожъ впредь конечно у нихъ безъ раздоровъ не будетъ, и такъ *одинъ будетъ миловать, а другіе, на того яряся, вредить и губить станутъ.* Второе, понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлебствомъ, и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или страха ради. И такъ, *хотя бы и вольные всего общества голосы требованы въ правленіе дѣлъ были, однакожъ бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно; а кто будетъ правду говорить, тѣ пропадать станутъ,* понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ. Къ тому же *главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ, что захочетъ, то и станетъ дѣлать,* и кого захотятъ, того выводить и производить станутъ, а *безсильный, хотя бъ и достойный былъ, всегда назади оставаться будетъ.* Третіе, не допусти Боже, *если война на насъ будетъ, и въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить никакъ невозможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода или въ годъ не сдѣлаютъ;* а что и положено будемъ, то будетъ на главныхъ всегда въ

доимкахъ, а мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ. Четвертое, если офицеры передъ штатскими не будутъ имѣть лишняго почтенія и воздаянія, то и послѣдняя пропадетъ у тѣхъ къ военной службѣ охота, понеже страха надъ ними такова, какой былъ, чаю, не будетъ. Еще же слышно, что дѣлается воля къ службѣ, и правда, что въ неволѣ служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно вамъ, что *народъ нашъ не вовсе честолюбивъ; но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ, и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то конечно и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ черезъ свой трудъ получать ни чести, ни до-*

А. П. Волынскій.

вольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ, развѣ останутся одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и въ тое чести надлежащія мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею насажаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинскій порядокъ у себя конечно потеряемъ. Притомъ же подъ властью такихъ командировъ, Боже сохрани, такъ испотворованы будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ. И какъ можно команду содержать, или отъ какихъ шалостей унять одному генералитету, если въ полкахъ не будетъ добрыхъ офицеровъ? Еще же и то, ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое шляхетство, то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкій будетъ получать

хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а прочіе большая часть разбоями и грабежами прибылей себѣ искать станутъ, и воровскія пристани у себя въ домахъ держать будутъ, а для того, хотя бъ и выпускать, однакожъ, по моему мнѣнію, развѣ съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ за кѣмъ было 50 и по послѣдней мѣрѣ 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ, и молодыя и шаткія свои лѣта пробылъ подъ страхомъ, а не на своей волѣ прожилъ»...

Анти-конституціонное движеніе растетъ, несмотря на его неорганизованность. Но и организованные и облеченные Высочайшею властью и уже командовавшіе войсками, верховники какъ-то парализованы были и не дѣйствуютъ рѣшительно. Чрезвычайно характерно даже для всего тогдашняго Русскаго мыслящаго общества, какъ для конституціоннаго, такъ и для преданнаго Самодержавію, было то, что обѣ партіи ждали того, какъ рѣшитъ ихъ споръ о государственномъ строѣ, по своемъ пріѣздѣ, новая императрица, ждали Высочайшаго ея повелѣнія, какъ твердаго и незыблемаго рѣшенія.

Въ обоихъ лагеряхъ были люди крайнихъ мѣръ. Часть антиконституціоналистовъ, считая, что немногимъ передѣлывать составъ государства преступно, готовы были внезапно напасть на верховниковъ съ оружіемъ въ рукахъ, а если они не захотятъ отстать отъ своихъ замысловъ, перебить ихъ. Другіе же думали, что ихъ можно мирными переговорами отклонить отъ ихъ «затѣйки».

«Верховники, говоритъ С. М. Соловьевъ, дѣйствуютъ угрозами «и увѣщаніями, распускаютъ слухи, что «мятежныя сборища «(ихъ враговъ)» имъ извѣстны, что безпокойныя головы, ихъ «составляющія, ими отмѣчены, какъ враги отечества скоро «будутъ перехватаны; напрасно де они надѣются на свое множе- «ство: войско де въ рукахъ верховнаго совѣта, между членами «котораго находятся оба фельдмаршала (князья В. Долгоруковъ «и В. Голицынъ); напрасно надѣются, что можно будетъ укрыть- «ся отъ бѣды; стоитъ схватить только нѣсколько человѣкъ и тѣ «въ пыткахъ укажутъ всѣхъ своихъ товарищей. Угрозы про- «извели свое дѣйствіе; многіе, особенно тѣ, которые не могли «надѣяться на сильную поддержку, испугались до того, что «боялись жить въ своихъ домахъ, переходили по ночамъ съ «мѣста на мѣсто, переодѣтые, подъ чужими именами».

«Сильные, продолжалъ историкъ, однако не трусили, въ надеждѣ, что неудовольствіе ихъ получитъ особое значеніе, когда прибу-

детъ Императрица и захочетъ опереться на нихъ, чтобъ высвободиться изъ подъ опеки верховнаго совѣта».

«И вотъ, говоритъ тотъ же историкъ, верховники призываютъ къ себѣ значительнѣйшихъ противниковъ, принимаютъ съ распростертыми объятіями, клянутся, что начали дѣло не въ собственныхъ интересахъ; жалуются, что напрасно обвиняютъ ихъ въ утайкѣ этого дѣла отъ общаго свѣдѣнія; прежде де всего они хотѣли узнать, *какъ взглянетъ на это новая Государыня*, а

Антіохъ Кантемиръ.

какъ скоро она согласится, то верховный совѣтъ намѣренъ *созвать всѣ чины* и просить у нихъ совѣта, какъ съ наибольшею пользою устроить на будущее время государственное управленіе».

Обѣщанія олигарховъ подѣлиться присвоенною властью, демократизировать ее и ссылка на Государыню не сочтены однако искренними въ средѣ враговъ «затѣйки», и они рѣшились ждать Государыни. Такъ и во время совершавшагося и уже подпи-

санаго переворота всѣ, безъ исключенія, послѣднее, окончательное рѣшеніе вопроса о коренныхъ основахъ государственнаго устройства отдавали въ Самодержавныя руки единоличной монархической власти, ждали Высочайшаго повелѣнія. Это было въ духѣ всей Русской Исторіи...

Всѣ: и сама выбранная Императрица, и верховники, и ихъ противники, чувствуя, что сорганизованное дѣйство шатко, были поражены одинаковымъ внутреннимъ раздвоеніемъ и парализованы нерѣшительностью: всѣ ждали рѣшенія труднаго вопроса отъ прямой встрѣчи Императрицы и Исторической Россіи. Однако тактическій пріемъ конституціоналистовъ создалъ 175 лѣтъ тому назадъ среди служилаго класса особую партіи колеблющихся и зыблющихся между историческимъ — монархическимъ строемъ Россіи и переустройствомъ его на чуждыхъ намъ полумонархическихъ, конституціонныхъ началахъ.

2-го февраля верховный совѣтъ особыми повѣстками созвалъ на слѣдующій день Сенатъ, Синодъ и генералитетъ на совѣщаніе. Съ недоумѣніемъ ѣхали на него приглашенные, въ загадочномъ недоумѣніи прошло и самое собраніе.

Прежде всего стали читать письмо Императрицы, начинавшееся такъ: «Хотя я разсуждала, какъ тяжко есть правленіе толь великой и славной Монархіи, однако же, повинуясь Божеской Волѣ и прося Его, Создателя, помощи, къ тому же не хотя оставить отечества моего и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, намѣрилась принять державу и правительствовать, елико Богъ мнѣ поможетъ...» Далѣе слѣдовали приведенныя выше слова, указывавшія на предоставленіе подданнымъ участія въ верховной власти въ государствѣ. Затѣмъ читались въ собраніи «кондиціи» или «пункты», уничтожавшіе Самодержавіе и вводившіе въ Россіи конституціонное начало.

Чѣмъ же все это встрѣтило огромное, уже раньше оріентированное собраніе?—Глубокимъ, но краснорѣчивымъ молчаніемъ: не желали идти противъ государыни, но и не хотѣли одобрить и властолюбивую «затѣйку», ниспровергавшую историческій строй Россіи.

«Всѣ содрогнулись».

«*Дивное было молчаніе всѣхъ*», говорилъ свидѣтель и участникъ этого собранія зоркій митрополитъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Говорилъ только одинъ изъ главныхъ авторовъ «затѣйки»— князь Д. М. Голицынъ, желая прервать тягостное молчаніе.

«Видите, сказалъ онъ, какъ милостива Государыня! И какого мы отъ нея надѣялись, таковое она показала отечеству нашему благодѣяніе! Богъ ее подвигнулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!»

Требовавшія отъ слушателей энтузіазма слова верховника вызвали опять «дивное молчаніе всѣхъ».

Желая прекратить это уже невыносимо упорное безмолвіе, тотъ же верховникъ воскликнулъ: «Для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? Изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и

Князь А. М. Черкасскій.

нѣтъ де ничего другого говорить, только благодарить толь милосердной государынѣ».

И вотъ, царствующую тишину прорѣзали тихія, но протестующія слова, произнесенныя неизвѣстно кѣмъ: «не вѣдаю, да весьма чуждуся, отъ чего на мысль пришло Государынѣ писать такъ?»

Слова этого протеста затерялись въ толпѣ и остались безъ отвѣта, а верховники предложили присутствующимъ къ подписи протоколъ съ выраженіемъ благодарности Государынѣ. Всѣ молча его подписывали въ числѣ пятисотъ человѣкъ. Только одинъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій на словахъ потребовалъ, чтобъ ему и другимъ позволено было подать мнѣніе о

новомъ государственномъ устройствѣ. Не желая раздражать присутствующихъ, верховники согласились на это, но бывшій генералъ-прокуроръ Сената, разоблачившій предъ Государыней обманъ верховниковъ, Ягужинскій былъ тотчасъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Дѣло было такъ: Д. М. Голицынъ обратился къ нему на собраніи съ вопросомъ, какъ ему кажутся кондиціи? Тотъ замялся, тогда его попросили выйдти въ другую комнату и тутъ фельдмаршалъ, князь В. В. Долгоруковъ приказалъ взять его подъ стражу.

Члены Св. Синода, послѣ подписи протокола заявили, что теперь уже не для чего откладывать благодарственный молебенъ, который и былъ совершенъ въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ. Верховники во время не догадались, и протодіаконъ, по окончаніи молебна, на многолѣтіи провозгласилъ Анну Іоанновну Самодержицей Всероссійской. Съ этимъ же историческимъ титуломъ Св. Синодъ въ тотъ же день разослалъ по епархіямъ извѣщеніе о вступленіи на Престолъ новой государыни.

Самъ верховный тайный совѣтъ 4 февраля издалъ манифестъ объ избраніи Анны Іоанновны на Престолъ и ея согласіи на принятіе его, о томъ, что она находится на пути въ Москву и что по ея прибытіи будетъ учинена присяга.

5 февраля былъ изданъ указъ, что новая Императрица будетъ имѣть такой же титулъ, какъ Екатерина I.

У верховниковъ шли разговоры, что слѣдовало бы, «чтобы народъ вѣдалъ», внести въ манифестъ «кондиціи и письмо Ея Величества», но нѣкоторые изъ правителей нашли осторожнѣе, «чтобъ о кондиціяхъ объявленіе тогда учинить, когда Ея Императорское Величество прибудетъ, дабы народъ не сумлѣвался, что выданы отъ верховнаго совѣта, а не отъ Ея Величества»...

Въ то время, какъ Государыня ѣхала изъ Митавы въ Москву, въ верховный совѣтъ поступали разные проекты преобразованія государства, направленные главнымъ образомъ къ ограниченію власти восьми самодержцевъ. Эти проекты вызваны были тѣмъ, что желая заинтересовать правящій классъ въ совершенномъ переворотѣ, верховники давали обѣщанія расширить участіе въ дѣлахъ высшаго управленія выборнымъ отъ дворянства и представителямъ высшихъ правительственныхъ учрежденій.

10 числа Императрицу три архіерея и три сенатора встрѣтили подъ Москвой въ селѣ Чашникахъ и получили отъ нея приказаніе на слѣдующій день совершить похороны Императора Петра II, который и былъ погребенъ въ Архангельскомъ Соборѣ.

12 числа, принимая въ селѣ Всесвятскомъ батальонъ Преображенскаго полка и роту Кавалергардовъ, Анна Іоанновна, вопреки условіямъ съ верховниками, безъ ихъ согласія, объявила себя полковникомъ перваго и капитаномъ второй, а 14, при представленіи Совѣта и Сената не допустила, чтобы кто-нибудь изъ верховниковъ возложилъ на нее поднесенный орденъ Андрея Первозваннаго.

15 февраля происходили торжественный въѣздъ Императрицы въ Москву и присяга, въ которой хотя нѣкоторыя выраженія, означавшія самодержавіе и были исключены, однако не были внесены выраженія, которыя бы указывали на новую форму правленія, а главное не было упомянуто о правахъ верховнаго тайнаго совѣта и о кондиціяхъ съ нимъ Императрицы. Говорятъ, что князь В. В. Долгоруковъ хотѣлъ заставить Преображенцевъ дать присягу на вѣрность не только Государынѣ, но и верховному совѣту, но тѣ сказали ему, что они переломаютъ ему ноги.

Очевидно, обѣ стороны, глубоко враждебныя другъ другу, не рѣшались вступить въ открытую борьбу за новый и старый историческій строй,ожидая рѣшенія мучительнаго вопроса отъ Высочайшей Воли Императрицы. Не допуская къ ней своихъ противниковъ, ее «сторожилъ, какъ драконъ» Василій Лукичъ Долгоруковъ; и верховники настаивали, чтобы она явилась въ ихъ засѣданіе и торжественно подтвердила конституцію. Но противники ея скрыто чрезъ разныхъ лицъ отговорили Государыню отъ этого шага. Защитники историческаго строя Россіи собирались на совѣщанія на Никитской—въ домъ князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго и на Мясницкой—въ домъ князя Барятинскаго. Наиболѣе дѣятельными членами этихъ совѣщаній были гвардейцы Салтыковы, родственники Царицы, Апраксинъ, Еропкинъ, кн. Волконскіе, Матвѣевъ. Изъ представителей образованности дѣйствовали В. Н. Татищевъ и Антіохъ Кантемиръ, изъ представителей церкви болѣе всѣхъ митрополитъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и другія лица высшаго духовенства. Въ движеніи принималъ скрытое участіе Остерманъ.

25 февраля верховники во время своего засѣданія были быстро позваны во дворецъ и увидали тамъ Государыню, а предъ нею большое собраніе въ 800 человѣкъ изъ свиты, генералитета и дворянства. Съ разрѣшенія Государыни князь Черкасскій сталъ читать отъ имени собравшихся челобитную. Воздавъ благодарность Государынѣ за высокую милость ко всему государству, челобитчики говорили,

что «поднесенные ей пункты содержатъ въ себѣ такія сумнительства, что бóльшая часть народа находится въ страхѣ предъ будущими безпокойствами», что они просили верховный совѣтъ «безопасную форму правленія учредить», что объ этомъ не было тамъ ничего рѣшено, что многія мнѣнія не были даже приняты и было объявлено, что безъ воли Ея Императорскаго Величества того учинить невозможно». Челобитная сведена была къ просьбѣ, «дабы всемилостивѣйше, по поданнымъ отъ насъ и отъ прочихъ мнѣніямъ, соизволили собраться всему генералитету, офицерамъ, шляхетству (дворянству): разсмотрѣть и всѣ обстоятельства изслѣдовать, согласнымъ мнѣніемъ по большинству голосовъ, форму, какая бы угодна была всему народу, сочинить и Вашему Величеству къ утвержденію представить».

Челобитная была принята. Сильное волненіе охватило все собраніе. Гвардейскіе офицеры кричали, что необходимо возстановить Самодержавіе.

Пригласивъ собраніе успокоиться, Василій Лукичъ Долгоруковъ спросилъ князя Черкасскаго:

— Кто позволилъ вамъ, князь, присвоить себѣ право законодателя?

Князь Черкасскій отвѣтилъ:

—«Вы вовлекли Государыню въ обманъ; вы увѣрили Ея Величество, что кондиціи, подписанныя ею въ Митавѣ, составлены съ согласія всѣхъ чиновъ государства. Это—неправда. Онѣ составлены безъ нашего вѣдома и участія».

Долгоруковъ сталъ совѣтовать Государынѣ удалиться и съ верховнымъ совѣтомъ обсудить челобитную. Анна Іоанновна колебалась. Но тутъ подошла къ ней съ перомъ и чернильницей сестра ея Екатерина Іоанновна и сказала:

— Нѣтъ, государыня, нечего теперь разсуждать. Вотъ перо извольте подписать.

Императрица на челобитной написала: «учинить по сему», и, возвративши Черкасскому челобитную, поручила дворянству немедленно обсудить дѣло и въ тотъ же день сообщить ей результатъ своихъ совѣщаній.

Но волненіе не улеглось. Гвардейскіе офицеры кричали: «мы не дозволимъ, чтобы Государынѣ предписывались законы. Она должна быть такою же Самодержавною, какъ были ея предки».

Государыня стала уговаривать гвардейцевъ, но они, охваченные волненіемъ, бросились предъ ней на колѣни и кричали:

«Государыня, мы, вѣрные подданные Вашего Величества; мы вѣрно служили прежнимъ великимъ Государямъ и сложимъ головы на службѣ Вашего Величества. Прикажите, Государыня и мы принесемъ къ вашимъ ногамъ головы вашихъ враговъ». Тогда Анна Іоановна сказала: «Вижу, что я не безопасна; повинуйтесь генералу Салтыкову и только ему одному». Этимъ отрѣшенъ былъ отъ командованія гвардіей фельдмаршалъ В. В. Долгоруковъ, и кончилась уже утвержденная зависимость гвардіи отъ верховнаго тайнаго совѣта. Гвардейцы грозили повыбросать изъ оконъ враговъ Самодержавія.

Согласно съ повелѣніемъ императрицы, дворянство удалилось для совѣщанія въ сосѣднюю залу, а государыня, вмѣстѣ съ чле-

Орелъ Петра Великаго.

нами верховнаго совѣта, пошла обѣдать. Настроеніе и мысли собравшихся были ясны, и совѣщаніе было непродолжительнымъ.

Въ четвертомъ часу дворянство снова вошло въ аудіенцъ-залу, куда прибыла императрица, въ сопровожденіи верховниковъ, все время бывшихъ подъ ея наблюденіемъ.

Дворянство подало императрицѣ новую челобитную, редактированную княземъ Антіохомъ Кантемиромъ. Принеся благодарность за соизволеніе на указанное совѣщаніе, челобитчики говорили что «усердіе вѣрныхъ подданныхъ, которое отъ насъ должность наша требуетъ, побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того *въ знакъ нашего благодарства всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше*

принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ Вашему Императорскому Величеству отъ верховнаго совѣта и подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить. Также всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество просимъ, чтобъ соизволили сочинить вмѣсто верховнаго совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ, 21 персоною; такожде нынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный Правительствующій Сенатъ, и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно бъ было шляхетству выбирать баллотированьемъ, какъ то при Петрѣ Первомъ установлено было; и притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по вашему всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущаго времени нынѣ установить. Мы напослѣдокъ Вашего Императорскаго Величества раби всепокорнѣйше надѣемся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному Величества Вашего благоутробію презрѣны не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ». Февраля 25, 1730. Подписи: князь Иванъ Трубецкой, Григорій Чернышевъ, Ушаковъ, Новосильцевъ, князь Григорій Юсуповъ, Михайла Матюшкинъ, князь Алексѣй Черкасскій, Сукинъ, Олсуфьевъ, князь Никита Трубецкой, графъ Михайла Головкинъ и т. д., подписей 150.

Выслушавъ это ходатайство Императрица сказала:

— «Какъ? Развѣ пункты, поднесенные мнѣ въ Митавѣ, составлены были не по желанію народа?»

— «Нѣтъ», отвѣчали собравшіеся, при молчаніи верховниковъ.

— «Такъ значитъ ты, Василій Лукичъ, обманулъ меня, сказала Анна Іоанновна, обращаясь къ князю Долгорукову.

Императрица приказала правителю дѣлъ Совѣта Маслову немедленно подать кондиціи и митавское письмо, которыя были принесены канцлеромъ Головкинымъ.

Оба документа въ присутствіи всѣхъ собравшихся Императрица изорвала..... Такъ кончилось недолгое существованіе хартіи, вырванной обманомъ у царицы и для обмана народа и ниспровергавшей историческій строй Россіи.....

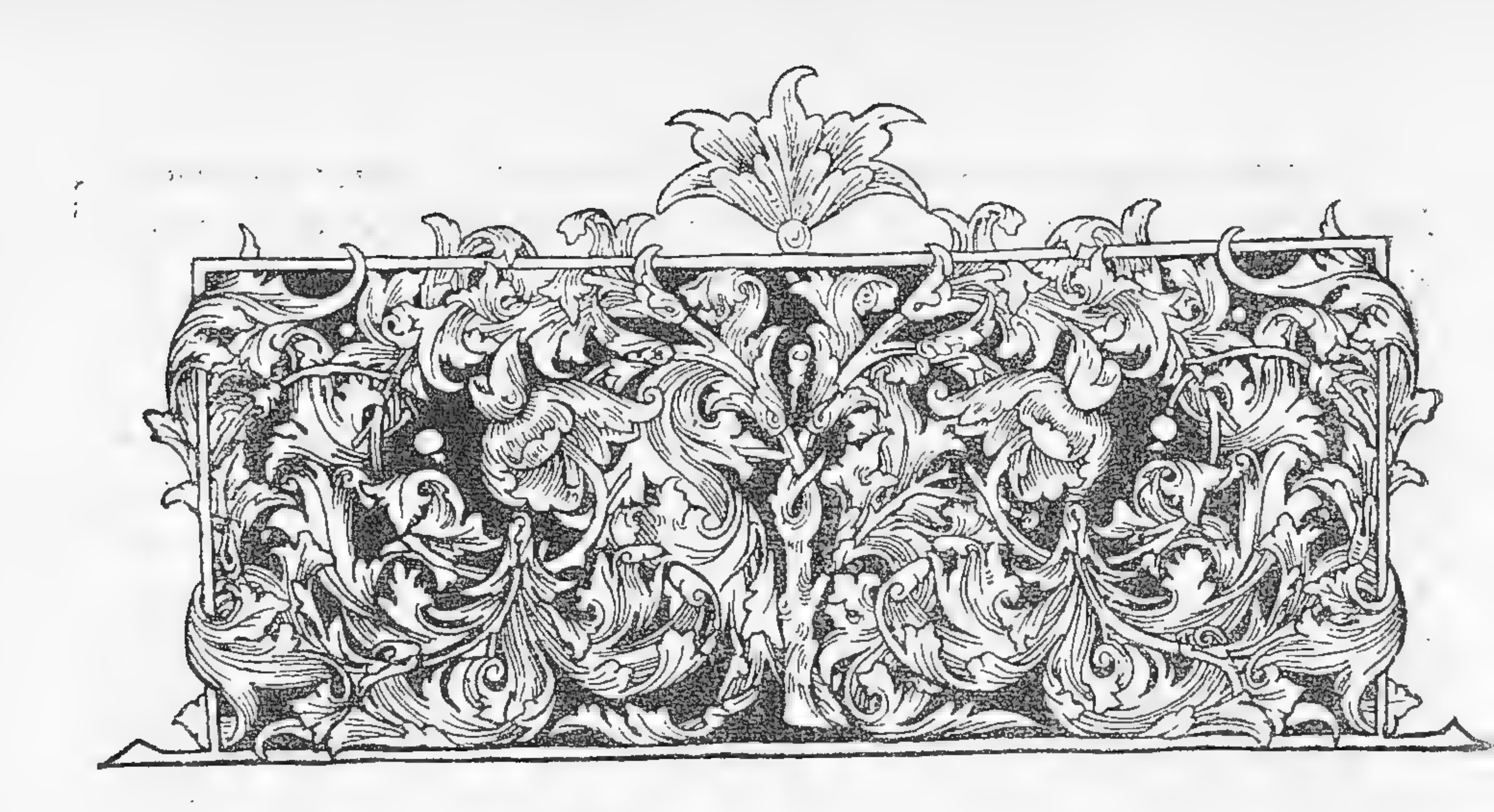
Всѣ стали цѣловать руку Императрицы и въ ихъ числѣ авторы конституціи...

Императрица приказала составить присягу о Самодержавіи. Министры ее подписали, и на 1-е марта назначено было для народа принесеніе присяги.

Императрица дала приказъ немедленно освободить изъ тюрьмы Ягужинскаго и пригласить его во дворецъ, а фельдмаршалу князю В. В. Долгорукову съ почетомъ встрѣтить его у дверей, и при полномъ собраніи дворянства возвратила ему шпагу и орденъ Андрея Первозваннаго, объявила ему похвалу за вѣрность и защиту Самодержавныхъ правъ царскихъ. Ягужинскій преклонилъ колѣно и сейчасъ же былъ объявленъ генералъ-прокуроромъ возстановленнаго Сената.

Анна Іоанновна короновалась въ Большомъ Успенскомъ соборѣ Самодержавною Императрицей, и всѣ радовались возстановленію историческаго исконно-русскаго образа правленія. Примѣчательно, что при двухъ послѣдующихъ государственныхъ переворотахъ (при Іоаннѣ Антоновичѣ и Петрѣ III) уже и не возникалъ вопросъ объ ограниченіи Царской Власти, несмотря даже на то, что въ правленіе Анны Іоанновны у насъ началось господство нѣмцевъ (Остермана, Миниха и Левенвольда) и тяжело легло на всѣхъ временщичество Бирона, между тѣмъ какъ верховники склонны были въ своемъ большинствѣ возвратить Россію даже къ до-Петровскимъ временамъ, снова дать преобладаніе Русскимъ людямъ и опять сдѣлать столицею Москву. Очевидно, лучше было снести невѣрное анти-національное направленіе внутренней политики и тяжелый фаворитизмъ, какъ временныя, переходящія явленія, чѣмъ, отказавшись отъ историческихъ завѣтовъ, навсегда отдаться раздробленой, лишенной монархическаго единства несамодержавной Верховной Власти.

Но обратимся къ главнѣйшимъ чертамъ царствованія Анны Іоанновны.

2.

Уничтоженіе верховнаго тайнаго совѣта и возстановленіе Сената.—Кабинетъ министровъ.—Отмѣна майората, сокращеніе обязательной службы для дворянъ, учрежденіе кадетскаго корпуса, другія образовательныя учрежденія, финансовыя и экономическія мѣры.—Передача престола Іоанну Антоновичу.—Короткое регентство Бирона и Анны Леопольдовны.—Восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны.

оставленный выше Сената тайный совѣтъ, помѣстивъ самъ себя рядомъ съ Монархическою Верховною Властью и захвативъ въ свои руки ея полномочія, осудилъ себя на уничтоженіе, и Анна Іоанновна, тотчасъ послѣ разоблаченія обмана верховниковъ, закрыла это учрежденіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, возвращено было значеніе Петровскому Сенату, какъ учрежденію, которому подчинены всѣ коллегіи и другія государственныя установленія, и была возстановлена должность генералъ-прокурора. Но ни Сенатъ, ни генералъ-прокуроръ въ дѣйствительности не взяли той силы, какую имъ придавалъ Петръ Великій: не нарушая правъ Царскаго Самодержавія, онъ какъ извѣстно придавалъ Сенату, большую самостоятельность, а его рѣшеніямъ силу закона, буде таковыя состоятся единогласно и не встрѣтятъ возраженія со стороны генералъ-прокурора, который разсматривалъ ихъ со стороны ихъ сообразности съ суще-

ствующими законами и, какъ «око Государя», со стороны интересовъ и видовъ Его Императорскаго Величества.

Одной изъ главныхъ причинъ послѣдующаго ослабленія значенія Сената было учрежденіе кабинета-министровъ (Остерманъ, Черкасскій, Головкинъ, а затѣмъ Волынскій были назначены кабинетъ-министрами), которому былъ подчиненъ Сенатъ и который отдалялъ отъ непосредственной близости къ престолу и сенаторовъ и генералъ-прокурора.

Часть высшаго дворянства, все среднее и низшее, какъ мы видѣли, проявили горячую преданность Царскому Самодержавію и энергически содѣйствовали возстановленію его исторической силы, и Императрица вникла въ ходатайства дворянства, возбужденныя еще при существованіи верховнаго совѣта и возобновленныя при возстановленіи Самодержавія, и облегчила положеніе и службу дворянства.

Петръ Великій, для подъема значенія дворянства, обремененнаго имъ обязательной пожизненной службой до смерти, задумалъ, какъ было уже сказано, по западно-европейскому образцу, сосредоточить въ рукахъ старшихъ его линій крупную земельную собственность. Дабы она не раздроблялась, онъ ввелъ единонаслѣдіе ея въ рукахъ одного изъ сыновей семьи. Но майоратъ былъ не въ народномъ духѣ нашего дворянства: онъ не соотвѣтствовалъ Русскимъ понятіямъ о равныхъ правахъ всѣхъ сыновей на отцовское наслѣдство; и притомъ, каждый изъ нихъ нуждался въ долѣ отцовскаго имѣнія, такъ какъ служба оплачивалась у насъ слишкомъ скуднымъ жалованьемъ. Въ виду этого дворяне-отцы всячески обходили майоратъ и отдавали младшимъ сыновьямъ деньги, скотъ и весь сельско-хозяйственный инвентарь. Старшимъ нечѣмъ было вести хозяйство, а младшимъ безъ земель трудно было изъ полученнаго отъ родителей сдѣлать надлежащее примѣненіе, что вело къ разоренію помѣщичій классъ. Вслѣдствіе этого императрица отмѣнила майоратъ и возвратила помѣщикамъ право дѣлить поровну свое движимое и недвижимое имущество сыновьямъ.

Совершенное Петромъ прикрѣпленіе дворянства къ безсрочной, главнымъ образомъ, военной службѣ, которую дворяне повинны были отбывать съ солдатчины въ гвардіи, было, по ходатайству дворянства, облегчено Анной Іоанновной: срокъ военной службы дворянъ былъ сокращенъ до 25 лѣтъ. Дворянинъ обязанъ былъ до 20 лѣтъ учиться въ школѣ или дома, послѣ того долженъ былъ отбывать военную службу до 45 лѣтъ, а за-

тѣмъ имѣлъ право выйти въ отставку. Если онъ получалъ образованіе дома, то два раза (12 и 16 лѣтъ) обязанъ былъ являться на экзаменъ и буде на послѣднемъ оказывался невѣждой въ Законѣ Божіемъ, грамматикѣ, ариѳметикѣ и другихъ предметахъ, отдавался на безсрочную службу во флотъ, въ простые матросы безъ выслуги. Неспособныхъ къ военной службѣ дворянъ опредѣляли въ коллегіи и сперва обучали ихъ канцелярскимъ дѣламъ.

Поступленіе дворянъ въ рядовые гвардіи и арміи, наравнѣ съ рекрутами другихъ классовъ, также составляло тягость, и императрица, по ходатайству дворянства и по плану Миниха, учредила въ Петербургѣ кадетскій корпусъ (шляхетскій), откуда его питомцы, окончивъ свое образованіе, поступали, минуя солдатскую службу, въ офицеры арміи. Новое заведеніе давало главнымъ образомъ общее образованіе и выпускало своихъ питомцевъ и на гражданскую службу.

И вообще образовательные планы Петра въ это правленіе не тормозились. Такъ, при Академіи наукъ открыта была для 35-ти мальчиковъ академическая гимназія, готовившая ихъ въ академическій университетъ. Продолжали снаряжаться географическія экспедиціи для изученія береговъ Камчатки и для рѣшенія вопроса, соединяется ли Азія съ Америкой (Берингъ), для изученія Сибири (академикъ Миллеръ) и для открытія пути по Ледовитому океану изъ Архангельска въ устье Оби. Для разработки Русской Исторіи въ это время трудились, кромѣ помянутаго германскаго ученаго Миллера, Манкіевъ и В. Н. Татищевъ. По литературѣ работали Кантемиръ и Тредьяковскій и выступалъ, прославившійся въ послѣдующія царствованія, Ломоносовъ.

Не промышленная страна, едва тронутая въ своихъ естественныхъ богатствахъ, Россія была крайне истощена въ своихъ экономическихъ и финансовыхъ силахъ двадцатипятилѣтними войнами при Петрѣ Великомъ и требовала сложныхъ мѣръ къ подъему своего матеріальнаго состоянія.

Въ области хозяйства, промышленности и торговли это царствованіе было продолженіемъ царствованія Петра I. Такія же, какъ при немъ, издавались правительственныя распоряженія по лѣсосохраненію, противъ лѣсныхъ пожаровъ, неправильной рубки лѣсовъ, о заповѣдныхъ лѣсахъ, особенно по берегамъ Волги на сто верстъ съ обѣихъ ея сторонъ.

Хлѣбная торговля, смотря по урожаямъ, была то стѣсняема, то расширяема. Въ страшный неурожай 1734 года велѣно было у купцовъ, торговавшихъ хлѣбомъ, скупать хлѣбъ въ казну безъ платежа пошлинъ, и притомъ по такой цѣнѣ, чтобы хозяину не оставалось барыша болѣе 10%. Изъ мѣстностей, пораженныхъ неурожаемъ, воспрещалось вывозить хлѣбъ въ столицы. Рыбные промыслы на нижней Волгѣ, производство селитры и поташа сдѣлались монополіей государства. Для сокращенія количества пожаровъ поощрялось производство кровельной черепицы. Равнымъ образомъ, поощрялось рудоискательство и металлическое

Графъ Минихъ.

производство частными лицами и компаніями. Многіе казенные Уральскіе заводы перешли въ частныя руки. Оказывалось покровительство ткацкому дѣлу — производству шерстяныхъ и шелковыхъ тканей и выработкѣ кожи. Фабричные рабочіе освобождались отъ подушной подати.

Иноземцамъ разрѣшалась въ Россіи только оптовая торговля. Такая же только торговля дозволялась и евреямъ въ Малороссіи и Бѣлоруссіи. Даже поднимался вопросъ объ ихъ выселеніи изъ первой.

При монетной конторѣ учреждена была ссудная казна, изъ

коей подъ залогъ серебра выдавались ссуды за невысокіе проценты, чтобы ослабить ростовщичество.

Но такого рода мѣры, по самой природѣ своей, медленно дѣйствовали на экономическій подъемъ государства, и оно, нуждаясь въ деньгахъ, должно было обращаться къ взысканію прямыхъ податей.

На всемъ народѣ накопилось еще отъ прежнихъ царствованій много недоимокъ всякаго рода, а въ это царствованіе онѣ еще болѣе увеличились; правительство не могло добиться не только ихъ уплаты, но и свѣдѣній о томъ, сколько же ихъ накопилось. Въ началѣ правительство оказывало большія льготы народу во взысканіи недоимокъ. Такъ, при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, сложена была недоимка всего подушнаго оклада, доходившая до 4-хъ милліоновъ рублей. По поводу неурожая, въ 1735 году сложена была во всемъ государствѣ половина недоимокъ подушнаго оклада, а въ голодающихъ мѣстностяхъ крестьянамъ выдавалось въ ссуду зерно. Но въ предпослѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны пришли къ такому убѣжденію, что не слѣдуетъ слагать недоимокъ, потому что чрезъ такія льготы выигрывали только тѣ, кто не спѣшили уплатой податей; тѣ же, кто были исправны, не могли воспользоваться этими милостями.

Гвардія была увеличена учрежденіемъ двухъ новыхъ полковъ — Коннаго и Измайловскаго. Завѣдывавшій всѣмъ военнымъ дѣломъ, фельдмаршалъ Минихъ, привелъ Русское войско въ отличное состояніе. Не смотря на строгую дисциплину, онъ былъ любимъ офицерами и солдатами.

Въ это царствованіе изъ за союза съ Россіей боролись двѣ державы—Австрія и Франція. Первая обѣщала намъ поддержку въ отношеніяхъ къ Польшѣ и Турціи. Анна Іоанновна, по совѣту Остермана, выбрала союзъ съ Австріей и, въ виду враждебныхъ отношеній Персіи къ Турціи,—возвратила персамъ завоеванныя Петромъ I у Каспійскаго моря земли, которыя тогда еще не приносили пользы Россіи и своимъ вреднымъ климатомъ причиняли намъ не малый вредъ. Это было сдѣлано въ предвидѣніи войны съ Турціей, которой Россія была недовольна за утрату Азова.

Между тѣмъ, въ Польшѣ умеръ союзникъ Петра Августъ II (1733) и началась обычная въ междуцарствіе избирательная борьба изъ за престола. Франція, король которой былъ женатъ на дочери

низложеннаго польскаго короля Станислава Лещинскаго (за Людовика XV прежде сватали дочь Петра Великаго Елизавету), поддерживала кандидатуру королевскаго тестя, а Россія поддерживала Саксонскаго принца,—сына умершаго короля,—Августа, который объ-

Іоаннъ регентъ
і Герцогъ
Biron

щалъ Россіи содѣйствіе въ присоединеніи Курляндіи, а для Польши Лифляндіи.

Когда, взявшая верхъ среди польской шляхты, французская партія на Варшавскомъ избирательномъ сеймѣ провела въ ко-

роли Лещинскаго, Россія, по соглашенію съ Австріей, двинула свои войска, подъ начальствомъ генерала Ласси, въ Польшу. Новый король, вмѣстѣ съ отрядомъ французовъ, удалился въ Данцигъ (Гданскъ), и былъ тамъ осажденъ, а саксонская партія провозгласила въ Варшавѣ королемъ Августа III. Такъ какъ осада затянулась, то Анна Іоанновна съ новыми войсками, послала къ Данцигу Миниха. Лещинскій, переодѣтый крестьяниномъ, бѣжалъ во Францію, а ставленникъ Россіи утвердился на Польскомъ престолѣ.

Франція, недовольная этимъ, стала интрижно дѣйствовать противъ Россіи въ Турціи, которая вслѣдствіе этого начала обострять свои отношенія къ намъ. Нападенія вассальныхъ по отношенію къ Турціи крымскихъ татаръ на Русскія владѣнія побудили Анну Іоанновну вступить въ войну съ Турціей. Въ союзъ съ нами, впрочемъ, крайне недѣятельный, вступила Австрія. Русскія же войска подъ начальствомъ Ласси и Миниха одержали рядъ блестящихъ побѣдъ надъ Турками и сильно подорвали ихъ военную силу. Минихъ взялъ Перекопъ и опустошилъ западную часть Крыма вплоть до Бахчисарая, а Ласси взялъ Азовъ и разорилъ восточную часть Крыма. Послѣ этого, Минихъ взялъ Очаковъ, нанесъ страшное пораженіе Туркамъ при Ставучанахъ въ Молдавіи, овладѣлъ Хотиномъ и перешелъ Прутъ, готовясь идти за Дунай. Франція стала бояться за самый Константинополь и подкупила австрійскихъ министровъ покинуть союзъ съ Россіей. Императора Карла VI убѣдили, будто дѣйствительная опасность грозитъ Австріи не со стороны Турціи, а со стороны Россіи, которая можетъ де привлечь къ себѣ австрійскихъ славянъ. Россія должна была, послѣ потери въ 100 тысячъ человѣкъ, заключить миръ въ Бѣлградѣ въ 1734 году, по которому Турція отдала намъ полосу земли между Бугомъ и Днѣпромъ и обязалась срыть укрѣпленія Азова.

Отрицательныя стороны этого правленія заключались, главнымъ образовъ, въ господствѣ у насъ нѣмцевъ и особенно въ тяжелой Бироновщинѣ.

Вопреки примѣру Петра, Русскіе люди въ то время были поставлены на задній планъ, а главное значеніе пріобрѣли чужестранцы, изъ коихъ особенно выдавались, кромѣ Остермана и двухъ названныхъ генераловъ, Левенвольдъ и Биронъ.

Послѣдній изъ простыхъ Курляндцевъ, благодаря фавору, сдѣлался первымъ лицомъ въ государствѣ, временщикомъ—этого

правленія. Овладѣвъ довѣріемъ Анны Іоанновны, онъ много тяжелаго внесъ въ ея царствованіе. Если Долгорукіе и Голицыны справедливо понесли болѣе или менѣе тяжелыя кары, то многіе Русскіе, благодаря Бирону, потерпѣли совсѣмъ уже не заслуженныя гоненія. Ихъ справедливое негодованіе противъ господства иноземцевъ, не жалѣвшихъ Русскихъ и заботившихся только о своихъ выгодахъ, вызывало въ Русскихъ естественное сочувствіе. Въ послѣднія годы Анны Іоанновны стали нещадно взыскивать съ крестьянъ недоимки; у иныхъ продавали все, что только можно было продать; сельскихъ старостъ и помѣщиковъ за невзысканіе недоимокъ сажали въ тюрьмы; держали въ таковыхъ и воеводъ до взноса

Анна Леопольдовна.

платежей. Всюду былъ ропотъ. По мысли Бирона была возстановлена уничтоженная Петромъ II страшная тайная канцелярія, и всюду разсѣялись бироновскіе шпіоны, накликавшіе *словомъ и дѣломъ* тяжелыя пытки и заточенія, которыя постигали даже духовныхъ лицъ (напр. Тверского архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго).

Особенно печальна была судьба кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго. Талантливый сотрудникъ Петра, онъ правда не былъ безукоризненъ въ свое губернаторство въ Казани и Астрахани (взяточничество и т. п.), однако онъ снискалъ своими полезными совѣтами расположеніе императрицы. Но, по-

давъ ей записку: «Разсужденіе о направленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ», въ коей высказался противъ властныхъ иностранцевъ, онъ тѣмъ возбудилъ ихъ противъ себя, а столкновеніе его съ Бирономъ, хотя тотъ и провелъ его въ кабинетъ министровъ, привело его къ трагической гибели.

Императрица любила разныя увеселенія и по случаю свадьбы одного изъ своихъ шутовъ съ шутихой устроила въ 1740 году на Невѣ потѣшный ледяной домъ и на это празднество велѣла собрать со всѣхъ концовъ Россіи инородцевъ въ ихъ національныхъ костюмахъ. Поздравительные стихи, по случаю этого комическаго празднества, было поручено написать секретарю академіи наукъ прилежному, но недаровитому писателю Тредьяковскому. Раздраженный же на него Волынскій побилъ его, а тотъ пошелъ на него жаловаться Бирону. Встрѣтивъ жалобщика, Волынскій избилъ его въ домѣ самого временщика. Биронъ па колѣняхъ вымолилъ у императрицы приказъ предать суду своего врага, и Волынскій, осужденный за мнимые замыслы противъ правительства, былъ казненъ. Эта несправедливая казнь еще болѣе омрачила то тяжелое время.

Предъ своею смертью, желая упрочить престолъ въ родѣ Іоанна Алексѣевича, Анна Іоанновна своимъ преемникомъ назначила недавно родившагося Іоанна Антоновича, сына ея племянницы (дочери Екатерины Іоанновны, герцогини Мекленбургской) Анны Леопольдовны, выданной замужъ за герцога Брауншвейгскаго.

Биронъ склонилъ кабинетъ-министровъ, Сенатъ и синодъ подать императрицѣ ходатайство о назначеніи его регентомъ до совершеннолѣтія Іоанна Антоновича. Это ходатайство выдавалось тоже за народное желаніе. Но Анна Іоанновна, предвидя, что самъ Биронъ готовитъ себѣ тяжкое паденіе, колебалась было дать свое на это согласіе. Временщикъ однако добился своего: онъ объявленъ былъ регентомъ государства. Анна Іоанновна умерла 17 октября 1740 года.

Слишкомъ недолго было царствованіе младенца Іоанна VI, а еще короче — регентство Бирона.

Передача управленія въ руки этого инородца, въ связи съ господствомъ у насъ нѣмцевъ при Аннѣ Іоанновнѣ, а также съ устраненіемъ отъ престола дочери Петра Великаго, Елизаветы Петровны, любимой въ гвардіи, духовенствѣ и народѣ, была дѣломъ неосмотрительнымъ. Человѣкъ безъ образованія и государственнаго смысла, своекорыстный и жестокій, Биронъ самъ

шелъ къ своему паденію: своимъ дурнымъ отношеніемъ и даже угрозами — выслать за границу, — онъ поддерживалъ ненависть къ себѣ въ родителяхъ Іоанна Антоновича и облегчалъ борьбу съ собою тѣхъ, кто хотѣлъ занять его мѣсто. Такъ честолюбивый и энергическій Минихъ, которому Анна Леопольдовна жаловалась на притѣсненія регента, уговаривалъ ее лишить послѣдняго власти и самой сдѣлаться правительницей. Пользуясь расположеніемъ гвардіи, онъ подготовилъ переворотъ и склонилъ колеблющуюся Анну Леопольдовну дать согласіе на арестъ Бирона,

Іоаннъ Антоновичъ.

который и былъ взятъ подъ караулъ, преданъ суду и по лишеніи чиновъ былъ сосланъ въ Сибирь въ Пелымъ.

Объявившая себя правительницей Анна Леопольдовна, какъ и мужъ ея Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій, не были однако способны удержать въ своихъ рукахъ власть и сами своею слабостью подготовляли новый переворотъ въ пользу популярной въ народѣ Елизаветы Петровны.

Вмѣстѣ съ сестрой своею Анной Петровной, отъ коей остался сынъ Петръ, она не домогалась престола и въ два пред-

шествующія царствованія держала себя въ сторонѣ отъ дѣлъ правленія.

Русская душою, она была религіозна по-православному, любила наше богослуженіе, ѣздила и даже ходила пѣшкомъ на богомолье, какъ напр. въ Троицкую Лавру. Живя въ своихъ помѣстьяхъ, она была близка къ русскому народу: водила хороводы и распѣвала народныя пѣсни съ крестьянскими дѣвушками, всячески помогала крестьянамъ. Ласковая, веселая, красавица собою, она всюду пользовалась живою симпатіей, въ особенности въ гвардіи, гдѣ ее называли «Матушка — Елизавета Петровна». Совершенно естественно, что въ періодъ отсутствія яснаго закона о престолонаслѣдіи и переворотовъ, она въ широкихъ Русскихъ кругахъ стала предметомъ надеждъ на освобожденіе Россіи отъ иноземныхъ пришельцевъ, на новое желанное царствованіе. Но не отъ нея и не отъ окружавшихъ ее Русскихъ исходилъ подготовлявшійся переворотъ.

Главными двигателями его являются докторъ, французъ по происхожденію, Лестокъ и французскій посланникъ Маркизъ Шетарди. При Аннѣ Леопольдовнѣ Россія стала поддерживать Австрію и дочь императора Карла VI Марію Терезію противъ Франціи. Эта послѣдняя возбудила къ войнѣ противъ насъ Швецію, желавшую возвратить себѣ завоеванія Петра Великаго.

Нѣкоторые изъ приближенныхъ не разъ уже склоняли Елизавету Петровну, опираясь на нерасположеніе Русскихъ къ нѣмцамъ, устранить отъ правленія Анну Леопольдовну и самой вступить на престолъ, но она все отклоняла эти предложенія, дѣлавшія ее однако подозрительною въ глазахъ правительницы. Агитація въ правящихъ кругахъ Петербурга противъ нѣмецкой партіи маркиза Шетарди и быстрое возрастаніе числа приверженцевъ привели Елизавету въ колебаніе. Когда же ее увѣрили, что съ уходомъ гвардіи на войну со Швеціей, она будетъ заточена въ монастырь и что переворотъ уже вполнѣ подгототовленъ, она уступила и вмѣстѣ съ своими приверженцами: Лестокомъ, Разумовскимъ, Шуваловыми и Воронцовыми, явилась въ Преображенскій полкъ. Дочь творца гвардіи Петра Великаго встрѣчена была здѣсь съ восторгомъ, и преображенцы съ энтузіазмомъ присягнули Елизаветѣ Петровнѣ, какъ законной императрицѣ, и триста солдатъ гренадерской роты этого полка арестовали руководителей нѣмецкой партіи: Анну Леопольдовну, ея мужа,

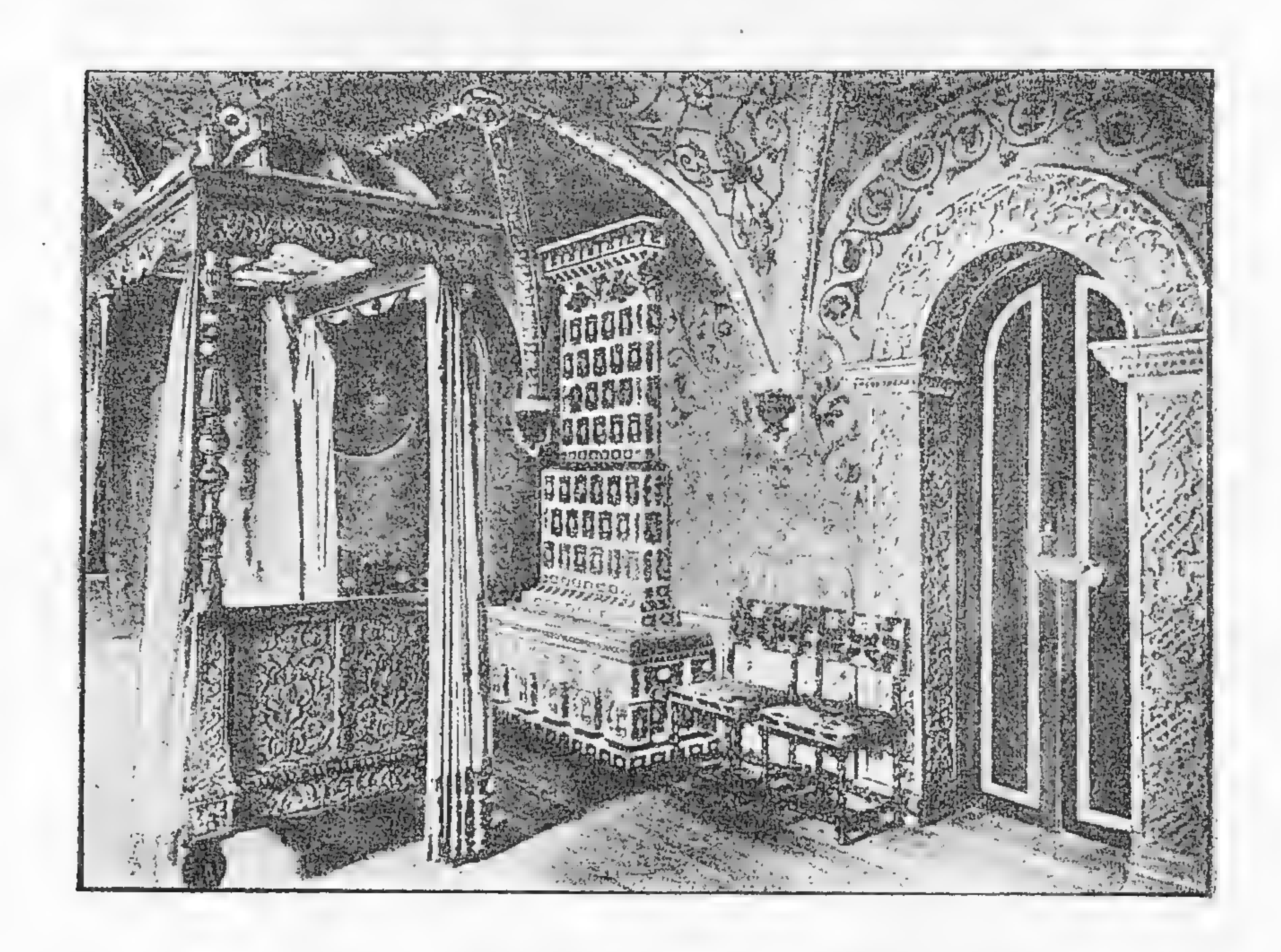
ихъ дѣтей, Остермана, Миниха и другихъ. Анна Леопольдовна съ семьей была отправлена въ Ригу, а впослѣдствіи въ Холмогоры, Іоаннъ же Антоновичъ чрезъ нѣкоторое время былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Остерманъ, Минихъ

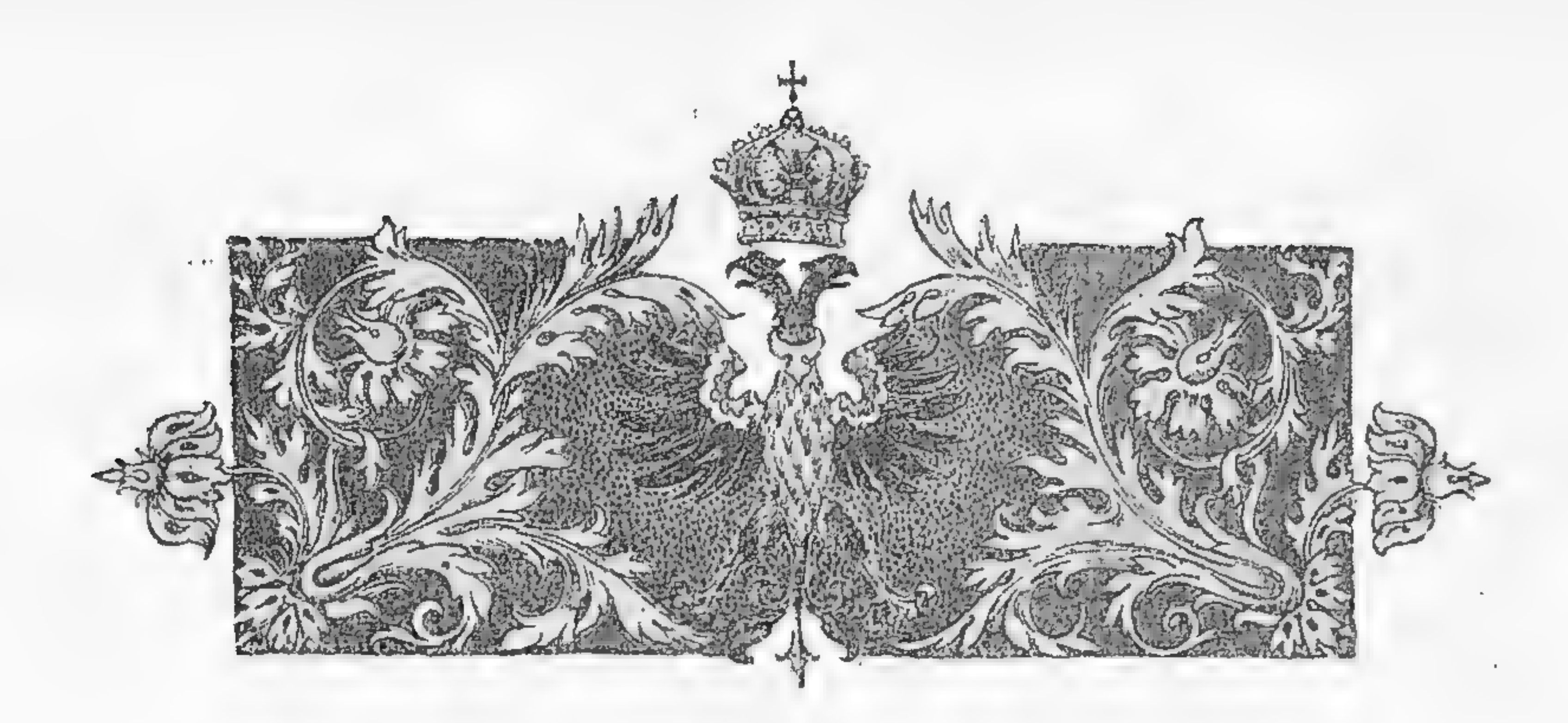

и другіе, приговоренные судомъ къ смертной казни, были сосланы въ Сибирь.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня было объявлено о воцареніи Елизаветы Петровны. Вѣсть объ этомъ встрѣчена была

народомъ радостью и ликованіемъ, не какъ переворотъ, а какъ возстановленіе законнаго порядка въ престолонаслѣдіи и какъ торжество національно-русское надъ пришлою иноземщиною. Особенно довольны были совершившимся православное духовенство и гвардія, тѣсно связанная, какъ мы знаемъ, съ Русскимъ дворянствомъ.

3.

Русское направленіе Императрицы и характеръ ея царствованія. — Приближенные Елизаветы Петровны—Разумовскіе и Шуваловы. — Возстановленіе значенія Петровскаго сената. — Заботы о православной церкви. — Мѣры финансовыя и экономическія. — Учрежденіе университета въ Москвѣ. — Семилѣтняя война. — Петръ Өеодоровичъ и его супруга Екатерина Алексѣевна. — Законодательство въ царствованіе Петра III.

Совершившееся низверженіе господствовавшей нѣмецкой партіи укрѣпило Елизавету Петровну въ національно-русскомъ направленіи, которое въ ея царствованіе выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что она окружала себя Русскими людьми и Русскою обстановкою и тѣмъ придавала своему правленію Русскій отпечатокъ. При назначеніи на должности, если ей указывали кого-либо съ нерусскою фамиліей, она говорила: «ужели нельзя найти для этой должности Русскаго? Другою характерической чертою ея царствованія это былъ возвратъ къ учрежденіямъ и порядкамъ отца ея Петра I, хотя ей не такъ удавалось проникнуть въ духъ и цѣли его правленія, какъ ея преемницѣ Екатеринѣ II. Въ отношеніяхъ своихъ къ иностранцамъ, она была, въ отличіе отъ ея родителей, расположена къ французамъ, а не нѣмцамъ, и въ ея время находило болѣе ходу у насъ вліяніе французское. Сверхъ этого, за это время стало замѣтно смягченіе нравовъ и развитіе просвѣщенія и литературы...

Наградивъ щедро преображенскихъ гренадеровъ, коимъ присвоено было названіе «Лейбъ-кампаніи» (дано было дворянское достоинство и помѣстья и людямъ недворянскаго происхожде-

нія), она возвратила изъ ссылки множество лицъ, заточенныхъ во времена Бирона и облегчила и его участь, дозволивъ ему жить вмѣсто Сибири въ Ярославлѣ.

Самымъ приближеннымъ лицомъ къ Императрицѣ въ первую половину ея царствованія сдѣлался Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Простой малороссскій казакъ, по происхожденію, попавшій ко двору благодаря своему прекрасному голосу и пѣнію въ придворной капеллѣ, онъ, по личному расположенію Императрицы, быстро возвысился, получилъ графское достоинство и званіе фельдмаршала. Но этотъ добрый и честный человѣкъ на высотѣ своего положенія не зазнался и, памятуя свою неподготовленность не мѣшался въ дѣла государственнаго управленія. Его братъ Кириллъ Григорьевичъ получилъ блестящее образованіе за границей и въ очень молодыхъ лѣтахъ сдѣланъ былъ президентомъ Академіи наукъ. Во вторую половину царствованія, своимъ вліяніемъ на государственные дѣла, выдвинулся Петръ Шуваловъ и его двоюрный братъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Дѣлами внѣшней политики завѣдывалъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ въ качествѣ канцлера.

Окруженная Русскими людьми Елизавета Петровна стремилась къ возстановленію учрежденій своего отца Петра I и господствовавшихъ при немъ порядковъ. Такъ она уничтожила кабинетъ и возстановила значеніе Петровскаго Сената и опять учредила уничтоженныя и — мануфактуръ - и — бергъ-коллегіи и главный магистратъ. Однако Сенатъ въ это правленіе вышелъ изъ рамокъ, поставленныхъ ему Петромъ, и пріобрѣлъ значеніе соправительства, какимъ въ промежуточныя царствованія обладали верховный тайный совѣтъ и кабинетъ министровъ: онъ выходилъ изъ сферы судебной и административной въ область законодательную въ сферу верховнаго управленія, такъ что его указы являлись большею частью законодательными актами, что опять придавало царствованію характеръ совмѣстнаго съ Государыней управленія высшихъ сановниковъ, собранныхъ въ Сенатѣ.

Особыя заботы Императрица посвящала Православной церкви; она строила въ разныхъ концахъ Россіи великолѣпные храмы, усердно заботилась о благолѣпіи Богослуженія и устройствѣ церковныхъ хоровъ, установила наблюденіе за иконописаніемъ, превосходно издала исправленную Библію, требовала отъ родителей, чтобы они обучали дѣтей Закону Божію, для чего разсылались катихизисы, заботилась объ улучшеніи быта духовенства и

предписывала дѣйствовать противъ раскольниковъ болѣе убѣжденіями, чѣмъ строгими мѣрами.

Податнымъ классамъ народа было облегчено отбываніе воинской повинности. По совѣту графа Петра Шувалова, Россія была раздѣлена на пять полосъ, и каждая изъ нихъ чрезъ пять лѣтъ должна была поставлять рекрутовъ по одному человѣку со ста. Для бѣдныхъ отставныхъ офицеровъ и солдатъ, по образцу парижскаго, былъ учрежденъ инвалидный домъ. Для раненыхъ и

Корона Елизаветы Петровны.

увѣчныхъ воиновъ повелѣно было строить богадѣльни, а сиротъ ихъ призрѣвать въ монастыряхъ.

Елизавета Петровна, какъ и отецъ ея, много заботъ посвящала промышленности и торговлѣ. Она поощряла устройство новыхъ фабрикъ, какъ напр. стальныхъ издѣлій (правительство требовало, «чтобы они были не хуже Штирійскихъ,—за которыя Россія переплачивала Австріи большія деньги»), финифтяныхъ, черневыхъ, шелковыхъ, суконныхъ и пр. Уничтожены были внутреннія таможни, поощрялся вывозъ русскихъ произве-

деній за границу, а иностранныя облагались высокими пошлинами. Для противодѣйствія ростовщичеству, по мысли того же Петра Шувалова, государство учредило два банка—дворянскій и купеческій, изъ которыхъ ссуды выдавались подъ залогъ изъ 6%.

Считая евреевъ вредными для экономической жизни народа, Елизавета Петровна въ 1742 году издала слѣдующій указъ: «во всей нашей имперіи жидамъ жить запрещено. Но нынѣ намъ извѣстно учинилось, что оные жиды еще въ нашей имперіи, а наипаче въ Малороссіи подъ разными видами жительство свое продолжаютъ, отъ чего не иного какого плода, но токмо, яко отъ таковыхъ имени Христа Спасителя ненавистниковъ, нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидать должно; того для повелѣваемъ: изъ всей нашей имперіи всѣхъ мужеска и женска пола жидовъ, со всѣмъ ихъ имѣніемъ выслать за границу и впредь ни для чего не впускать, развѣ кто изъ нихъ захочетъ быть въ христіанской вѣрѣ греческаго исповѣданія».

Не мало заботъ было посвящено основному народному промыслу — земледѣлію. Заграничная торговля хлѣбнымъ зерномъ принимала широкіе размѣры во время урожая и стѣснялась при неурожаяхъ. Такъ въ 1744 году, по случаю плохого урожая во всей Россіи, запрещенъ былъ вывозъ хлѣба за границу. При частичныхъ неурожаяхъ въ послѣдующіе годы, предписывалось на сѣмена и прокормленіе крестьянъ выдавать ссуды изъ казенныхъ магазиновъ и, переписавъ наличный хлѣбъ у помѣщиковъ, пользоваться имъ за плату для ссудъ крайне нуждающимся. Правительство заботилось также и объ умноженіи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ на случай необходимости въ продовольствіи крестьянъ. Подтверждались снова законодательныя мѣры Петра Великаго о лѣсосохраненіи, поощрялся вывозъ рогатаго скота за границу, запрещалось вывозить только овецъ въ интересахъ шерстяныхъ фабрикъ въ Россіи. Китовый, тюленій и рыбный промыслы на нижней Волгѣ, винный повсюду отдавались на откупъ. Такъ какъ между помѣщиками происходили споры изъ за земельныхъ границъ, то введено было всеобщее межеваніе земель.

Значительно подвинуто было просвѣщеніе, и прилагались заботы къ тому, чтобы приблизить его къ національному характеру Россіи. Въ этомъ отношеніи много потрудился графъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, вельможа просвѣщенный и отличавшійся мягкимъ, гуманнымъ характеромъ. Онъ выдвигалъ и всячески

поддерживалъ Ломоносова. Этотъ сынъ холмогорскаго рыбака, глубоко усвоивъ основы западно-европейскаго образованія сперва

Императрица Елизавета Петровна.

въ Славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ, а потомъ въ заграничныхъ германскихъ университетахъ, представлялъ собою типъ перваго самостоятельнаго Русскаго ученаго и писателя.

Знатокъ естественныхъ наукъ, онъ былъ создателемъ и Русской грамматики, преобразователемъ въ духѣ народномъ нашего стихосложенія, работникомъ въ области Русской Исторіи и въ духѣ Петра Великаго старался доказать, что русскимъ людямъ «на поприщѣ ума нельзя же отступать». Въ Академіи наукъ и академическомъ университетѣ, Ломоносовъ, при поддержкѣ Шувалова, велъ ожесточенную борьбу съ выписанными изъ-за

Графъ А. Г. Разумовскій.

границы нѣмцами за господство природныхъ русскихъ ученыхъ.

Важнымъ дѣломъ для Русскаго просвѣщенія было учрежденіе въ Москвѣ въ 1755 году университета (считается первымъ въ Россіи, такъ какъ академическій университетъ въ Петербургѣ существовалъ недолго и больше на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ), гдѣ бы, какъ говорилось въ Манифестѣ, «люди всякаго званія могли свободно пользоваться наукою». Къ университету подготовляли двѣ

гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Университетъ былъ основанъ въ Москвѣ, въ виду центральнаго ея положенія, дешевизны жизни и большого числа живущихъ въ ней дворянъ и разночинцевъ. Пользу отъ основанія его правительство видѣло въ томъ, что «онъ дастъ возможность и *въ другихъ городахъ завести училища*, отъ которыхъ въ простомъ народѣ суевѣрія, расколъ и тому подобныя, отъ невѣжества происходящія

Графъ И. И. Шуваловъ.

ереси истребятся». Вмѣстѣ съ тѣмъ, задачей университета, какъ говорится въ Высочайшемъ Указѣ объ его учрежденіи, ставится и то, чтобы онъ западныхъ иностранныхъ педагоговъ замѣнилъ достойными и свѣдущими въ наукахъ *національными людьми*, т.-е. Русскими учителями.

Эта задача для новаго университета вызвана была слѣдующими условіями. Богатые дворяне воспитывали тогда дѣтей своихъ дома. Сначала воспитателями были нѣмцы, а при Елизаветѣ Петровнѣ стали нанимать французовъ-гувернеровъ. Объ этихъ послѣднихъ въ Высочайшемъ Указѣ объ основаніи Московскаго Университета было сказано: «въ Москвѣ, у помѣщиковъ, нахо-

дится на дорогомъ содержаніи великое множество учителей, большая часть которыхъ не только наукамъ обучать не могутъ, но и сами къ тому никакихъ началъ не имѣютъ; многіе, не сыскавши хорошихъ учителей, принимаютъ къ себѣ людей, которые лакеями, парикмахерами и иными подобными ремеслами всю свою жизнь препровождали». Такое заявленіе правительственной власти нѣсколько пробудило въ обществѣ разборчивое отношеніе къ иноземнымъ выходцамъ.

Первымъ кураторомъ или попечителемъ Московскаго Университета былъ графъ И. И. Шуваловъ, который много, съ помощью Ломоносова, поработалъ для его основанія. По мысли того же просвѣщеннаго вельможи, была основана въ Петербургѣ Академія художествъ, а въ Казани гимназія. При Московскомъ Университетѣ были заведены типографія и газета «Московскія Вѣдомости», которыя вмѣстѣ съ «С.-Петербургскими Вѣдомостями» были продолженіемъ тѣхъ первыхъ «Вѣдомостей», которыя основалъ Петръ Великій въ 1703 году въ Москвѣ.

Время Елизаветы Петровны отмѣчено было учрежденіемъ перваго постояннаго Русскаго театра. При Петрѣ I въ Москвѣ давались иногда публичныя нѣмецкія и русскія театральныя представленія. Въ Петербургѣ же только при Аннѣ Іоанновнѣ заведены были при дворѣ итальянскіе оперные спектакли и нѣмецкія представленія; въ послѣднихъ принимали участіе воспитанники Шляхетскаго Кадетскаго корпуса. При Елизаветѣ Петровнѣ нѣмецкій театръ уступилъ при дворѣ, вслѣдствіе тогдашняго предпочтенія французской образованности, французскому театру. Но, въ духѣ развивавшагося Русскаго направленія, скоро дается мѣсто и русскимъ представленіямъ. Драматическія произведенія Сумарокова стали исполнять въ Кадетскомъ Корпусѣ, и они имѣли здѣсь значительный успѣхъ. Купеческій сынъ Ѳедоръ Волковъ, прибывъ по торговымъ дѣламъ изъ Ярославля въ Петербургъ, увидалъ здѣсь Русскія театральныя представленія и такъ увлекся ими, что, возвратившись домой, набралъ себѣ изъ любителей труппу актеровъ и устроилъ здѣсь публичный театръ, имѣвшій большой успѣхъ у ярославцевъ. Узнала о немъ Елизавета Петровна, вызвала Волкова съ его труппою въ Петербургъ и приказала учредить первый постоянный Русскій театръ, а директоромъ его назначила Сумарокова.

Императрица любила и въ молодости сама пѣла Русскія пѣсни и очень сочувствовала пѣнію, а въ особенности церков-

ному, которое очень поощряла. Это положило начало развитію у насъ музыки вообще и появленію въ слѣдующее царствованіе даже Русской оперы.

Поощрялось въ это царствованіе и зодчество. Замѣчательнымъ архитекторомъ этого времени былъ графъ Растрелли, построившій въ Петербургѣ Зимній дворецъ и множество прекрасныхъ монументальныхъ храмовъ въ разныхъ концахъ Россіи.

Иностранная политика въ царствованіе Елизаветы Петровны стремилась стать на ту высоту національныхъ ея задачъ, на какой ее держалъ, слѣдуя примѣрамъ Московской Руси, Петръ

А. П. Бестужевъ-Рюминъ.

Великій. Большую часть Елизаветинскаго времени, въ качествѣ канцлера, иностранными дѣлами завѣдывалъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, дипломатъ Петровскаго времени, считавшій себя ученикомъ Петровымъ. Но для отца императрицы «Россія была паче всего», а Европа, ея интересы и союзы, сами по себѣ, немного имѣли значенія. О западно-европейскихъ державахъ онъ говаривалъ: «онѣ имѣютъ нужду во мнѣ», и вовсе не дорожилъ ихъ интересами, какъ скоро они не затрагивали существенныхъ нуждъ Россіи и во всѣхъ своихъ иностранныхъ отношеніяхъ преслѣдовалъ Русскіе реальные интересы. Но Бестужевъ-Рюминъ, и не допуская случайныхъ и чуждыхъ интересамъ Рос-

сіи вліяній на ея политику, слишкомъ ужъ много заботился объ интересахъ европейскаго равновѣсія и старыхъ европейскихъ союзниковъ, чтобы дать намъ свободу, необходимую для осуществленія своихъ національныхъ интересовъ въ международныхъ отношеніяхъ.

Елизавета Петровна, при вступленіи своемъ на престолъ, застала Россію въ войнѣ со Швеціей. Въ это царствованіе Русскія войска подъ начальствомъ Ласси одержали нѣсколько побѣдъ надъ шведами въ Финляндіи и заняли здѣсь нѣсколько крѣпостей и городовъ. Швеція, мечтавшая о возвращеніи себѣ закрѣпленныхъ за Россіей земель, по Ништадтскому миру, принуждена была теперь вступить въ переговоры и заключила въ 1743 году миръ въ Або, по которому уступила намъ еще новыя земли въ Финляндіи до рѣки Кюмени.

Въ первые годы этого царствованія, при помощи доктора Лестока и французскаго посла маркиза Шетарди, у насъ довольно было сильно вліяніе Франціи, которая стремилась направить Россію противъ Австріи и въ пользу Пруссіи. Бестужеву-Рюмину вначалѣ не удавалось парализовать это вліяніе, и мы бездѣятельно смотрѣли на быстрый ростъ нашей сосѣдки Пруссіи, при ея королѣ Фридрихѣ II, который отнялъ у Маріи-Терезіи Силезію и вышелъ побѣдителемъ изъ войны за австрійское наслѣдство. Но Елизавета Петровна, отказавшись отъ помощи Австріи, воздержалась отъ союза съ ней и Франціей, и имъ не удалось распоряжаться военными силами Россіи.

Когда же Бестужевъ изобличилъ Лестока въ продажности, а Шетарди въ дурныхъ отношеніяхъ къ самой императрицѣ, вслѣдствіе чего упало французское вліяніе, мы вступили въ союзъ съ Австріей, послѣ чего началась Семилѣтняя война съ Пруссіей (1756—1763).

Главная Русская армія (83 тысячи), подъ начальствомъ фельдмаршала Апраксина, перешла восточную границу Пруссіи. Апраксинъ нанесъ Прусскому фельдмаршалу Левальду рѣшительное пораженіе при Гроссъ-Эгерисдорфѣ, на берегахъ рѣки Прегеля, и Русскимъ открывался свободный путь впередъ, но онъ отошелъ назадъ за Нѣманъ, какъ будто мы потерпѣли пораженіе. Позднѣйшія изслѣдованія доказываютъ, что наше войско страдало отъ недостатка продовольствія и боевыхъ припасовъ. Но въ то время распространялись ложные слухи, будто Апраксинъ сдѣлалъ это по указанію своего пріятеля Бестужева-Рю-

мина, ожидавшаго, что заболѣвшая Елизавета Петровна умретъ а расположенный къ Фридриху II ея преемникъ Петръ Ѳеодоровичъ прекратитъ войну. Апраксину было повелѣно, сдавъ начальство генералу Фермору, явиться на военный судъ, котораго онъ однако не дождался, скончавшись отъ апоплексическаго удара; а канцлеръ былъ отставленъ и сосланъ на житье въ деревню. Но это было собственно результатомъ происковъ иностранныхъ и своихъ враговъ Бестужева-Рюмина.

Графъ П. С. Салтыковъ.

Возобновившійся походъ Русскихъ войскъ въ Пруссіи былъ вначалѣ очень удаченъ. Даже Кёнигсбергъ, столица коронованія прусскихъ королей, сдалась намъ. Назначенный военнымъ губернаторомъ этой столицы Русскій генералъ обратилъ вниманіе на мѣстный университетъ, откуда шло антирусское движеніе, и не утвердилъ избраннаго на каѳедру философіи горячаго нѣмецкаго патріота знаменитаго Эммануила Канта. Далѣе, Ферморъ сжегъ и разрушилъ сопротивлявшуюся ему крѣпость Кюстринъ, но при деревнѣ Цорндорфѣ долженъ былъ вступить въ битву съ самимъ Фридрихомъ II. Сраженіе продолжалось цѣлый день съ удивительною съ обѣихъ

сторонъ стойкостью, и оба войска остались ночевать на полѣ битвы, но такъ какъ на слѣдующій день Ферморъ отступилъ, то пруссаки приписали себѣ побѣду, хотя самъ король отдавалъ подобающую честь мужеству нашего войска: онъ говорилъ, что Русскаго солдата мало убить, его мертваго еще нужно повалить. Особенно сильную панику на пруссаковъ наводили наши казаки: методическіе нѣмцы обыкновенно ждали нашихъ на дорогахъ, но вдругъ узнавали, что казаки хозяйничаютъ въ ихъ тылу за нѣсколько десятковъ верстъ, сдѣлавъ быстрые переходы по бездорожью, переправляясь безъ мостовъ черезъ рѣки вплавь и пробираясь по лѣснымъ тропинкамъ гуськомъ цѣлыми отрядами.

Въ 1759 году фельдмаршалъ князь Салтыковъ, соединившись съ австрійцами, нанесъ Фридриху II на Одерѣ у деревни

Медали въ награду за побѣду на Одерѣ.

Куннерсдорфа такое пораженіе, что тотъ въ отчаяніи думалъ спасти свою честь, бросаясь подъ пушечныя ядра, и, уведенный офицерами насильно съ поля битвы, хотѣлъ покончить съ собою самоубійствомъ. Обрадованная такой знаменитой побѣдой, императрица приказала вычеканить для войска въ огромномъ количествѣ медали, на которыхъ былъ изображенъ Русскій витязь съ надписью: «Побѣдителю на Одерѣ».

Русскій генералъ Чернышевъ въ 1760 году взялъ и первую столицу Пруссіи Берлинъ, взыскалъ съ него контрибуцію въ 2,000,000 талеровъ, уничтожилъ тамъ литейные пушечные дворы, оружейные заводы и всѣ пороховыя мельницы.

Самъ Фридрихъ II считалъ столь быстро выросшее могущество Пруссіи безвозвратно сломленнымъ, и уже начался раздѣлъ этого королевства.

Елизавета Петровна, считая всю восточную Пруссію окончательно присоединенной къ Россіи, раздѣлила ее на губерніи и назначила туда своихъ Русскихъ губернаторовъ. Для завоеванныхъ областей она повелѣла чеканить Русскую монету, образцы которой мы приводимъ здѣсь. На нихъ чеканились портретъ Русской Царицы и одноглавый прусскій орелъ и выбивалась надпись: «монета прусскаго королевства».

Но война получила совершенно неожиданный и даже противоположный оборотъ: императрица скончалась, а ея преемникъ

Монета для Восточной Пруссіи 1759.

императоръ Петръ III прекратилъ пятилѣтнее участіе Россіи въ этой войнѣ. Правда, мы не получили отъ нея матеріальныхъ выгодъ, въ видѣ территоріальныхъ пріобрѣтеній, но она принесла намъ большую пользу, такъ какъ дала нашей арміи опытъ въ борьбѣ съ хорошо выученною прусскою арміею, предводительствуемою хорошими полководцами, во главѣ которыхъ стоялъ такой смѣлый и талантливый вождь, какимъ былъ Фридрихъ II.

Въ этой войнѣ практически воспитались тогда еще молодые Русскіе офицеры, изъ среды которыхъ вышли, въ царствованіе

Монета для Восточной Пруссіи 1760 года.

Екатерины II, такіе орлы ея, какъ Румянцевъ-Задунайскій и Суворовъ-Рымникскій. Въ политическомъ отношеніи наши успѣхи въ этой войнѣ были важны потому, что ослабили Пруссію и

дали возможность Россіи не считаться съ ея завоевательными аппетитами.

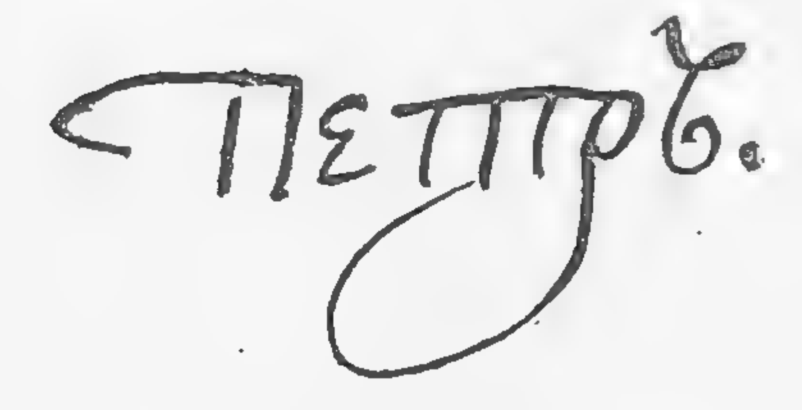
Кончину императрицы Елизаветы Петровны предвидѣли давно: съ ней дѣлались тяжелые припадки и обмороки, которые иногда случались съ нею даже на глазахъ народа, который любилъ эту Русскаго духа Государыню и въ глубокой тишинѣ бережно несъ ее на своихъ рукахъ во дворецъ.

Въ самомъ началѣ своего царствованія императрица объявила наслѣдникомъ престола родного внука Петра I и своего племянника герцога Шлезвигъ-Голштинскаго Карла-Петра-Ульриха. До четырнадцати лѣтъ онъ воспитывался въ Германіи и, къ сожалѣнію, плохо. Вызванный въ Россію, онъ принялъ здѣсь православіе, но труды къ его перевоспитанію въ Русскомъ духѣ не дали результатовъ. Счастливѣй для императрицы и для Россіи былъ выборъ въ супруги ему Ангальтъ-Цербстской (Сербской) принцессы Софіи-Августы-Фредерики. Высоко-одаренная отъ природы, воспитанная въ дѣтствѣ нуждой и строгостью отца, она, прибывъ въ Россію и принявъ здѣсь православіе, съ именемъ Екатерины, какъ бы родилась здѣсь снова и родилась болѣе Русскою, чѣмъ многіе изъ оторвавшихся отъ родной почвы Русскіе. Нелюбимая своимъ мужемъ, поставленная особнякомъ и въ придворной жизни, она всѣ свои досуги посвящала самообразованію; лишенная, какъ и Петръ Великій, хорошихъ учителей, она, своимъ трудомъ, самоучкой, достигла важныхъ результатовъ въ дѣлѣ образованности, ставъ въ ней съ вѣкомъ наравнѣ. Екатерина отлично изучила всѣ умственныя движенія XVIII вѣка и въ особенности въ вольномысленной французской литературѣ, но тѣмъ болѣе для нея чести, что она съ рѣдкою тщательностью изучала Россію въ ея православныхъ вѣрованіяхъ, въ ея историческомъ прошломъ, въ ея быту, что дало возможность ей, когда она взошла, по смерти мужа, на престолъ и была поглощаема дѣлами правленія писать житія святыхъ (Святителя Алексія и Преподобнаго Сергія), составлять записки по Русской Исторіи, писать драмы изъ Русской Исторіи (Олегъ у вратъ Цареграда) и вдохновлять такихъ представителей Русской литературы, какъ Фонъ-Визинъ и Державинъ. Такое пріобщеніе Екатерины Алексѣевны къ Русской исторической идеѣ какъ бы предвѣщало ей царствованіе и предопредѣляло ей написать въ нашей Отечественной Исторіи одну изъ самыхъ блестящихъ ея страницъ.

Въ недолгое царствованіе мужа ея Петра Өеодоровича должно отмѣтить слѣдующее. Вступивъ на престолъ 25 декабря 1761 года, онъ вскорѣ же, въ разгаръ нашихъ громадныхъ воен-

Императоръ Петръ III.

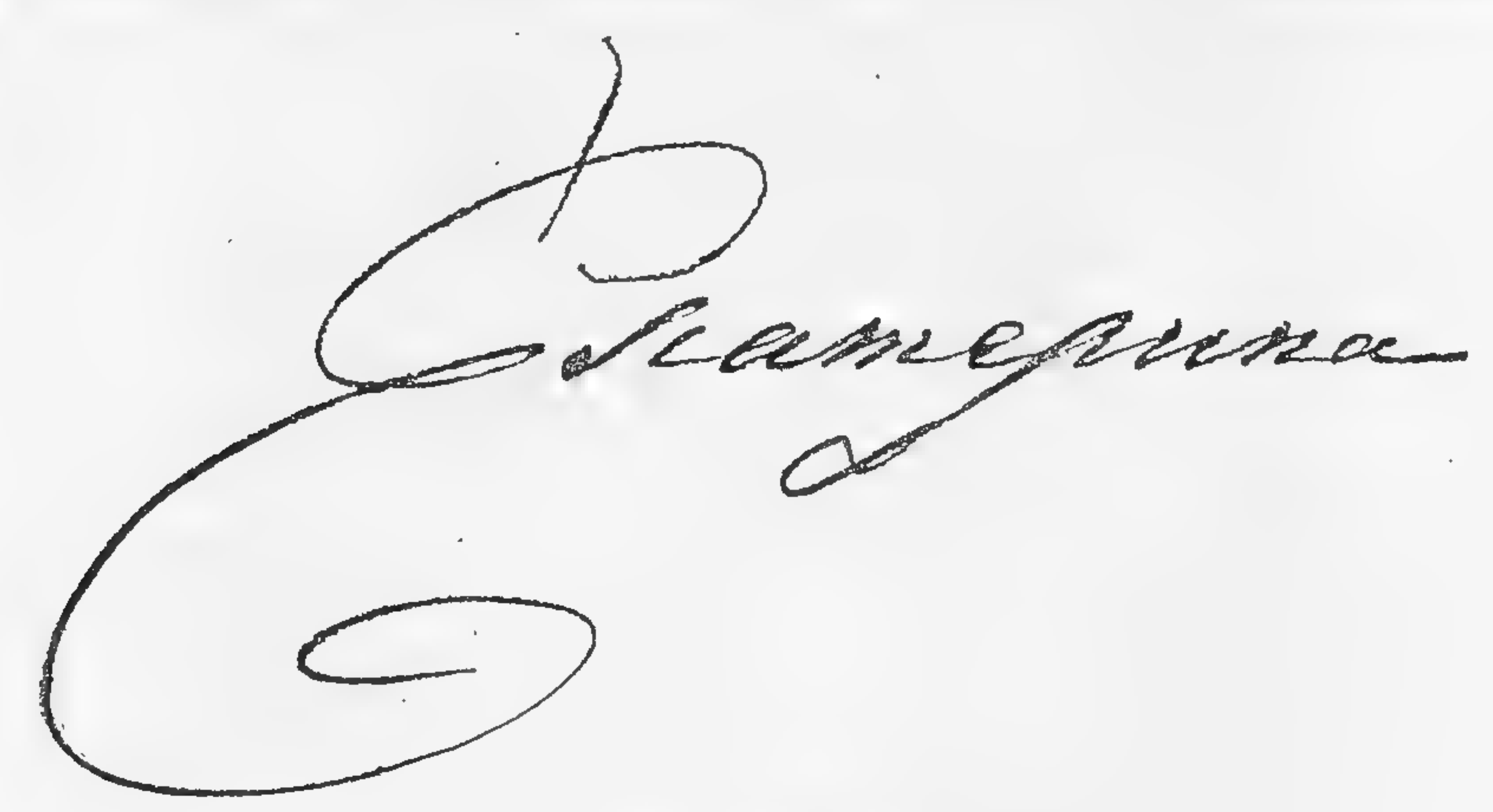

Подпись Петра III.

ныхъ успѣховъ, прекратилъ войну съ Пруссіей, давъ приказаніе войскамъ сдать свои магазины пруссакамъ и оставаться въ Помераніи для будущей помощи своимъ недавнимъ врагамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказался отъ всѣхъ Русскихъ завоеваній въ

Пруссіи и вступилъ съ Фридрихомъ II въ тѣсный союзъ, продиктованный прусскимъ посломъ въ Петербургѣ.

17 января 1762 года Петръ III подписалъ въ Сенатѣ указъ о возвращеніи опальныхъ людей предшествующаго царствованія и изъявилъ свою волю относительно обязательной службы дворянъ: «дворянамъ продолжать свою службу по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ, но, когда будетъ военное время, они всѣ явиться должны». 18-го февраля былъ обнародованъ манифестъ о вольности дворянской, въ коемъ говорилось, что «прежде необходимо было заставлять дворянъ служить и учиться; невольныя служба и ученье принесли пользу, ибо дали государству много свѣдущихъ и годныхъ къ дѣлу людей, а съ другой стороны истребили въ дворянской средѣ грубость и невѣжество и

Подпись Екатерины II.

вкоренили благородныя мысли. Поэтому уже нѣтъ необходимости принуждать дворянъ къ службѣ. Всѣ служащіе или могутъ оставаться на службѣ, или уйти въ отставку; вольные люди не могутъ брать отпусковъ и отставокъ только во время кампаніи. Но обязанности образовательной повинности манифестъ не снималъ совсѣмъ съ дворянства и высказывалъ, «чтобы никто не дерзалъ безъ обученія наукамъ дѣтей своихъ воспитывать».

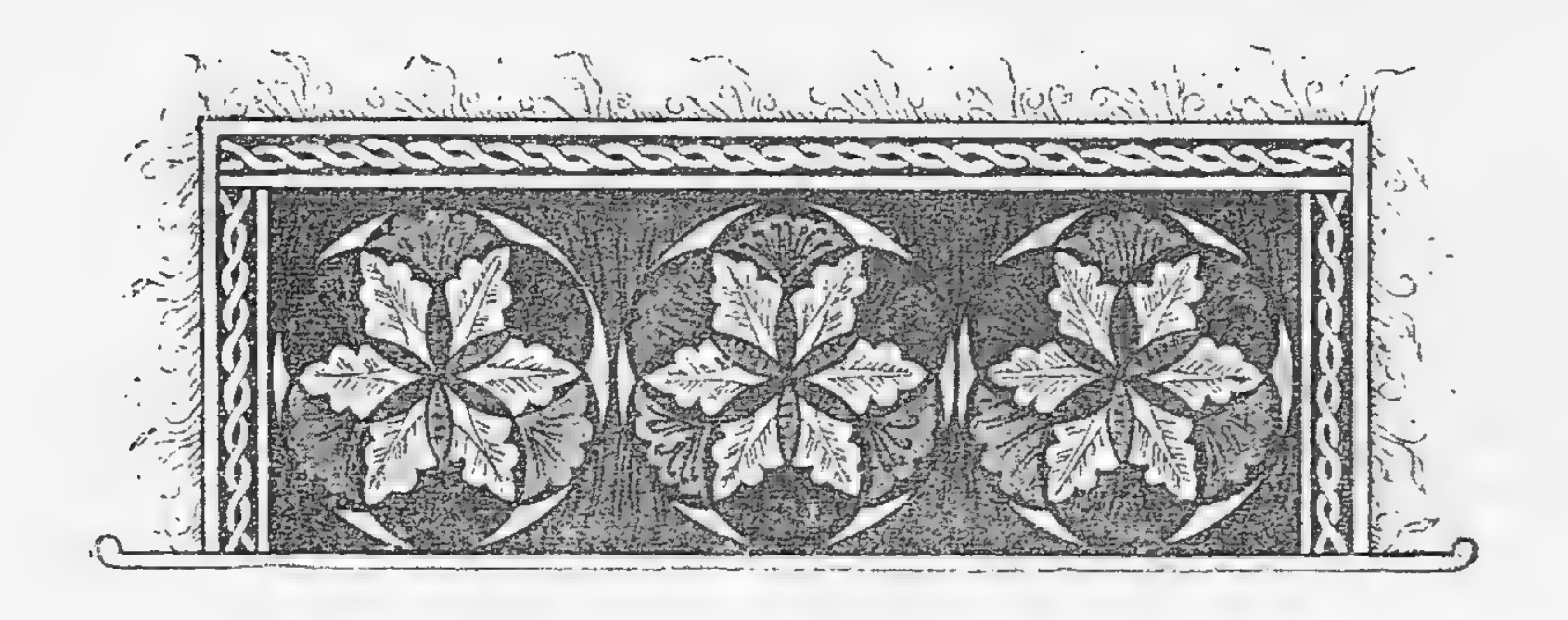
Послѣдовало также рѣшеніе уничтожить нѣкогда страшную, но мало дѣйствовавшую при Елизаветѣ Петровнѣ тайную канцелярію, вѣдавшую политическія преступленія. Отмѣнены были преслѣдованія раскольниковъ и изданъ былъ неприведенный однако въ исполненіе указъ объ отобраніи церковныхъ имуществъ въ пользу государства. Но эти мѣры не снискали популярности

Императрица Екатерина II

Петру III; ибо все другое слишкомъ рѣзко задѣвало Русскія національныя чувства. Преклоненіе предъ Фридрихомъ II, вызовъ голштинскихъ отрядовъ въ Петербургъ, явное предпочтеніе имъ предъ Русскою гвардіей, планы начать ненужную для Россіи войну съ Даніей для завоеванія Шлезвига, неуважительное отношеніе къ православію и т. п., плодили всюду неудовольствіе къ тогдашнему правленію и вызывали широкое движеніе въ пользу императрицы Екатерины, привлекавшей къ себѣ преданностью Русскимъ интересамъ. Движеніе это и привело къ провозглашенію ея Самодержавной Императрицей. Скоро послѣ этого послѣдовали отреченіе отъ престола Петра Ѳеодоровича и его смерть.

4.

Императрица Екатерина II и ея государственные принципы. — Отличіе ихъ отъ господствовавшихъ на Западѣ въ XVIII вѣкѣ идей. — Высота и глубина въ ней Русскаго національнаго самосознанія, при ея искреннемъ уваженіи къ Петру I и совершившемуся у насъ сближенію съ Западомъ.

Продолжавшееся 34 года царствованіе императрицы Екатерины II оставило много свѣтлыхъ и глубокихъ слѣдовъ въ исторіи Россіи, двинувъ далеко впередъ развитіе ея внутреннихъ силъ и внѣшняго могущества.

Вступая на престолъ, она въ своемъ манифестѣ объявила, что въ правленіи своемъ будетъ слѣдовать по стопамъ Петра Великаго и справедливо считала себя продолжательницею его внутренней и внѣшней политики; благоговѣя предъ нимъ, она, при рѣшеніи каждаго государственнаго вопроса, тщательно справлялась, какъ глядѣлъ на него ея великій предшественникъ. Если же справка не давала положительныхъ данныхъ, она, взглянувъ на его портретъ, старалась разгадать, какъ посмотрѣлъ бы онъ на ту или другую новую государственную задачу. Но такое отношеніе къ Петру не было рабскимъ подражаніемъ его дѣйствіямъ. Нѣтъ, это было глубокимъ проникновеніемъ въ ихъ духъ, въ ихъ основныя идеи, и геніальная преемница Петра не стѣснялась отмѣнять его мѣропріятія, если находила, что, за спѣшностью его преобразованій или вслѣдствіе чрезмѣрности его увлеченій, они не соотвѣтствовали интересамъ Россіи, ея исто-

рическому строю и, конечно, были бы отмѣнены самимъ ея великимъ предшественникомъ, если бы ему суждено было пожить дольше...

Она, какъ и Петръ, была убѣждена, что Россія должна стоять въ ряду первыхъ державъ міра, ни въ чемъ не отставая отъ нихъ, ни въ чемъ имъ не уступая. Но это для нея, какъ и для Петра, вовсе не значило, что Россіи должна все и вся, безъ критики и безъ разбору, брать изъ Западной Европы. Оба геніальные, они видѣли, что въ послѣдней дурно и должно быть отброшено, и что въ Россіи хорошо и должно быть сохранено навсегда.

Петръ больше всего сосредоточивалъ свое изученіе успѣховъ Запада, для ихъ примѣненія къ Россіи, на тамошнемъ новомъ устройствѣ войска и флота, на организаціи промышленности и торговли, на постановкѣ тамошняго образованія, мало давая значенія для Россіи всему тому, что отличало отъ нея Западъ въ политическомъ отношеніи и въ самомъ его міровоззрѣніи. Мы знаемъ, что Петръ манкировалъ такія особенности Запада, какъ парламентаризмъ Англіи, республиканство Голландіи и Швейцаріи, раціонализмъ Декарта, Бэкона. Локка и Лейбница не потому, что не могъ своимъ геніальнымъ умомъ постичь и усвоить это, а потому, что все это считалъ непригоднымъ для своей Россіи: онъ зналъ ея предназначенье, въ ея самобытныхъ особенностяхъ.

Екатерина II, по самому времени своему, близко поставленная къ революціонному кризису Западной Европы во второй половинѣ XVIII вѣка, сочла обязанностью Русской императрицы изучить глубоко всѣ рѣшательно умственныя, политическія и общественныя движенія Запада, дабы опредѣлить отношенія къ нимъ своей Россіи. Какъ и Петръ, безгранично смѣлая и пытливая, она своимъ умомъ проникла вглубь этихъ теченій и не постѣснилась не только перечитать всѣ выдающіяся сочиненія такихъ свободныхъ мыслителей XVIII вѣка, какъ Вольтеръ, Монтескьё, Руссо и энциклопедисты, но даже и вступила въ переписку съ ними, чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли что-нибудь отъ нихъ позаимствовать для Россіи. При этомъ она совсѣмъ не обнаруживала робости пользоваться кое-чѣмъ, какъ, напр., ихъ гуманизмомъ и просвѣтительно-народными стремленіями, но своимъ проницательнымъ умомъ отлично понимала фальшь ихъ революціонныхъ тенденцій и прямо смѣялась надъ ними, когда они,

избалованные своими успѣхами на Западѣ, думали привить эти свои тенденціи въ Россіи.

Когда Вольтеръ торопилъ Екатерину (въ 1767 году) въ ея

Императрица Екатерина II. Съ портрета Лампи.

законодательныхъ работахъ, она писала ему о Россіи изъ своего путешествія по Волгѣ: «вѣдь, это цѣлый особый міръ: надобно его создать, сплотить, охранять..., подумайте только, что мои законы должны служить и для Европы и для Азіи. Какое раз-

личіе климата, жителей, привычекъ, понятій! Я теперь вижу все своими глазами... Необходимо каждому сшить пригодное платье. Легко положить общія начала. Но частности, подробности? И какія подробности...» Въ своемъ «Наказѣ» для составленія новаго уложенія она писала: «лучшіе законы въ государствѣ тѣ, кои соотвѣтствуютъ его естественному положенію, сообразны съ нравами его подданныхъ». Она хотѣла, чтобы ея законы соотвѣтствовали «умоначертанію народа», т.-е. его міровоззрѣнію.

Очень любопытно сопоставить тѣ начала, какія предлагало западное просвѣщеніе XVIII вѣка Екатеринѣ и какими она руководилась не на словахъ, а на дѣлѣ, въ управленіи этимъ «особымъ міромъ», именуемымъ Россіей. Вольтеръ, будучи врагомъ католичества, былъ и врагомъ всякой церкви. Раціоналистъ, онъ былъ враждебенъ и всему сверхъестественному въ христіанствѣ и допускалъ только философическую вѣру въ Бога, который своимъ провидѣніемъ будто не вмѣшивается въ жизнь міра. Жанъ-Жакъ Руссо проповѣдывалъ какую-то новую вѣру съ обоготвореніемъ природы, съ возвращеніемъ человѣка къ его первоначальной простотѣ, съ какой-то человѣчной любовью, неизвѣстно на чемъ основанной. Радикалы же XVIII вѣка—энциклопедисты, будучи грубыми матеріалистами, совершенно отвергали и Бога, и душу, и нравственность и говорили, что человѣкъ — машина, «онъ есть то, что онъ ѣстъ». Наши нѣкоторые западники того времени не прочь были увлекаться и этими идеями и подъ ихъ вліяніемъ легкомысленно относились къ нашей церкви, къ христіанству, къ религіи. А что Екатерина?

Хвала и честь ей: она, еще будучи великой княгиней, являла всюду живую преданность православной церкви и ея богослуженію, даже всегда соблюдала православные посты. Но лучшее доказательство ея искренней преданности православію, это—то, что она сама, какъ было говорено, составила житія святителя Алексія митрополита и преподобнаго Сергія и написала ихъ въ православнѣйшемъ духѣ и никогда и нисколько не думала о насажденіи въ Россіи французскаго вольномыслія по отношенію къ религіи и церкви...

Если мы обратимся къ политическимъ идеямъ XVIII вѣка, то мы увидимъ, что изъ передовыхъ писателей только либералы считали идеаломъ государства монархію ограниченную, конституціонную, и въ англійскомъ парламентаризмѣ

Сыну моему и всем моим потомкам
Советую и Наставляю читать
Сие Волынского дела от начала до
конца да бы они видели и себя осте-
регали от такого беззаконно-
го примера в производства дел.
Имп. Анна своему Кабинет-
Министру Артемию Волынско-
му приказывала сочинить про-
экт о поправлении внутрен-
ных государственных дел, кото-
рой он и сочинил и ей подал
осталось ей полезное употребить
не полезное отставить из его
представлении. Но на против
того его злодеи и ложу его про-
экт не правили из того со-
чинения вытянули за волос-
ами сказать и взвели на
Волынского изменнической умысел
и будто он себя присвоить
хотел власть Царя, чего отнюдь
подлинно не доказано.

Собственно-ручная надпись Екатерины II на дѣлѣ А. П. Волынскаго.

видѣли наиболѣе совершенную форму правленія, какъ Монтескьё, авторъ знаменитой книги: «Духъ законовъ». Всѣ же радикалы ничего не хотѣли знать, кромѣ народовластія и республиканства. Въ вѣкъ Екатерины Руссо напечаталъ свое пресловутое сочиненіе: «Общественный договоръ» и изложилъ въ немъ революціонныя права человѣка, которыя изъ его книжки взяты были сперва въ Сѣверо-Американскую, а потомъ во Французскую конституцію.... Въ ту пору умственная революція уже совершилась, и началась политико—соціальная.....

Все это для своего особаго міра—Россіи Екатерина отвергла. Она не терпѣла Жакъ-Жака Руссо, съ его народовластіемъ; пользуясь для своего «Наказа» по составленію новаго уложенія, «Духомъ законовъ» конституціоналиста Монтескьё, она однако написала въ поученіе коммиссіи призванной къ выработкѣ законовъ для русскаго народа слѣдующія знаменательныя слова: «Россійская Имперія столь обширна, что, кромѣ самодержавной монархіи, всякая другая форма правленія вредна ей и разорительна: ибо все прочее медлительно въ исполненіи и многое множество, страстей разныхъ имѣетъ, которыя къ раздробленію власти и силы тянутъ. Единый Государь имѣетъ всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитаетъ общее благо своимъ собственнымъ.» Цѣль монархическаго самодержавнаго правленія есть благо гражданъ, слава государства и самого государя».... Самодержавіе лучше угожденія многимъ господамъ»... Поддержка Екатерины польской и шведской конституціямъ была лишь средствомъ къ ослабленію враждебныхъ намъ государствъ.

Французская печать того времени, и въ газетахъ, и въ брошюрахъ, бредила политическимъ и общественнымъ равенствомъ, и въ это царствованіе въ разгаръ первой французской революціи, Бабёфъ провозгласилъ даже и экономическое равенство, но Екатерина Великая въ своемъ царствѣ не давала ходу этимъ тенденціямъ и въ духѣ До-петровскаго и Петровскаго строя нашего народа развила у насъ сословную организацію дворянства, городскихъ и другихъ классовъ.

Если Петръ I, по словамъ поэта, не призиралъ земли родной и зналъ ея предназначенье, то Екатерина II еще глубже своего великаго предшественника прониклась Русскою историческою идеею. Она скончалась не съ Вольтеромъ или Руссо въ рукахъ, а съ своими записками по Русской Исторіи, которыя писала за нѣсколько часовъ до своей кончины Она говорила, что Рус-

скому народу нечего краснѣть за свою исторію, что она выдержитъ сравненіе съ исторіей всякаго другого народа...

Вопреки господствовавшимъ въ XVIII вѣкѣ идеямъ децентрализаціи, она строго придерживалась начала государственнаго единства, идущаго изъ центра на окраины... Въ инструкціи генералъ-прокурору князю Вяземскому она писала: «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными ихъ привиллегіями; нарушать ихъ отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма не пристойно было бы, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же

Большая Государственная печать (въ уменьшенномъ видѣ).

основаніи есть больше, нежели ошибка, это—просто глупость. Сіи провинціи падлежитъ легчайшими способами постепенно привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали глядѣть, какъ волки, къ лѣсу». На сепаратистскія стремленія курляндцевъ или финляндцевъ она отвѣчала отрицательно и говорила: «Я не—герцогиня лифляндская и не курляндская, а Русская Императрица».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она являлась, какъ нѣкогда Московскіе Государи, и собирательницей тѣхъ нашихъ земель, которыя насиліемъ или хитростью враговъ были отторгнуты отъ Россійскаго Государства. Она могла вмѣстѣ въ Іоанномъ III сказать: «не то одна наша вотчина, кои города и волости нынѣ за нами, а вся

Русская Земля изъ старины отъ нашихъ предковъ пошла» и она добыла отъ Польши, кромѣ Литвы, Бѣлую и Черную Русь, Волынь и Подолію, какъ «извѣчное наше достояніе».

Самое присоединеніе другихъ земель Екатерины II, какъ напр. Новороссіи и Крыма, вызывалось существеннымъ интересомъ Россіи найти свою естественную границу на югѣ, у того моря, которое нѣкогда называлось Русскимъ. И вообще вся

Суворовъ — Рымникскій.

международная политика Екатерины II, подобно политикѣ Петра I, опредѣлялась чисто Русскими реальными интересами.

Съ вѣрою въ величіе и славу Россіи, въ ея свое, особое предназначеніе, Екатерина взошла на ту высоту государственнаго прозрѣнія, съ которой ясно было видно, кого избрать изъ народа въ помощь себѣ, въ царственномъ трудѣ правленія. Ея назначенія на трудныя и отвѣтственныя государственныя долж-

ности въ большинствѣ случаевъ были блестящи. Сотрудники этого царствованія составили вокругъ Русскаго престола, «славную по выраженію Пушкина, стаю екатерининскихъ орловъ», о которыхъ «слава идетъ изъ вѣка въ вѣкъ».

Вблизи нея стояли такіе блестящіе дипломаты, какъ Никита Панинъ, Безбородко и Рѣпнинъ, такіе администраторы, какъ

Орловъ-Чесменскій.

Потемкинъ, Вяземскій и Сиверсъ, такіе полководцы, какъ Суворовъ-Рымникскій, Румянцевъ-Задунайскій, Орловъ-Чесменскій, Долгоруковъ-Крымскій, такіе писатели, какъ Державинъ и Фонвизинъ...

Не довольствуясь своимъ единоличнымъ избраніемъ, она сдѣлала опытъ привлеченія къ дѣламъ государственнымъ, именно

къ предварительной выработкѣ законовъ, и выборныхъ людей, которыхъ вызвала въ комиссію для составленія Новаго Уложенія—своего рода земскій соборъ.

Она желала непосредственно, не отъ своихъ сановниковъ, а отъ выборныхъ людей узнать нужды и потребности всѣхъ частей своего государства, составъ своего народа; она желала, чтобы ни единый интересъ не былъ лишенъ возможности непосредственно заявить себя предъ престоломъ и предстательствовать о себѣ. Для этого-то и созваны были со всѣхъ концовъ Россіи эти выборные люди въ Москву. Но они, какъ увидимъ далѣе, не рѣшили возложенной на нихъ задачи, — не продвинули вопроса о составленіи новаго Уложенія, и только дали правительству много свѣдѣній о нуждахъ Россіи. И сама императрица постоянно старалась, какъ можно лучше, ознакомиться съ своимъ государствомъ, съ своимъ народомъ. Сама посѣщала Сенатъ и другія правительственныя учрежденія и принимала тамъ личное участіе въ рѣшеніи дѣлъ; много путешествовала по Россіи (по Волгѣ, Прибалтійскому краю, Бѣлой и Малой Руси, Новороссіи и Крыму), вездѣ ко всему присматривалась и прислушивалась и такимъ образомъ, по собственному выраженію, запасалась идеями на десятки лѣтъ.

Но для нея мало было изученія своего государства посредствомъ личныхъ наблюденій надъ его жизнью: она углублялась въ тайники души народа, создавшаго это государство. Отлично владѣя литературнымъ языкомъ своего народа, она еще изучала его по русскимъ народнымъ пословицамъ, былинамъ и сказкамъ, напечатала сборникъ первыхъ, принимала участіе въ составленіи Русскаго академическаго словаря и даже приняла участіе своимъ перомъ въ Русской литературѣ, осмѣивая въ своихъ сатирахъ тѣхъ Русскихъ, кои слѣпо увлекались всѣмъ иностраннымъ и выбирая для своихъ драматическихъ сочиненій такіе сюжеты, какъ Олегъ (передъ Цареградомъ) и Рюрикъ (призваніе князей), она изображала ихъ въ патріотическомъ видѣ. Подъ ея покровительствомъ Русская литература, въ лицѣ Державина, Фонвизина и друг. расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ.

Особенно достойно вниманія отношеніе Екатерины II къ Русской исторіи. Въ ея положеніи, разумѣется, нужно было знать ее, но она сдѣлала ее, какъ сама говорила, «дорогимъ для своего сердца предметомъ. «Она изучала Русскую исторію даже по лѣтописямъ и посвящала свой трудъ систематическому ея изложенію въ своихъ «Запискахъ касательно Русской исторіи».

Въ этой своей работѣ Екатерина имѣла въ виду «изображенiемъ древнихъ доблестей и судебъ Русскаго народа уронить клеветы, взведенныя на него иностранными писателями». Съ этою цѣлiю у нея всѣ факты освѣщаются выгоднымъ для насъ

Потемкинъ — Таврическiй и его подпись.

свѣтомъ и во всемъ сочиненiи господствуетъ мысль о древности и великомъ значенiи Славянъ и Русскихъ, о важности ихъ исторiи и языка. «Каково бы ни было достоинство этихъ «Записокъ», говоритъ ихъ авторъ,—по крайней мѣрѣ, «ни нацiя, ни

государство въ нихъ не унижены».Она стремилась, какъ мы знаемъ показать, что у Русскаго народа нѣтъ причинъ краснѣть предъ другими народами за свое прошлое. Эта мысль опредѣленно выражена Императрицей въ предисловіи къ «Запискамъ»: «Если сравнить какую-нибудь эпоху Русской исторіи съ одновременными ей событіями въ Европѣ, то безпристрастный читатель усмотритъ, что родъ человѣческій вездѣ одинаковыя имѣлъ страсти, желанія, намѣ-

Графъ Г. Орловъ.

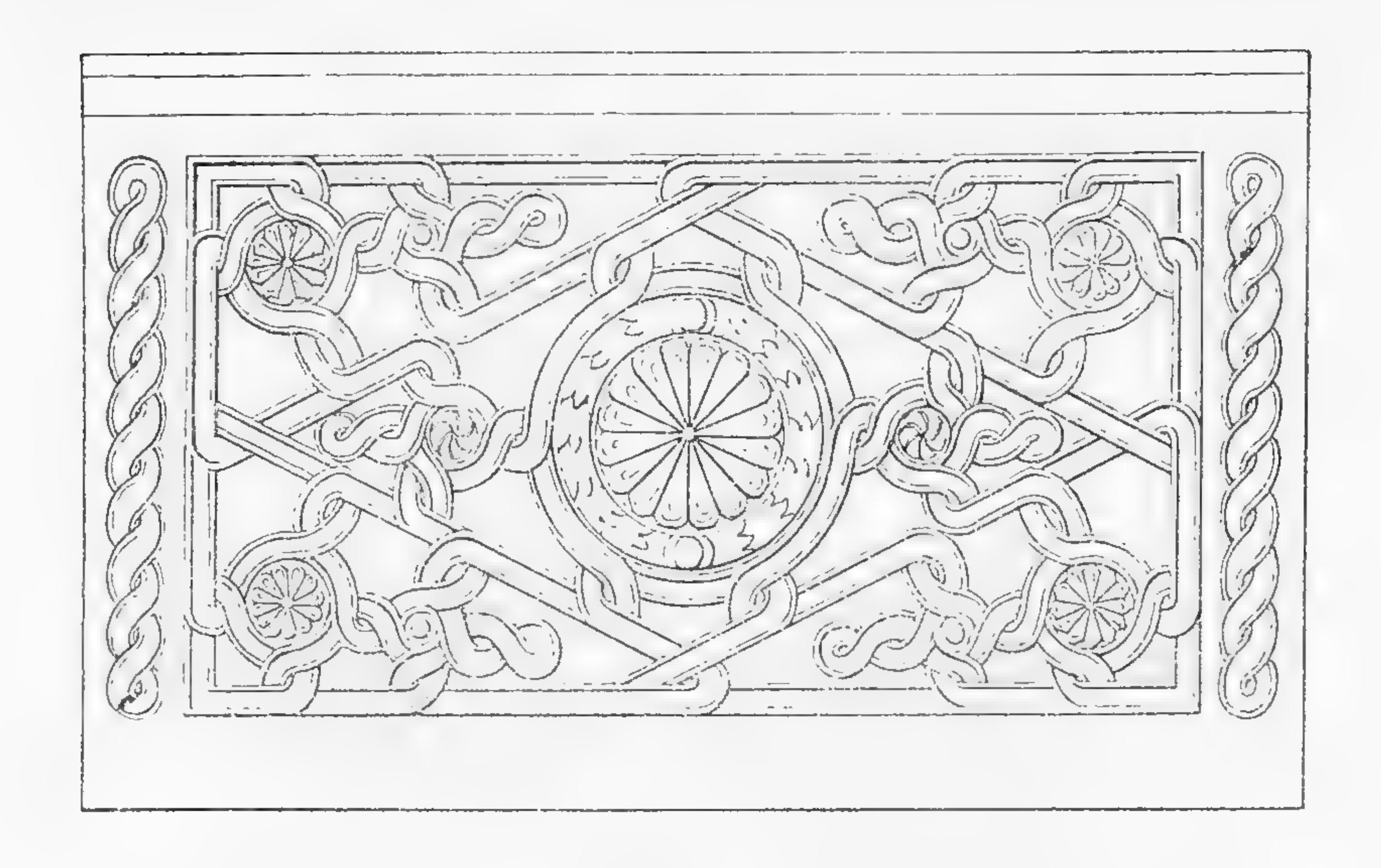
ренія и къ достиженію употреблялъ нерѣдко одинаковые способы»... «Предпринимаемыя «Записки» не могутъ имѣть другого вида и цѣли, кромѣ прославленія государства и дабы служить потомству предметомъ соревнованія и зерцаломъ; всякое другое направленіе было бы вредно». Въ письмѣ по поводу предложенія одного француза составить исторію Россіи въ XVIII столѣтіи, Екатерина писала, что этому иностранцу необходимо отречься

отъ предубѣжденій противъ Россіи, свойственныхъ большей части западныхъ писателей, — все видѣть съ дурной стороны, не обращая вниманія на происходившее въ то же время въ другихъ государствахъ, и перестать утверждать, что Россія до Петра I не имѣла ни законовъ, ни устройства, между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное». Понятно, что, при такихъ воззрѣніяхъ императрицы, разработка Русской исторіи въ ея царствованіе весьма поощрялась, что видно на историческихъ трудахъ Щербатова, Болтина, Новикова, Голикова и другихъ трудившихся въ эту эпоху по данному предмету.

Ознакомившись такимъ образомъ съ основными воззрѣніями императрицы Екатерины II, мы лучше поймемъ дѣла ея внутренней и внѣшней политики.

Медаль на восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины II.

5.

Комиссія для составленія Новаго Уложенія. Учрежденіе о губерніяхъ и городовое положеніе. Сословныя реформы и сословное самоуправленіе. Финансовыя и экономическія мѣры. Церковныя дѣла, народное здравіе, благотворительность и просвѣщеніе.

Со временъ еще Царя Алексѣя Михайловича законодательная дѣятельность въ Россіи отличалась обиліемъ, бросающимся въ глаза, по сравненію со скудостью современнаго законодательства во многихъ другихъ странахъ, но царствованіе Екатерины II представляетъ въ этомъ отношеніи эпоху особенно выдающуюся: ея законы весьма многочисленны и многосторонни.

Склонная ко всякаго рода преобразованіямъ во всѣхъ сферахъ государственной жизни, она однако, вопреки господствовавшимъ на западѣ теченіямъ политической мысли, оставила незыблемой и неприкосновенной организацію Верховной Власти въ Россіи: потому что, какъ мы знаемъ, была непреклонной исповѣдницей начала Самодержавной, Неограниченной Монархіи и глубоко была убѣждена въ томъ, что это начало быстрѣе, тверже и лучше обезпечиваетъ народу блага государственной жизни.

Не тронутыми она оставила и созданныя Петромъ I центральные органы государственнаго управленія: Сенатъ и коллегіи, но однимъ изъ первыхъ своихъ дѣлъ поставила завѣщанную еще Петромъ задачу — составленіе Новаго Уложенія, какъ, слѣдуя терминологіи Царя Алексѣя Михайловича, называли тогда сводъ законовъ. Только чрезъ три четверти столѣтія разрѣшилъ эту сложную и трудную задачу ея внукъ Императоръ Николай I.

Императрица Екатерина II.

Но можно ли укорить шедшую впереди своего вѣка императрицу, что она не рѣшила этой задачи, для коей у ней не достало средствъ, подготовленныхъ помощниковъ и даже времени? Впрочемъ, ея обширные труды въ этомъ дѣлѣ не остались, какъ увидимъ, безплодными.

Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, при всей своей обширности, уже со временъ Петра I, не соотвѣтствовало положенію государства, въ коемъ создано было множество совер-

шенно новыхъ учрежденій и для коего было издано большое количество новыхъ, несогласованныхъ между собою закономъ. Вотъ почему уже со времени Петра существовала и продолжала при его преемникахъ существовать комиссія для выработки новаго уложенія; и въ ея составъ, кромѣ лицъ назначаемыхъ Верховною Властью, призывались и выборные отъ населенія люди.

Екатерина, чтобы продвинуть недвигавшееся почти дѣло, рѣшила дать ему самую широкую и новую постановку. Носительница неограниченной Верховной Власти, она, оставляя за собой окончательное утвержденіе будущихъ законопроектовъ Новаго Уложенія, приняла на себя, дабы оно не было лишь сводомъ существующихъ узаконеній, выработать принципы или руководящія начала для составленія такого свода. Комиссія же, коей поручалась предварительная выработка, или, какъ она выражалась, «сочиненіе» проектовъ уложенія, призывалась не для прочтенія ихъ, какъ то было съ Земскимъ Соборомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и не для дополненія ихъ, а именно для широкой и всесторонней предварительной органической выработки обширнѣйшаго законопроэкта. Въ составъ этой комиссіи вошло очень мало лицъ по назначенію самой императрицы, а для того, чтобы знать нужды и даже цѣльное «умоначертаніе» относительно законовъ самого народа, она призвала выборныхъ отъ всѣхъ его классовъ и отъ правительственныхъ учрежденій; выборные должны были явиться съ наказами отъ своихъ избирателей объ ихъ дѣйствительныхъ нуждахъ и требованіяхъ. Комиссія изъ таковыхъ выборныхъ должна была составить собраніе не меньшее, чѣмъ Земскій соборъ 1648 года.

Но императрица не думала дать этой комиссіи законодательное, или конституціонное значеніе, предоставивъ ей лишь законосовѣтную или законосовѣщательную роль, отнюдь не нарушающую многовѣковую историческую, монархическо-самодержавную организацію Верховной Царской Власти.

Всѣхъ выборныхъ въ комиссію призвано было 565. Одну треть ихъ составляли дворяне (по одному отъ уѣзда), другую треть—горожане (по одному отъ каждаго города), отъ сельскихъ податныхъ классовъ около 100, (въ томъ числѣ и государственные крестьяне), 28 отъ правительственныхъ учрежденій (отъ Сената, Синода, коллегій и проч. учрежденій).

Надъ общимъ руководственнымъ, для этой комиссіи, наказомъ

Императрица Екатерина II на Волгѣ.

Императрица работала со второго (1763) года своего царствованія и перестала его дополнять въ 1768 году. Изъ этого времени она особенно прилежно работала два съ половиною года надъ этою задачей.

Для нея она перечитала все, что только можно было прочитать на иностранныхъ языкахъ. Больше всего она пользовалась сочиненіями Монтескьё: «Духъ законовъ» и Беккаріа (итальянецъ): «О преступленіяхъ и наказаніяхъ». Къ своей работѣ она относилась съ примѣрно строгою критикой: изъ написаннаго сама, послѣ долгаго обсужденія, вычеркнула половину. Остальное она отдала на судъ Русскихъ государственныхъ людей, предоставивъ и имъ вычеркнуть изъ «Наказа» все, что найдутъ неосновательнымъ или непримѣнимымъ къ Русской жизни. Вслѣдствіе этого Наказъ сократился еще на одну четверть. Но и это не—все: въ самой комиссіи онъ долженъ былъ быть сопоставленъ съ объединенными въ одинъ сводъ наказами избирателей и уже послѣ того руководить выработкой законопроектовъ Новаго Уложенія.

Наказъ содержалъ 20 главъ (21-я и 22 о государственномъ хозяйствѣ и полиціи были прибавлены уже въ 1768 году) и 500 статей или параграфовъ. Содержаніе этихъ статей относится ко всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ законодательства. Здѣсь заключаются воззрѣнія на особенности Россіи, какъ государства, и на Русское государственное правленіе (Монархическо-Самодержавное), на сословія, преступленія и наказанія, судопроизводство, гражданское право, образованіе и воспитаніе.

Вотъ главнѣйшіе идеи Наказа. «Лучшіе законы для государства тѣ, которые соотвѣтствуютъ его естественному положенію и сообразны съ нравами народа. Въ Россіи, вслѣдствіе ея естественнаго положенія, всякое другое правленіе, кромѣ Монархическаго—Самодержавнаго, было бы не только вредно, но и въ конецъ разорительно. Предметъ и цѣль Монархическаго Самодержавнаго правленія есть слава гражданъ, государства и самого Государя. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ были одинаково подчинены законамъ. Вольность есть право дѣлать все то, что законы дозволяютъ. Законами исправляется лишь то, что установлено законами; обычаи же должно исправлять не законами, а обычаями и примѣрами. Будучи антагонисткой суровыхъ тѣлесныхъ наказаній и пытокъ въ судебномъ производствѣ, императрица утверждала, что раскрытіе преступленія и стыдъ уже есть наказаніе. Наказывать можетъ

лишь законъ. И самые судьи не имѣютъ права толковать законы по своему произволу, а слѣдуютъ буквѣ. Законы должны быть написаны точно, ясно и языкомъ простымъ, понятнымъ каждому. Для предупрежденія преступленій необходимо распространять просвѣщеніе. Но одно образованіе ума, по мнѣнію императрицы, еще не дѣлаетъ человѣка добрымъ: для этого необходимо воспитаніе, которое она хотѣла поставить въ Россіи такъ, чтобы оно создало у насъ новую породу отцовъ, матерей

Графъ Н. И. Панинъ.

и дѣтей. Но всякій и всегда обязанъ учить своихъ дѣтей страху Божію, какъ началу всякой нравственности, и внушать имъ исполнять обязанности, которыя возлагаетъ на насъ Богъ въ Своемъ десятословіи и православная наша церковь въ своихъ правилахъ и прочихъ преданіяхъ. Слѣдуетъ возбуждать въ дѣтяхъ любовь къ отечеству, уваженіе къ законамъ и почтеніе къ своему правительству, какъ заботящемуся о благѣ своихъ подданныхъ. Носительница Самодержавной Царской Власти Екатерина въ своемъ

наказѣ является сторонницей вѣротерпимости, а въ первоначальной его редакціи и ревнительницей освобожденія крестьянъ.

Хотя наказъ отличался нѣкоторою отвлеченностью и теоретичностью, но онъ нисколько не стѣснялъ выборныхъ людей въ выработкѣ практическихъ его примѣненій въ Новомъ Уложеніи, и нѣтъ никакой вины ея въ томъ, что напр., освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости совершилось не въ ея царствованіе, а при ея правнукѣ императорѣ Александрѣ II. Въ этомъ дѣлѣ императрица встрѣтила сильное противодѣйствіе въ высшихъ классахъ населенія: не только въ дворянствѣ, но и въ промышленномъ сословіи, владѣвшемъ, по закону Петра I, крѣпостными фабричными рабочими.

30 іюня 1767 года комиссія собралась въ Москвѣ, гдѣ въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи императрицы, ея двора и выборныхъ людей, совершено было торжественное богослуженіе, послѣ котораго выборные дали присягу въ томъ, что «приложатъ чистосердечное стараніе въ великомъ дѣлѣ сочиненія проэкта новаго уложенія, чтобы сіе дѣло начато и окончено было въ правилахъ богоугодныхъ, человѣколюбіе вселяющихъ и добронравіе, къ сохраненію блаженства и спокойствія рода человѣческаго, изъ каковыхъ правилъ все правосудіе истекаетъ»...

Послѣ этого всѣ отправились въ Грановитую палату, и здѣсь въ торжественной обстановкѣ, императрица, возсѣдая на тронѣ, окруженная своей блестящей свитой, открыла засѣданіе комиссіи и вручила ей свой наказъ.

Выборные люди, ознакомившись съ нимъ, благодарили императрицу и просили ее принять титулъ: великой премудрой матери отечества. Екатерина такой отвѣтъ дала на это: о названіяхъ, кои вы предлагаете мнѣ, отвѣчаю: великая — о моихъ дѣлахъ оставляю безпристрастно судить исторіи и потомству; премудрая — никакъ себя такой назвать не могу; ибо премудръ — одинъ только Богъ; мать отечества — любить Богомъ мнѣ врученныхъ подданныхъ я почитаю за долгъ моего званія, быть ими любимою есть мое желаніе».

Комиссія составила общее собраніе подъ предсѣдательствомъ Бибикова и подраздѣлилась на отдѣльныя подкомиссіи, руководимыя княземъ Вяземскимъ.

Но порученное дѣло было совсѣмъ не подъ силу выборнымъ людямъ.

Изученіе 10.000 отдѣльныхъ неупорядоченныхъ законополо-

женій, систематизація разнородныхъ наказовъ, соображеніе ихъ съ наказомъ самой императрицы, выработка на основаніи всего этого Новаго Уложенія,—это столь сложное и трудное дѣло потребовало бы многихъ лѣтъ работы отъ спеціалистовъ въ законовѣдѣніи и законодательствѣ. Чего же можно было ожидать отъ столь многочисленнаго собранія неподготовленныхъ людей? Проработавъ десятки лѣтъ, даже надъ болѣе подготовленнымъ матеріаломъ, они сдѣлали бы не многое, и во всякомъ случаѣ не-

Князь А. А. Безбородко.

разрѣшили бы поставленную имъ задачу, не составили бы Новаго Уложенія. Вѣдь, и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича было только читано на Земскомъ Соборѣ, а составлено было правительственными лицами.

Но общему собранію коммиссіи пришлось существовать не долго: въ 1768 году началась первая турецкая война, и часть выборныхъ была отпущена для участія въ ней. Частныя же коммиссіи еще продолжали заниматься нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ генералъ-прокурора сената князя Вяземскаго. Все же

комиссія принесла свою пользу тѣмъ, что ознакомила императрицу съ нуждами населенія и его классовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, что было полезно для послѣдующаго законодательства, которое вырабатывалось уже безъ участія выборныхъ. Сама императрица Екатерина такъ опредѣлила значеніе этого собранія выборныхъ людей: «комиссія подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно».

Отказавшись отъ мысли составить Новое Уложеніе и не измѣняя Петровскихъ центральныхъ учрежденій, Екатерина II стала «пещись» объ устройствѣ мѣстнаго управленія и организаціи сословій. И созданныя въ этихъ сферахъ учрежденія существовали почти безъ измѣненія въ теченіи трехъ царствованій, а нѣкоторыя существуютъ до нашихъ дней.

Слабость Петровскаго губернскаго управленія сказалась малочисленностью мѣстныхъ властей и недостаточностью ихъ органовъ, во время такъ называемаго «чумного» мятежа въ Москвѣ и Пугачевскаго бунта въ Поволжьѣ, и императрица въ 1775 году издала свое новое учрежденіе для управленія губерніями.

Вмѣсто 12 Петровскихъ губерній, она раздѣлила Россію на 50 губерній, по числу жителей, отъ 300 до 400 тысячъ въ каждой. Губерніи были подраздѣлены на уѣзды, съ 20—30 тысячами населенія. При населеніи въ 36 милліоновъ, распредѣлявшихся на территоріи въ 300 тысячъ квадратныхъ миль, къ 1200 существовавшимъ городамъ императрица прибавила 200 новыхъ, обративъ созданными административными учрежденіями соотвѣтствующее число селъ въ города. Нѣкоторые изъ основанныхъ ею городовъ, какъ Севастополь, Николаевъ, Екатеринославъ, быстро стали процвѣтать; другіе же, лишенные городскихъ классовъ жителей, оставаясь крестьянскими поселеніями, быстро худѣли и, съ переводомъ изъ нихъ административныхъ учрежденій въ другія мѣста, дѣлались такъ называемыми заштатными городами.

Во главѣ управленія губерніями были поставлены губернаторы. Соединяемыя подъ властью одного начальника нѣсколько губерній, управлялись генералъ-губернаторами или намѣстниками. Губернаторовъ и намѣстниковъ императрица въ управленіи руководила собственными указаніями. Первыми торжественно открыты были губерніи Тверская и Новгородская, гдѣ генералъ-

губернаторствовалъ Сиверсъ. Въ Малороссію, гдѣ отмѣнено было Екатериной гетманство, было введено раздѣленіе на губерніи и назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Румянцевъ-Задунайскій.

Въ губерніяхъ и уѣздахъ создана была сѣть правительственныхъ учрежденій, въ которыхъ раздѣлялась власть административная и судебная и удачно сочетались лица, назначаемыя правительствомъ и выборные люди отъ разныхъ сословій, чѣмъ

Румянцевъ - Задунайскій.

ослабляется въ мѣстномъ управленіи канцелярскій или бюрократическій характеръ.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ учреждены были: 1) Губернское правленіе съ губернаторомъ во главѣ, сосредоточивавшее въ себѣ административную и ревизіонную власть въ губерніи. 2) Палаты—Уголовная и Гражданская, какъ высшіе органы судебной власти въ губерніи. 3) Казенная Палата и Губернское

Казначейство, вѣдавшія финансы губерніи. 4) Верхній земскій судъ для дворянскихъ тяжбъ. 5) Губернскій магистратъ для суда надъ купцами и мѣщанами. 6) Верхняя расправа для суда надъ государственными крестьянами и однодворцами. Эти суды состояли изъ предсѣдателей — коронныхъ судей и засѣдателей — выборныхъ того сословія, дѣлами котораго завѣдывали. 7) Совѣстный судъ для полюбовнаго рѣшенія тяжебъ и для суда надъ невмѣняемыми преступниками и непреднамѣренными преступленіями. 8) Приказъ общественнаго призрѣнія для устройства больницъ, богадѣленъ, пріютовъ и школъ.

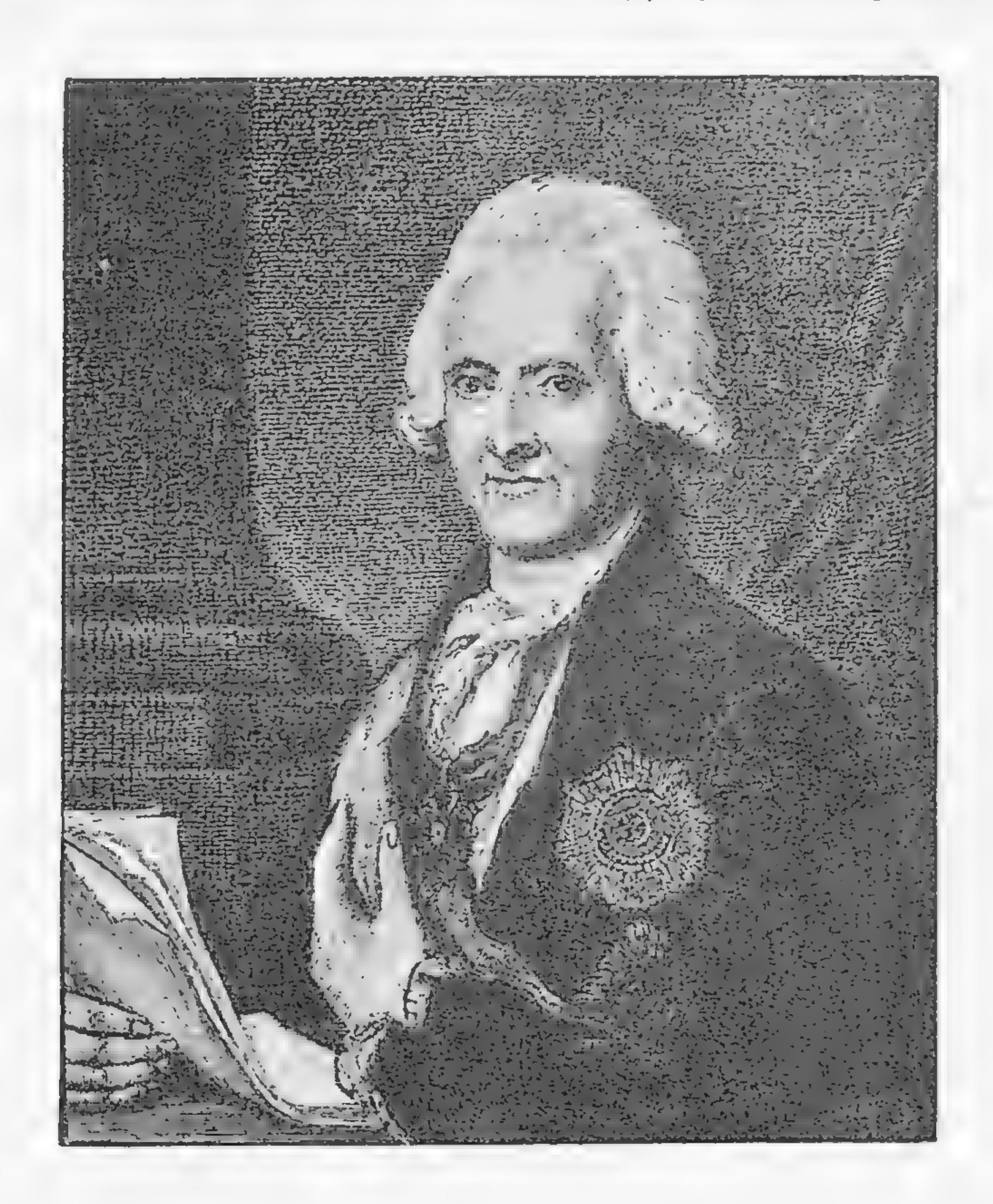
Каждый уѣздный городъ имѣлъ: 1) Нижній земскій судъ— вѣдавшій уѣздную администрацію и полицію—состоялъ изъ начальствующаго въ уѣздѣ капитана—исправника и засѣдателей; тотъ и другіе избирались изъ дворянъ уѣзда. 2) Уѣздный судъ для дворянъ, подчиненный Верхнему Земскому суду. 3) Городской магистратъ, подчиненный губернскому. Полиція въ уѣздномъ городѣ ввѣрялась городничему. 4) Нижняя расправа для государственныхъ крестьянъ находилась подъ руководствомъ назначаемаго отъ правительства предсѣдателя, 5) Дворянская опека и 6) сиротскій судъ для сиротскихъ дѣлъ дворянства и городскихъ сословій.

Будучи сторонницей равенства всѣхъ предъ закономъ, императрица стремилась однако къ организаціи народонаселенія на основахъ сословности.

Давъ немаловажное значеніе сословіямъ въ мѣстномъ губернскомъ и уѣздномъ управленіи посредствомъ выборныхъ ихъ засѣдателей, Екатерина II въ дальнѣйшемъ своемъ законодательствѣ опредѣлила права и корпоративное самоуправленіе сословій.

Такъ въ 1785 году жалованною грамотою дворянству, она организовала его, какъ первенствующее среди другихъ сословій. Подтвердивъ освобожденіе дворянства отъ обязательной служебной повинности, она постановила, что дворянинъ не можетъ иначе, какъ по суду (Сената) и съ Высочайшаго утвержденія лишиться своего званія, которое передаетъ женѣ и дѣтямъ; судится только равными и освобождается отъ податей и тѣлеснаго наказанія; владѣетъ, какъ неотъемлемой собственностью, всѣмъ, что находится въ его имѣніи; но осуществляетъ свои выборныя права въ дворянствѣ и мѣстномъ управленіи, если государственною службою пріобрѣтетъ первый офицерскій или соотвѣтствующій статскій чинъ.

Дворяне каждой губерніи, составляя корпораціи или общества, чрезъ каждые три года собирались для избранія должностныхъ лицъ, какъ сословныхъ: губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и депутатовъ дворянства, такъ и входящихъ въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій: уѣздныхъ судей, исправниковъ и разныхъ засѣдателей. Дворянству предоставлено

Графъ Я. Е. Сиверсъ.

было право непосредственныхъ сношеній съ носителями Верховной Власти.

Грамотою данною въ томъ же 1785 году городамъ, другія городскія сословія были также организованы въ городскія общества, которыя раздѣлялись на сословія: купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ. Городскіе обыватели получили право собираться въ три года въ общую городскую думу, которая избирала изъ своей среды городского голову и шесть гласныхъ — или шести-

гласную думу, которая три года завѣдывала текущими хозяйственными дѣлами города: его доходами, расходами, общественными сооруженіями, раскладкой и сборомъ податей, исполненіемъ казенныхъ повинностей, за исправность которыхъ отвѣчало городское общество. Городское самоуправленіе было подчинено надзору губернаторовъ.

Купечество тоже было организовано въ сословное общество, которое избирало своего старшину и купеческую управу. Объявившіе капиталъ не менѣе 10,000 руб. записывались въ первую гильдію; не менѣе 5,000—во вторую, а не менѣе 500—въ третью. Купцы освобождались отъ рекрутской повинности посредствомъ денежнаго выкупа; двѣ первыхъ гильдіи освобождались отъ тѣлесныхъ наказаній, а высшій слой купечества—именитые граждане—могли даже получать дворянство. Мѣщане получили свою выборную управу, а раздѣленные на цехи ремесленники—свою ремесленную.

Мысль Екатерины II объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости встрѣтила, какъ мы знаемъ, какъ среди выборныхъ людей въ комиссіи для составленія уложенія, такъ и въ громадномъ большинствѣ общества, сильное противодѣйствіе, хотя и находились въ ея царствованіе люди, мечтавшіе даже о надѣлахъ крестьянъ землею. Существенныхъ перемѣнъ въ положеніи крестьянъ въ это царствованіе не произошло, кромѣ того, что отобранные у монастырей и церквей крестьяне были отданы въ завѣдываніе коллегіи экономіи и стали называться экономическими. Это произвело волненія и среди помѣщичьихъ крестьянъ, которыя пришлось усмирять строгими мѣрами. Распространеніе же крѣпостнаго права на Малороссію и другія неблагопріятныя условія въ концѣ-концевъ даже усилили въ это время крѣпостное право.

Екатерина II много заботилась объ экономическомъ подъемѣ Россіи, но въ отличіе отъ Петра I, подвергшаго промышленность и торговлю строгой государственной опекѣ, менѣе, въ духѣ тогдашняго фритредерства, т.-е. свободы промысловъ и торговли, стѣсняла ихъ государственнымъ надзоромъ и вмѣшательствомъ: она закрыла бергъ-и—мануфактуръ-коллегію.

Въ первые годы своего царствованія Императрица успѣла поправить состояніе нашихъ финансовъ, страдавшихъ отъ превышенія расходовъ надъ доходами и даже образовала запасный капиталъ въ 5 милліоновъ. Къ концу ея царствованія доходы

возрасли съ 16 милліоновъ на 68. Но, вслѣдствіе частыхъ войнъ государство нуждалось въ кредитѣ.

Въ то время у насъ мало было золота и серебра, и въ ходу было множество тяжелой и неудобной для платежей мѣдной монеты. Императрица, въ видахъ удобства денежнаго обращенія, основала въ 1768 ассигнаціонный банкъ съ капиталомъ въ милліонъ рублей золотою и серебряною монетою и въ этомъ количествѣ выпустила ассигнаціи, печатныя бланки, замѣнявшія звонкую монету. Свободно мѣняемыя на таковую и принимае-

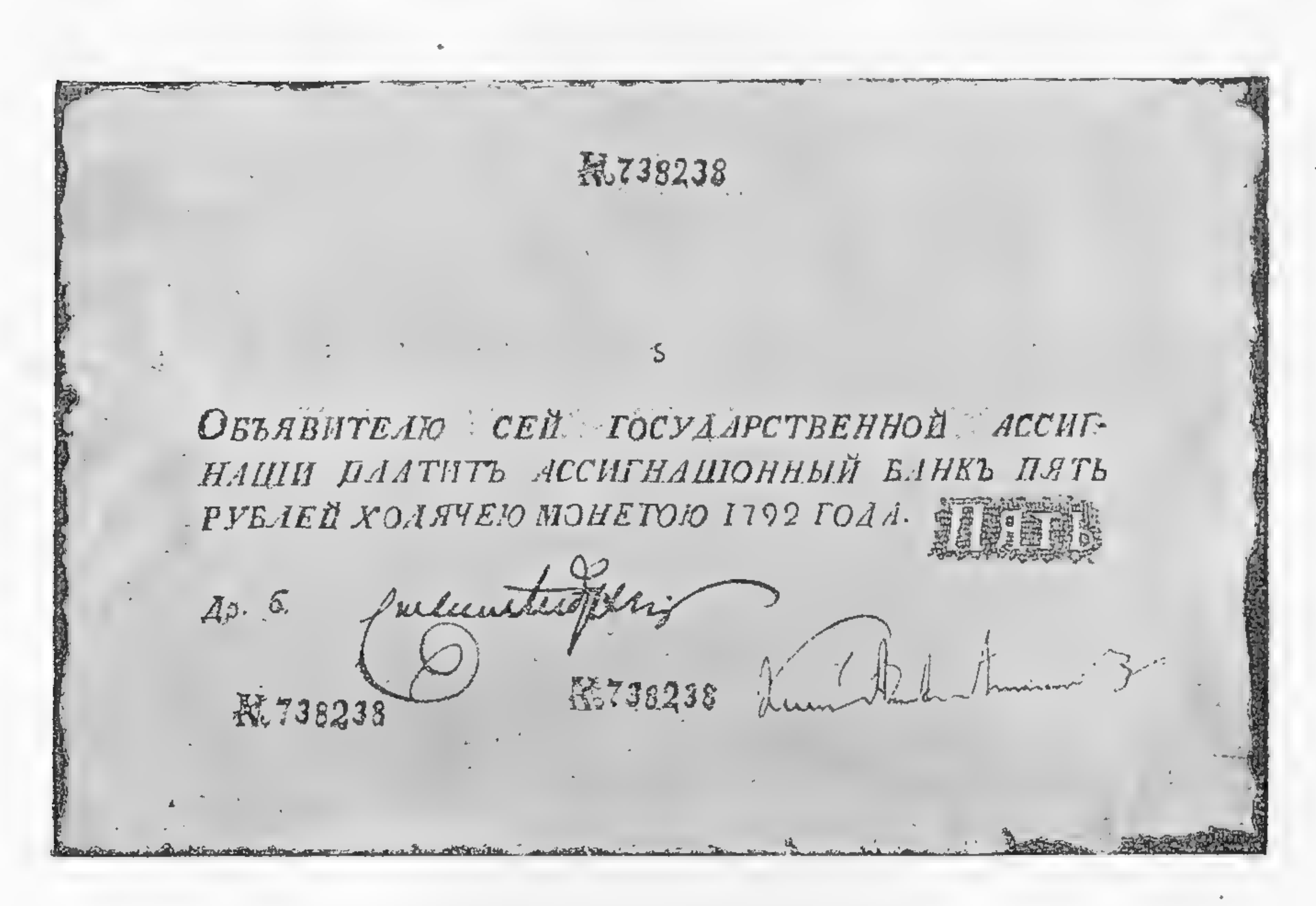

Генералъ-прокуроръ сената князь А. А. Вяземскій.

мыя въ казенные и частные платежи, ассигнаціи пріобрѣли большое довѣріе и получили значеніе бумажныхъ денегъ. Но скоро войны потребовали большихъ тратъ, а звонкая монета уходила заграницу. Приходилось увеличивать выпускъ ассигнацій, количество которыхъ возрасло до 150 милліоновъ. Вслѣдствіе этого цѣнность ихъ стала понижаться, и въ 1795 году ассигнаціонный рубль уже цѣнился въ 68 коп. Учрежденные при Елизаветѣ Петровнѣ Дворянскій и Купеческій банки были замѣ-

цены въ 1680 году однимъ Государственнымъ заемнымъ банкомъ, изъ котораго могли брать ссуды за 5% дворяне на 20 лѣтъ, а купцы на 22 года. Для колонизаціи южныхъ степей вызывались изъ-за границы сербы, греки и нѣмцы, которымъ давались большіе земельные надѣлы, денежныя пособія и освобожденіе отъ податей на 30 лѣтъ.

Въ 1765 году въ Петербургѣ было открыто Вольное Экономическое Общество для разработки вопросовъ по сельскому хозяйству. Въ слѣдующемъ году близкій къ Императрицѣ Г. Г. Орловъ предложилъ Обществу поставить на публичное обсуж-

Ассигнація Екатерининскаго времени.

деніе вопросъ о крѣпостномъ правѣ у насъ. За сочиненіе по этому предмету была установлена премія, вызвавшая множество трактатовъ, присланныхъ изъ разныхъ концовъ и Россіи и изъ-за границы. Премія присуждена была нѣмецкому ученому.

Государыня очень заботилась и о народномъ здравіи. Установила, чтобы каждый городъ имѣлъ, по меньшей мѣрѣ, двухъ врачей—одного для города, другого для уѣзда. Приказамъ общественнаго призрѣнія вмѣнено было въ обязанность устраивать больницы и дома для умалишенныхъ. Сама Императрица много хлопотала объ устройствѣ больницъ въ обѣихъ столицахъ.

Чтобы разсѣять въ народѣ предубѣжденіе противъ только-что входившаго въ то время въ обиходъ прививанія оспы, Императрица приказала привить ее себѣ и своему наслѣднику—великому князю Павлу Петровичу.

Но болѣе, чѣмъ на экономическіе интересы и народное здравіе, направляла Императрица вниманіе на духовные интересы своей Россіи.

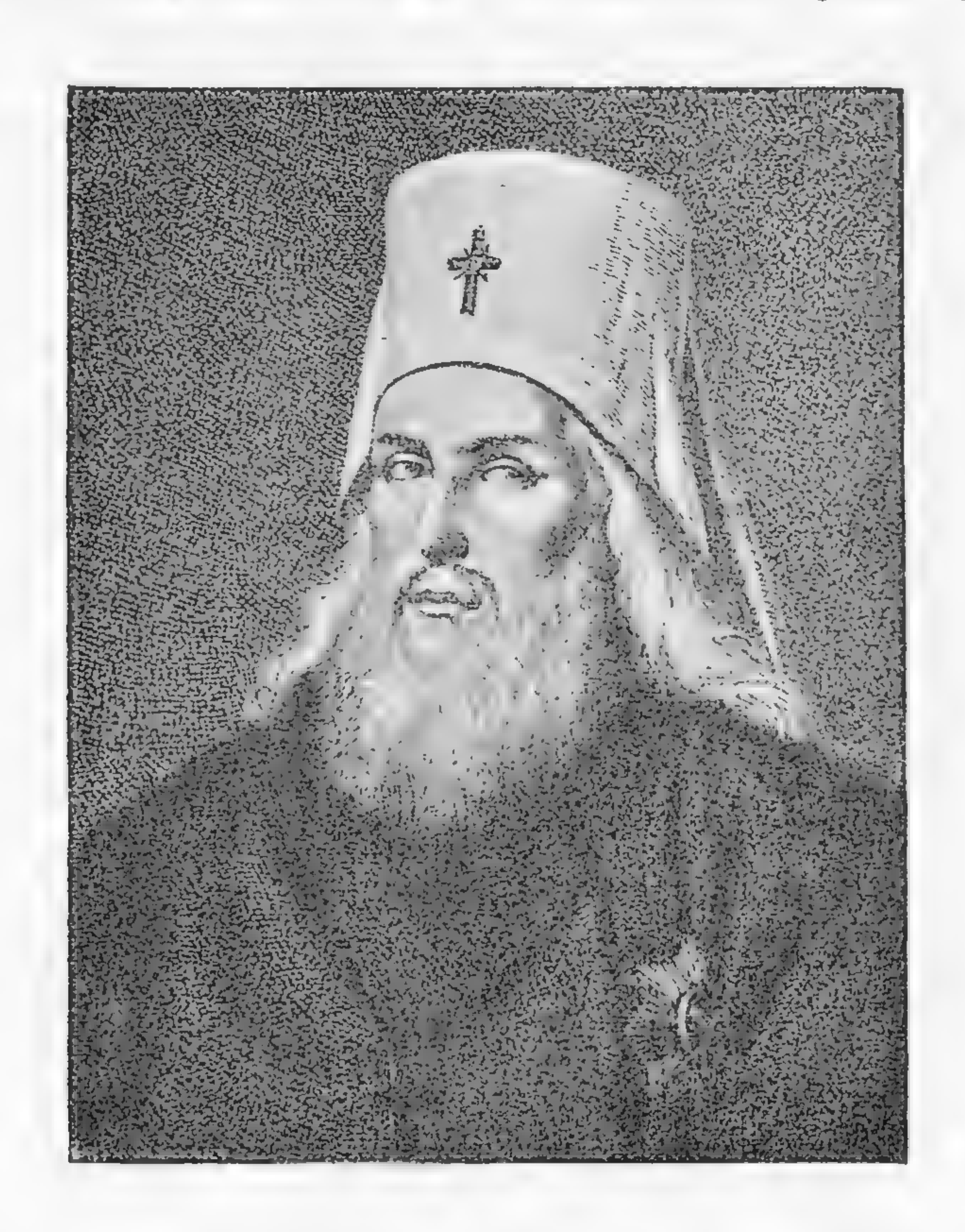
Если передача церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, при недостаточности выдачъ изъ ея доходовъ на содержаніе монастырей и духовенства, вызывала не мало наре-

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.

каній, то мѣры этого времени, направленныя къ возсоединенію старообрядцевъ и уніатовъ съ православною церковью должны привлекать сочувствіе. Освободивъ раскольниковъ отъ двойной подушной подати и отъ обязанности носить особую одежду и брить бороду, Екатерина II заботилась объ ихъ возвращеніи въ православную церковь. При ней, подъ руководствомъ пользовавшагося ея особымъ довѣріемъ митрополита Платона (онъ былъ законоучителемъ наслѣдника Престола) выработаны были правила возсоединенія старообрядцевъ съ православною цер-

ковію на началахъ такъ-называемаго единовѣрія; единовѣрцамъ дозволено было имѣть свои храмы и совершать богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ и соблюдать свои старинные обряды, подъ условіемъ, чтобы они имѣли священниковъ, поставленныхъ православными епископами. Вслѣдствіе этого нѣсколько сотъ тысячъ старообрядцевъ и въ ихъ числѣ возвратившіеся изъ-за границы приняли единовѣріе и построили свои церкви. Присоеди-

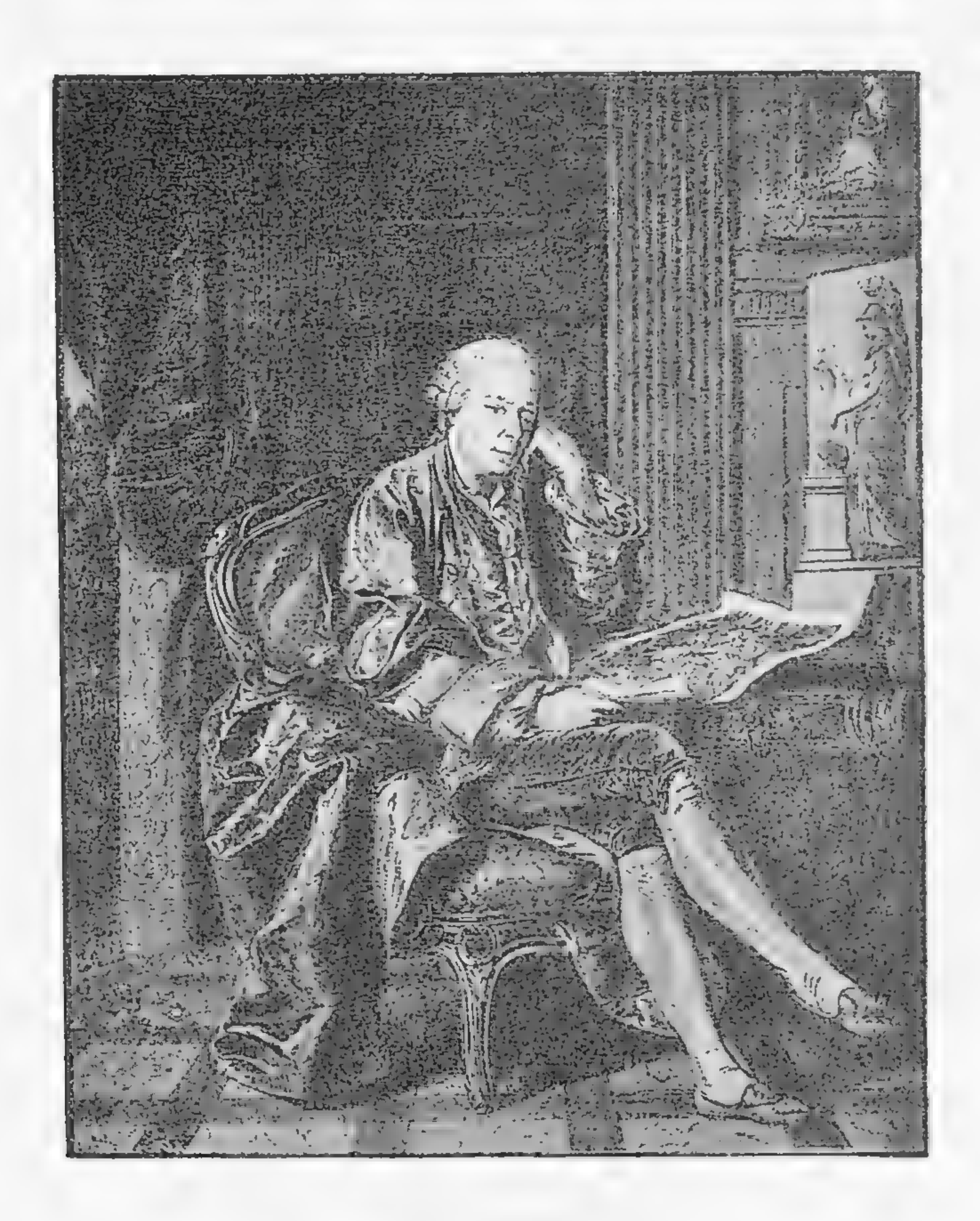

Митрополитъ Платонъ.

нивъ отъ Польши множество Западно-Русскихъ и Южно-Русскихъ областей, Екатерина изгнала оттуда іезуитовъ, запретила обращать православныхъ не только въ католичество, но и въ унію и всячески поощряла отпавшихъ къ возврату въ православіе. Результатомъ этихъ заботъ императрицы было то, что 1.500.000 уніатовъ возсоединилось съ православною церковью.

Какъ и Петръ Великій, Екатерина II «Самодержавною рукою смѣло сѣяла просвѣщенье». Но ея великому предшественнику

не было времени осуществить вполнѣ свои планы относительно народнаго просвѣщенія. Оставивъ своимъ преемникамъ завести въ Россіи учрежденія для научнаго образованія, онъ вынужденъ былъ довольствоваться распространеніемъ на Руси грамотности и технической выучки. Но ко времени Екатерины II, у насъ уже была Академія наукъ, университетъ и три гим-

И. И. Бецкій.

назіи. Замышляя и далѣе распространять сѣть образовательныхъ учрежденій, съ нѣсколькими университетами во главѣ, императрица, вмѣстѣ съ тѣмъ приложила много заботъ къ тому, чтобы съ образованіемъ ума въ Русскомъ просвѣщеніи непремѣнно и неразрывно было соединено нравственное воспитаніе.

«Съ давняго уже времени Россія имѣетъ Академію наукъ

и разныя училища, и много употреблено иждивенія на посылку заграницу Россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ. Мы не можемъ жаловаться на Провидѣніе за малую въ Россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность. Но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того непрямые пути избраны... Изъ посланныхъ еще при Петрѣ Великомъ дворянъ нѣкоторые возвратились съ хорошимъ успѣхомъ въ томъ; но, по возвращеніи, имѣя путь къ большимъ чинамъ, не стали въ томъ упражняться. Изъ простонародья къ наукамъ взятые, также скоро въ нихъ успѣвали, но еще скорѣе въ прежнее невѣжество обратились... Опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина... *Корень всему злу и добру — воспитаніе.* Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо остается средство — произвести способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, кои бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя правила вселить въ сердце могли, а паки дѣти передали своимъ дѣтямъ»... Вотъ взглядъ Екатерины II на воспитаніе.

Глубоко симпатично ея стремленіе при помощи воспитанія создать новую породу людей. Но въ этомъ оптимистическомъ взглядѣ на природу человѣка была повинна философія XVIII вѣка, утверждавшая будто она есть бѣлая таблица, на которой можно написать все, что придумаетъ воспитывающій разумъ. Критически относившаяся къ своимъ преувеличеніямъ, императрица, создавая въ Россіи воспитательныя учрежденія, скоро, конечно, убѣдилась, что не все можно сдѣлать воспитаніемъ, но она и не разувѣрилась въ томъ, что оно составляетъ силу великую и плодотворную.

Слишкомъ мало видя въ окружающей средѣ, взбаламученной быстрыми преобразованіями, хорошихъ въ нравственномъ отношеніи семей, Императрица, считала лучшимъ отдѣлять дѣтей отъ семей, какъ можно раньше, и воспитывать ихъ въ закрытыхъ заведеніяхъ. Такъ для воспитанія дѣвицъ она основала въ Петербургѣ при Смольномъ монастырѣ институтъ съ двумя отдѣленіями; для дочерей дворянъ, и для дочерей городскихъ сословій. Много заботъ посвятила она этому институту, гдѣ часто бывала сама, лично знала всѣхъ воспитанницъ и находила еще время обмѣниваться съ ними маленькими записочками. Къ существующему Шляхетскому кадетскому корпусу, она при

соединила еще два новыхъ: инженерный и артиллерійскій. Но она кромѣ закрытыхъ учебныхъ завѣденій учреждала еще и открытыя, что возложено было на обязанности двухъ комиссій: комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ и другой—объ учрежденіи учебныхъ заведеній для дѣтей духовенства. Первая выработала планъ цѣлаго ряда учебныхъ заведеній, начиная съ двухклассныхъ малыхъ народныхъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ, главныхъ училищъ въ губернскихъ городахъ и универси-

Московскій Воспитательный домъ при Екатеринѣ II.

тетовъ (въ Екатеринославѣ, Саратовѣ и Кіевѣ). Но недостатокъ средствъ не дозволилъ открыть не только университетовъ, но и главныхъ училищъ (по нынѣшнему гимназій); пришлось довольствоваться малыми уѣздными училищами.

По мысли сотрудника Екатерины И. И. Бецкаго, были устроены воспитательные дома: одинъ сперва въ Москвѣ, другой чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ. Задачей ихъ было призрѣніе незаконнорожденныхъ и брошенныхъ дѣтей. Много ихъ въ прежнее время погибало, но теперь ихъ не только избавляли отъ смерти, но и обучали грамотѣ и различнымъ ремес-

ламъ и давали имъ средства добывать своимъ трудомъ пропитаніе.

Екатерина II учредила Россійскую Академію для ученой обработки отечественнаго языка; президентомъ ея назначила близкую себѣ княгиню Дашкову. Это учрежденіе издало академическій словарь Русскаго языка, въ коемъ опредѣлялось точное значеніе каждаго слова и установлены его грамматическія формы. Въ составленіи этого словаря принимала участіе сама императрица, какъ и въ изданіи академическаго журнала «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова». Въ первую половину своего царствованія, она была очень благосклонна къ печати и разрѣшила частнымъ лицамъ свободно открывать типографіи и печатать книги и журналы.

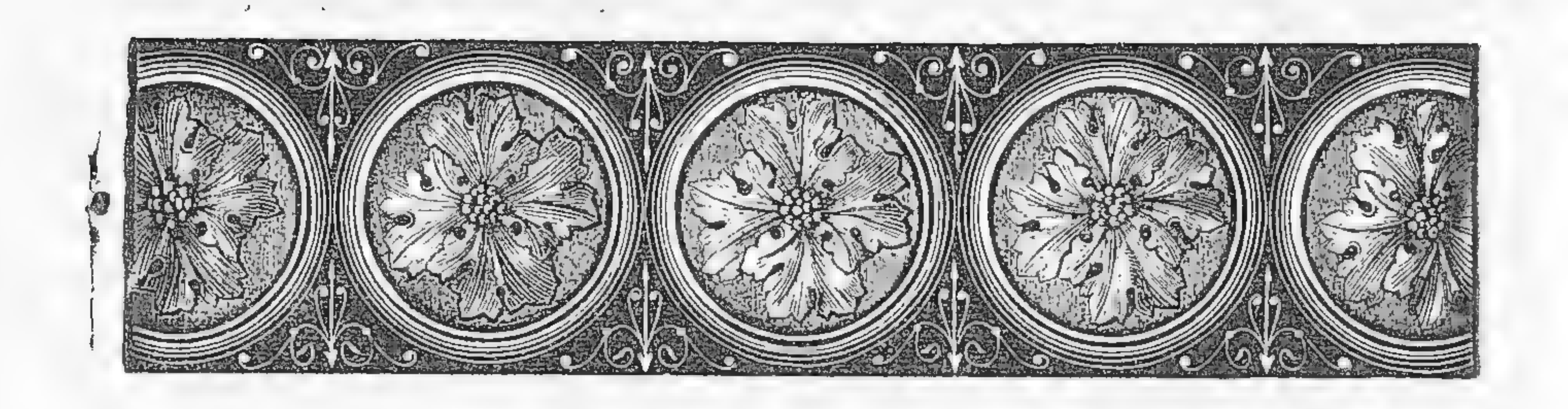
Удивительно, что сама императрица, при всей трудности и сложности своихъ государственныхъ занятій, находила еще время для чисто литературныхъ занятій. Кромѣ помянутыхъ ея историческихъ, филологическихъ и юридическихъ трудовъ, должно еще вспомнить объ ея комедіяхъ («О время!» и друг.), сказкахъ для ея внуковъ—великихъ князей, сюжеты которыхъ она заимствовала изъ нашихъ народныхъ былинъ и сказокъ.

Совершенно понятно, что подъ ея вліяніемъ Русская литература сильно шагнула впередъ отъ Ломоносова къ Державину и отъ Сумарокова къ Фонъ-Визину, которые глубже раскрыва Русское творчество, въ его положительныхъ идеалахъ и въ отрицательномъ отношеніи къ современной дѣйствительности. Они были предвѣстниками и подготовителями и Пушкина, и Гоголя.

Чрезвычайно важенъ поворотъ въ Екатерининское время къ Русскому національному самосознанію. Онъ сказывался не только въ осмѣяніи самой Екатериной и Фонъ-Визинымъ тѣхъ, кто только поверхностно усваивалъ себѣ внѣшній лоскъ чужой западно-европейской культуры, но и въ положительномъ уваженіи къ дарованіямъ Русскаго народа, къ его языку, къ его эпосу, къ пословицамъ, а особенно къ его историческому прошлому. Князь Щербатовъ въ своей «Исторіи Россійской отъ древнѣйшихъ временъ» старается рельефнѣе выставить тѣ явленія нашего прошлаго, которыя не походили на явленія въ исторіи другихъ народовъ. Любитель исторіи генералъ Болтинъ, по примѣру самой Екатерины, энергично защищалъ безславимую многими въ эпоху преобразованій, до — Петровскую Русь; опровергая напечатанную въ Парижѣ книгу Леклер-

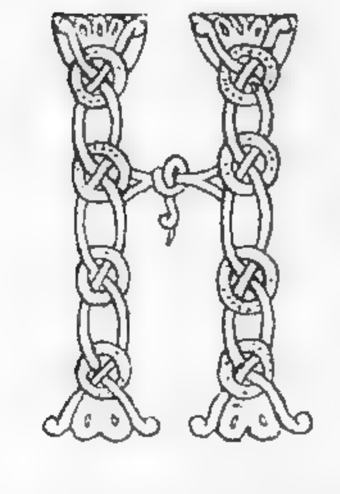
ка о древней и новой Россіи; онъ энергически указывалъ въ первой свѣтлыя историческія явленія и доказывалъ несправедливость того, будто Петръ I привелъ Россію изъ небытія въ бытіе... Въ это время учился въ Москвѣ въ университетскомъ пансіонѣ и зрѣлъ въ кружкѣ издателя Вивліоѳики Россійской Новикова Карамзинъ, который такъ много сдѣлаетъ для Русской исторіографіи и для подъема Русскаго историческаго самосознанія.

6.

Внѣшняя политика Екатерины II и внутреннія волненія ея царствованія.—Польскій Вопросъ и связь съ нимъ поволжскихъ волненій и первой турецкой войны.—Побѣды Орлова и Румянцева.—Первый раздѣлъ Польши и Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.—Чума и Пугачевщина.—Присоединеніе Крыма.—Новая польская конституція, вторая турецкая война и столкновеніе со Швеціей.—Второй и третій раздѣлы Польши.—Сѣверо-Американскія Штаты и вооруженный нейтралитетъ.—Отношеніе Екатерины II къ первой французской революціи

емедленно по вступленіи на престолъ Императрица Екатерина II отмѣнила приготовленія въ войнѣ съ Даніей и отозвала Русскія войска изъ Пруссіи, оставленныя тамъ для поддержки Фридриха II, что способствовало окончанію (въ 1763 году) семилѣтней войны.

Руководившаяся въ иностранной политикѣ жизненными интересами Россіи, она сказала французскому послу: «мнѣ надобно, по крайней мѣрѣ пять лѣтъ для возстановленія порядка у себя дома». Но она не стояла за миръ во-что-бы то ни стало и говорила: «я довольно войнолюбива, но никогда не начну войны безъ причины. Если же начну войну, то не изъ угожденія другимъ, и лишь тогда, когда найду это удобнымъ для себя». Подъ этимъ удобствомъ для себя разумѣлись, конечно, національные интересы Россіи, и внѣшняя политика Екатерины II была глубоко національной.

Русскіе народные интересы въ польскомъ вопросѣ и отысканіе безопасныхъ естественныхъ границъ Россіи на югѣ у Чер-

наго моря—вотъ двѣ главнѣйшія задачи надъ которыми трудилась Екатерина, слѣдуя примѣрамъ Іоанна III, Іоанна IV и Петра I, и которыя двигали ея дипломатію и приводили ее къ войнамъ; эти же задачи давали ей и горечь внутреннихъ волненій.

Екатерина II съ особымъ удареніемъ называла себя Императрицей *Русскою*, но для нея не оставалось пустымъ звукомъ

Императрица Екатерина II въ дорожномъ костюмѣ.

и наименованіе «Всероссійской». Она болѣла душою за Русскія земли и за тѣ части Русскаго народа, которыя находились подъ чуждою имъ властью, внѣ границъ Россійскаго Государства. Она была глубоко солидарна съ великимъ собирателемъ Земли Русской Іоанномъ III, говорившимъ еще въ XV столѣтіи: «не то одна наша вотчина, кои города и волости нынѣ за нами, а вся Русская Земля отъ старины» отъ нашихъ предковъ пошла»...

Отъ исключительныхъ заботъ «о возстановленіи внутренняго порядка», Екатерина обратилась къ вмѣшательству въ польскія дѣла, по поводу жалобы Бѣлоруссовъ, въ особенности бѣлорусскаго архіепископа Георгія Конискаго, на угнетеніе въ Бѣлоруссіи католиками нашей православной вѣры. Это именно и побудило Екатерину крѣпко думать думу о возвращеніи За-

Фридрихъ II.

падно-Русскихъ областей подъ скипетръ Русскихъ Царей, что составило первѣйшую и главнѣйшую заботу ея царствованія. Принципъ своихъ отношеній къ Польшѣ она могла бы выразить словами Іоанна III: «королевскія вотчины—только польско-литовскія земли, а Русскія земли – наша вотчина, — извѣчное наше достояніе»...

Возложенная бѣлоруссами на Екатерину «надежда на изба-

вленіе» побудила ее, не ограничиваясь уже дипломатическими ходатайствами за своихъ православныхъ единовѣрцевъ, дѣятельно вмѣшаться въ дѣла Польши. Безсиліе тамъ королевской власти, ослабляемой самой избирательностью королей и сеймовыми ограниченіями ихъ, дало ей возможность, по примѣру западныхъ сосѣдей, для энергическихъ дѣйствій въ пользу православно-русскихъ населеній, которымъ, при всѣхъ другихъ при-

Станиславъ Понятовскій.

тѣсненіяхъ, не дозволяли строить храмы; у нихъ и старые отбирали въ пользу уніатовъ и католиковъ.

По смерти Августа III Саксонскаго (1763), находившіяся въ союзѣ Францiя и Австрія, при помощи сеймовъ и сеймиковъ, не брезгуя подкупами шляхты, стали формировать въ Польшѣ партіи въ пользу избранія въ ея короли тоже саксонскаго принца. Но и Екатерина въ Русскихъ интересахъ съумѣла расположить въ свою пользу партію Чарторыйскихъ, домогавшуюся избрать въ короли природнаго поляка. При помощи Екатерины

и съ поддержкой Пруссіи былъ избранъ въ короли Станиславъ Понятовскій, лично извѣстный Екатеринѣ, но неспособный спасти Польшу отъ ея прогрессивнаго разложенія.

Имѣя поддержку въ этомъ своемъ ставленникѣ, Императрица потребовала, отъ польскаго сейма чтобы православные (прусскій король заявилъ о своихъ единовѣрцахъ — протестантахъ), уравнены были въ правахъ съ католиками. Поляки на сеймѣ своемъ 1766 года бурно протестовали противъ такого уравненія диссидентовъ съ католиками: на самомъ сеймѣ едва не изрубили одного изъ депутатовъ, начавшаго рѣчь въ пользу предоставленія правъ православнымъ и протестантамъ. Но предвидѣвшая это Екатерина велѣла своему энергическому посланнику князю Рѣпнину, пользуясь основанными на польской конституціи правами шляхты, составить два вооруженныхъ союза,—конфедераціи: православный въ Слуцкѣ, протестантскій въ Торнѣ и для поддержки православія и Русской народности двинула въ Польшу войска. Мѣткое, своевременное и глубокое движеніе мгновенно произвело впечатлѣніе не въ одной Польшѣ, а и въ Римѣ, Франціи и другихъ державахъ, сказавшееся всюду большими осложненіями, не миновавшими и самой Россіи.

Самъ папа Климентъ XIII счелъ нужнымъ отправить въ Польшу свое протестующее воззваніе. Ея епископы, начиная съ Краковскаго архіепископа, начали гальванизировать ксендзовъ: 15 секретарей этого послѣдняго день и ночь работали надъ размноженіемъ и разсылкой папскихъ посланій. Зашевелились Франція и союзъ католическихъ державъ. Русская Императрица была на высотѣ своей нелегкой задачи. На доставленной ей копіи папскаго посланія она написала: «куда папа гораздъ сказки сказывать», а князь Рѣпнинъ получилъ приказаніе немедленно арестовать въ Польшѣ и выслать въ Россію на Волгу духовныхъ и свѣтскихъ главарей партіи враждебной, диссидентамъ и принудить сеймъ уравнять ихъ въ правахъ съ католиками. Опираясь на Русскую военную силу, Рѣпнинъ арестовалъ архіепископа Солтыка въ Краковѣ, епископа Залусскаго въ Кіевѣ, Краковскаго воеводу Ржевусскаго и старосту Долинскаго, и они были отправлены въ поволжскіе города. Сеймъ подписалъ уравненіе въ правахъ диссидентовъ съ католиками, а Екатерина подписала трактатъ, по коему обязалась, въ качествѣ поручительницы, *защищать существующій конституціонный строй въ Польшѣ.*

Простой на первый взглядъ актъ защиты Русскихъ православныхъ людей въ Польшѣ повелъ къ огромнымъ и тонкимъ усложненіямъ: съ 1768 года Россія и Екатерина уже не знали покоя до самаго паденія Польши. Одновременно съ войною съ католическими конфедератами въ Польшѣ, въ нашемъ Поволжьѣ стали появляться и быстро исчезать самозванцы, принимавшіе имя Петра III, пока не началась тамъ поддерживаемая раскольниками Пугачевщина; завязалась и первая война съ Турціей

Князь Н. В. Репнинъ.

съ которой связана была чума, а съ нею и чумной бунтъ въ Москвѣ. Но Императрица мужественно боролась съ этими большими трудностями. Съ войсками разсѣянными на двухъ театрахъ, военныхъ дѣйствій, съ крайне малочисленной и плохо организованной администраціей, Императрица бодро справлялась и съ войнами и съ внутренними смутами въ то время, какъ даже ея энергическіе сотрудники говаривали: «тяжко, охъ какъ тяжко».

Но обратимся прежде всего къ военнымъ дѣйствіямъ, которыя шли одновременно и въ Польшѣ и въ Турціи.

Часть польскаго дворянства, раздраженная дарованіемъ права православнымъ и протестантамъ, образовала конфедерацію въ Подольскомъ городѣ Барѣ и призвала поляковъ къ возстанію «за вѣру и свободу», вслѣдстіе чего составилось и въ другихъ мѣстностяхъ еще нѣсколько конфедерацій, поставившихъ своей задачей преслѣдованіе диссидентовъ и лишеніе ихъ права на свободу исповѣданія. Тогда само польское правительство, въ силу договора 1767 года, просило Русскую императрицу помочь ему въ борьбѣ съ конфедератами. Екатерина дала приказаніе князю Репнину двинуть войска противъ конфедератовъ, подъ начальствомъ генерала Кречетникова. Хотя онъ и отнялъ у нихъ занятые ими города, но не успѣлъ уничтожить совершенно конфедерацій, которыя обратились съ жалобами къ католическимъ державамъ—Франціи и Австріи—на Россію, будто она стремится овладѣть Польшей.

Первый министръ Людовика XV герцогъ Шуазёль прислалъ въ Польшу вмѣстѣ съ французскими офицерами на помощь конфедератамъ Дюмурье, сдѣлавшагося знаменитымъ въ началѣ французской революціи и прибывшаго сюда для военной организаціи поляковъ.

Но поляки вовсе не желали дисциплинированія и организаціи своихъ войскъ, а только требовали заграничныхъ денегъ, и Дюнурье въ своихъ запискахъ мѣтко опредѣлилъ признаки конечнаго разложенія Польши. Ея предводители, не смотря на свою задолженность е у вреевъ, предавались роскошнымъ пирамъ, а мелкіе шляхтичи, составлявшіе главную войсковую массу, ссорились между собою, пьянствовали и, не признавая никакой дисциплины, занимались грабежами. Женщины, по замѣчанію Дюмурье, обнаруживали больше мушинъ политическаго смысла. Противодѣйствуя военной организаціи, поляки все выпрашивали Дюмурье денегъ, но онъ, указывая на ихъ роскошь и мотовство, говорилъ, что по ихъ образу жизни видно, что они совсѣмъ не нуждаются въ деньгахъ, и уѣхалъ во Францію, которая, чтобы отвлечь Россію отъ Польши вовлекла ее въ войну съ Турціею; предлоги къ этой войнѣ были отысканы въ слѣдующемъ.

Жестокое преслѣдованіе конфедератами православныхъ вызвало въ принадлежавшей Польшѣ Украйнѣ казацкое возстаніе, во главѣ котораго стали запорожецъ Максимъ Желѣзнякъ и

сотникъ Гонта. Къ нимъ присоединились и крестьянскіе (гайдамацкіе) отряды. Озлобленные противъ поляковъ и евреевъ, они начали жестокое ихъ истребленіе, особенно была кровава устроенная ими въ городѣ Умани рѣзня, напоминавшая «кровавыя бани» Западной Европы. Россіи, какъ поручительницѣ за порядокъ въ Польшѣ, пришлось усмирять казаковъ и крестьянъ. Но разбушевавшееся народное движеніе задѣло и Турцію. Сотникъ Шило, перебивъ евреевъ въ Балтѣ, разорилъ и сосѣднюю Галту, которая принадлежала туркамъ.

Екатерина II предлагала Оттоманской портѣ, дать всякое

Кагульская медаль.

удовлетвореніе и наказать виновныхъ, но подстрекаемое Франціею турецкое правительство заключило Русскаго посла Обрезкова въ Семибашенный замокъ и вызвало Россію на войну, длившуюся шесть лѣтъ (1768—1774).

Стѣсненная и въ денежныхъ, и въ военныхъ средствахъ императрица двинула однако свои войска противъ турокъ, и эта война покрыла наше оружіе необычайною славою.

Русскія войска подъ начальствомъ Голицына перешли турецкую границу и заняли крѣпость Хотинъ. Но императрица замѣнила Голицына талантливымъ Румянцевымъ. Онъ перешелъ въ энергическое наступленіе и, въ 1770 году, на берегахъ рѣчки Ларги, впадающей въ Прутъ, съ небольшими силами разбилъ

стотысячную армію подвластнаго Турціи Крымскаго хана. Когда Румянцевъ просилъ себѣ подкрѣпленій, ссылаясь на численное превосходство непріятелей, Екатерина писала ему, что древніе римляне не заботились о числѣ враговъ, а только спрашивали, гдѣ они. Въ томъ же году Румянцевъ разбилъ на голову и обратилъ въ бѣгство на рѣкѣ Кагулѣ 150000-е войско великаго визиря, между тѣмъ какъ у насъ было только 17000; онъ, раздѣливъ ихъ на нѣсколько каре, повелъ ихъ въ наступленіе; а

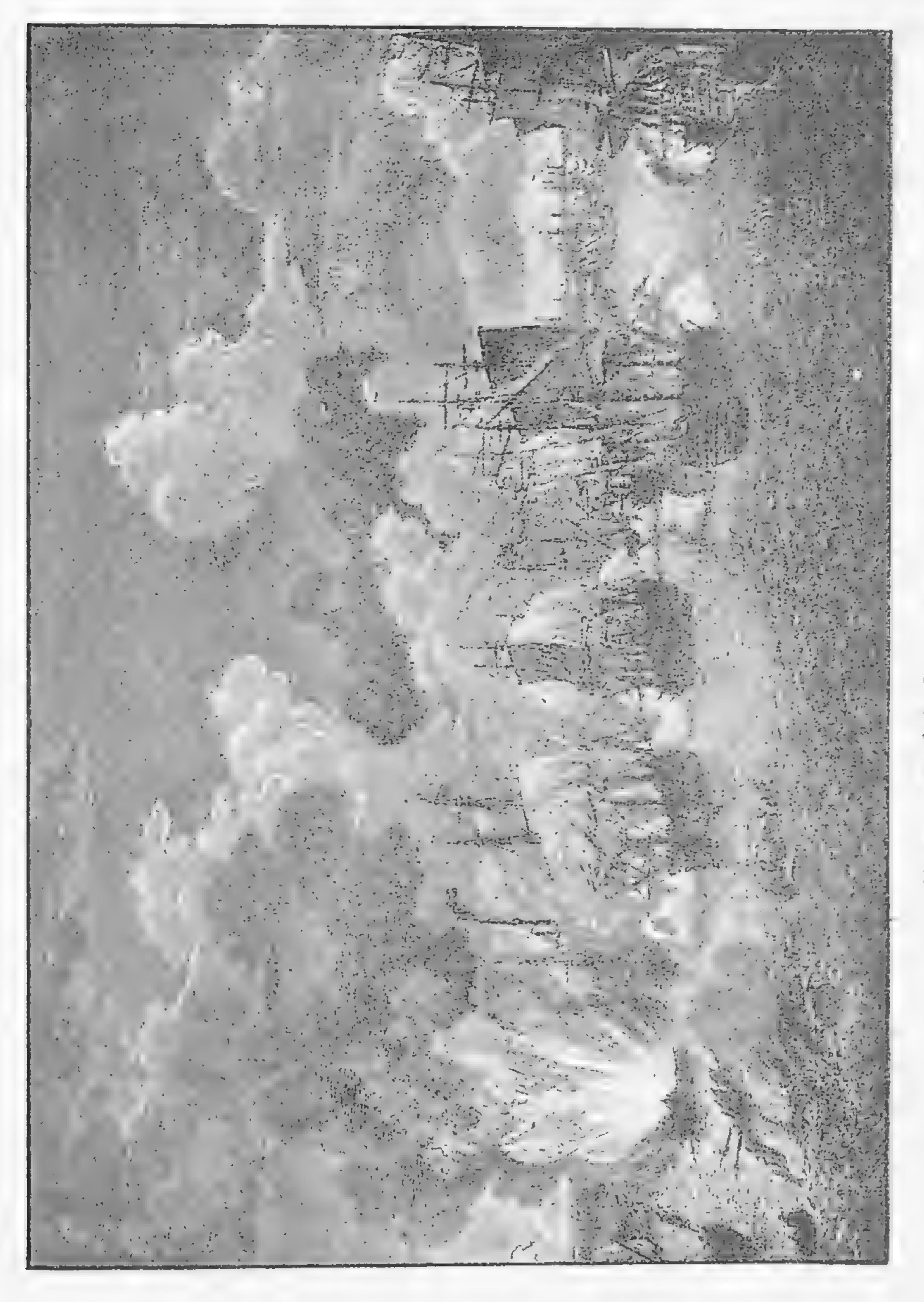

Румянцевъ.

когда лѣвое крыло поколебалось, съ обнаженной шпагой, самъ возстановилъ здѣсь порядокъ и одержалъ блестящую побѣду. Ея трофеями были весь турецкій лагерь съ большими запасами и 150 пушекъ. Вслѣдствіе Кагульской побѣды Русскіе заняли Молдавію и Валахію, а турки очистили весь лѣвый берегъ Дуная и дали Румянцеву возможность переправиться черезъ него.

Въ томъ же году Русскій флотъ одержалъ блистательную

побѣду надъ турецкимъ въ Архипелагѣ, близъ береговъ Малой Азіи въ Чесменской бухтѣ. Послѣ смерти Петра, у насъ слиш-

Чесменскій бой. Съ современной гравюры.

комъ мало заботились о созданномъ имъ флотѣ. Но Екатерина II приказала починить еще годные къ плаванію старые корабли и построила нѣсколько новыхъ и отправила ихъ съ адмираломъ

Спиридовымъ, и Грейгомъ подъ главной командой сухопутнаго военачальника графа Алексѣя Орлова крейсировать въ Средиземномъ морѣ, чтобы здѣсь поднять противъ Турціи православныхъ славянъ и грековъ.

Въ Архипелагъ навстрѣчу Русскимъ вступилъ сильный турецкій флотъ и здѣсь между островомъ Хіосомъ и берегомъ Малой Азіи разыгралось морское сраженіе. Адмиралъ Спиридовъ, зажегъ бомбами турецкій адмиральскій корабль, но на русскомъ кораблѣ, столкнувшемся съ непріятельскимъ, произошелъ пороховой взрывъ, и оба они погибли. Турецкій флотъ укрылся въ Чесменской гавани, но усиленной стрѣльбой съ Русскихъ судовъ былъ приведенъ въ сильное замѣшательство. Воспользовавшись этимъ, капитанъ Грейгъ пустилъ въ средину турецкихъ кораблей четыре брандера или зажигательныхъ судна, сжегшихъ весь непріятельскій флотъ, за исключеніемъ одного корабля, доставшагося Русскимъ. Такія пораженія склоняли Турцію къ заключенію мира. Но Франція открыто стала поддерживать Турцію и деньгами и людьми, и война затянулась.

Князь Долгоруковъ двинулся въ Крымъ, куда, по выраженію Іоанна Грознаго, мы узнали еще при немъ «путь и полемъ и моремъ», и въ короткое время, въ двѣ недѣли, занялъ этотъ столько стоившій намъ бѣдъ и потерь остатокъ властвовавшей нѣкогда надъ нами татарской орды.

Но Румянцевъ на Дунайскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій не могъ предпринять ничего рѣшительнаго: потому что сильно нуждался въ подкрѣпленіяхъ, а императрица не могла послать ему войскъ, такъ какъ одновременно нужно было воевать въ Польшѣ и подавлять разыгравшійся на Волгѣ Пугачевскій бунтъ.

Пользуясь затрудненіями Россіи, вслѣдствіе Турецкой войны, король Августъ IV занялъ теперь въ Польшѣ независимое положеніе и уже болѣе не поддерживалъ Русскихъ и искалъ себѣ поддержки въ другихъ державахъ. Въ это время, подъ предлогомъ водворенія порядка въ Польшѣ, Прусскій король, нуждавшійся въ округленіи своихъ владѣній, занялъ часть коренной—Великой Польши и Померанію, а Австрія—Галицію. По предложенію Фридриха II, и наша императрица должна была присоединиться къ соглашенію о первомъ раздѣлѣ Польши. По акту этого раздѣла въ 1773 году, императрица не присоединила къ Россіи ни одного клочка искони польскихъ земель, а возсоединила съ Россіей древнее наше достояніе—многострадальную Бѣ-

лоруссію (Полоцкъ, Витебскъ, Могилевъ. Мстиславль, Оршу и Гомель) съ Русскимъ населеніямъ въ 1.600.000.

Но раньше окончанія этого перваго акта въ паденіи Польши, императрицѣ приходилось съ большими трудностями справляться съ чумою и Пугачевскимъ бунтомъ.

Во время неконченной Турецкой войны изъ Молдавіи занесена была чума сперва въ Малороссію, а оттуда, распространяясь

В. М. Долгоруковъ-Крымскій.

къ сѣверу, добралась она въ 1770 году и въ Москву; здѣсь мѣры противъ заразы были поручены назначенному на помощь престарѣлому генералъ-губернатору Салтыкову — генералу Еропкину. Но устройство карантиновъ, отбираніе и сожженіе одежды послѣ умершихъ, погребеніе ихъ съ предохранительными противъ заразы мѣрами, увозъ зачумленныхъ въ больницы, казались темному люду стѣснительными; ихъ же недовольство было доведено до

степени крайняго волненія и возстанія посредствомъ злонамѣренной агитаціи. Въ ней приняли участіе раскольники особенно безпоповскаго Ѳедосѣевскаго толка, основавшіе, въ это время, подъ руководствомъ своего главаря Ильи Ковылина, подъ видомъ благотворительности, Преображенскую богадѣльню, карантинъ и кладбище, гдѣ они умиравшихъ православныхъ совращали въ расколъ, заставляли подписывать духовныя завѣщанія въ пользу раскола и собирали ихъ имущество по Москвѣ въ выморочныхъ домахъ...

Медаль въ память возсоединенія Бѣлоруссіи,

Не теряя ни минуты, немедленно сие исполнить или подъ военной судъ.
Г. Александръ Суворовъ-Рымникской

Отсюда-то преимущественно и пускались тревожные слухи и толки. Простой темный народъ не исполнялъ врачебныхъ требованій: прятали больныхъ, хоронили умершихъ въ погребахъ и садахъ. Толковали, что врачи морятъ больныхъ и даже отравляютъ колодцы. Отъ этого принимаемыя мѣры оставались втунѣ, зараза развивалась еще сильнѣе, и отъ нея уже умирали по нѣскольку сотъ въ день. Въ народѣ распространился слухъ объ исцѣленіяхъ у чудотворной иконы Божіей Матери Боголюбской, у Варварскихъ воротъ.

Сюда стали стекаться огромныя народныя толпы—здоровые съ больными—и дѣлались новыми проводниками заразы. Московскій архіепископъ Амвросій сдѣлалъ распоряженіе пріостановить здѣсь совершеніе молебновъ и на время снять икону. Въ народъ были пущены слухи, что архіепископъ, дѣйствуя за одно съ докторами, лишаетъ его единственной Заступницы. Подъ такими злонамѣренными мыслевнушеніями, въ отсутствіе генералъ-губернатора, уѣхавшаго на нѣсколько дней въ подмосковное имѣніе, мятежная толпа, не встрѣчая препятствій, бросилась къ Чудову монастырю и, не найдя здѣсь архіепископа, уѣхавшаго въ Донской

Суворовъ и Пугачевъ.

монастырь, двинулась за Москву-рѣку, убила его. Генералъ Еропкинъ, собравъ малочисленную, впрочемъ, команду, не далъ однако разростись мятежу: нѣсколькими залпами разсѣялъ скопища. Салтыковъ былъ отставленъ, а для успокоенія Москвы съ чрезвычайными полномочіями прибылъ графъ Г. Г. Орловъ и принятыми мѣрами прекратилъ чуму и успокоилъ волненіе. Слѣдствіе установило участіе въ немъ раскольниковъ.

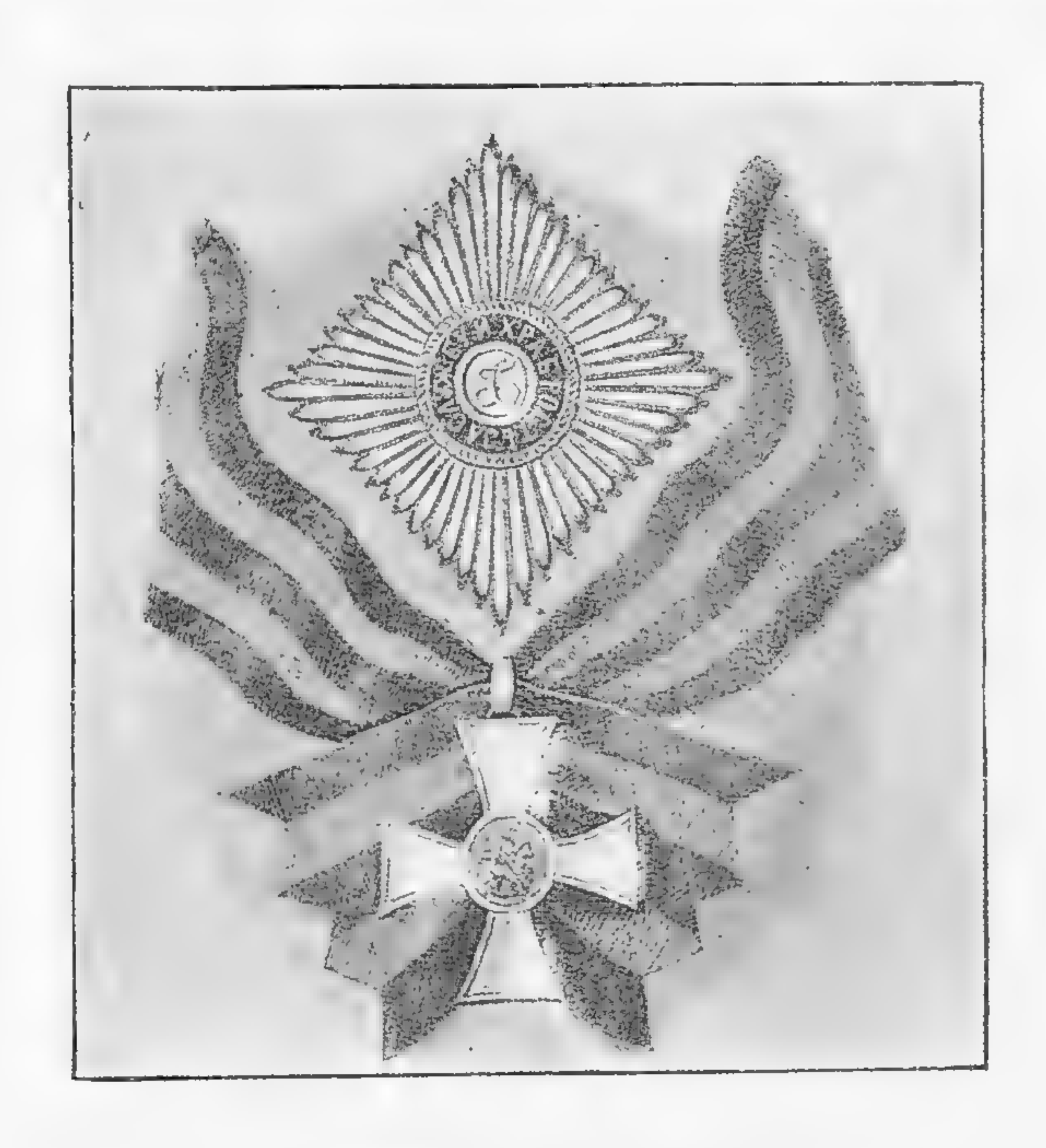
Гораздо труднѣе было справиться съ охватившею Поволжье Пугачевщиной. Со времени высылки сюда изъ Польши Барскихъ конфедетаратовъ, здѣсь, какъ было упомянуто, появлялись и исчезали самозванцы, принимавшіе имя императора Петра Ѳеодоровича. Екатерина не придавала этому значенія, хотя почва отъ того разрыхлялась и дѣлалась зыбкою. Но вотъ на ней появляется

дерзкій и предпріимчивый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, который сперва находилъ поддержку въ разныхъ мѣстахъ (отъ Волги до Вѣтки въ Могилевскомъ краѣ включительно), у раскольниковъ, потомъ у волновавшихся въ ту пору уральскихъ казаковъ, въ поволжской голыдьбѣ, а потомъ и въ крѣпостныхъ крестьянахъ. Раскольниковъ онъ сулилъ пожаловать бородой и двуперстнымъ крестомъ, крестьянъ землей и волей, а выбитую изъ рабочей колеи голыдьбу привязывалъ къ себѣ награбленной добычей.

Уральскіе казаки, несшіе совмѣстно съ солдатами гарнизонную службу, по крѣпостямъ на Оренбургской военной линіи, недовольные своимъ положеніемъ, оказывали неповиновеніе, какъ напр. въ дѣлѣ возвращенія ушедшихъ съ Урала къ китайскимъ владѣніямъ калмыковъ (въ числѣ 30,000 кибитокъ); при наказаніяхъ за это, убили даже генерала и начали мятежное движеніе. Оно было усмирено силою, но не было искоренено въ самомъ ихъ настроеніи. При такихъ условіяхъ, сюда-то явился Емелька Пугачевъ, чтобы уговорить уральскихъ казаковъ уйти на Кубань. Войсковое начальство схватило смутьяна и отправило въ Казань, но здѣсь раскольники устроили ему побѣгъ и укрывали его на разныхъ хуторахъ.

Чрезъ нѣкоторое время, окруженный шайкой въ 300 человѣкъ, выступилъ онъ на Волгѣ открыто и, провозгласивъ себя Петромъ Ш, двинулся сперва на Уралъ. Быстро стала развертываться картина временъ Разинскаго бунта. Посылаемые противъ него казачьи отряды переходили на сторону Пугачева. Укрѣпленные городки по Оренбургской линіи измѣннически открывали ему свои ворота; его встрѣчали тамъ хлѣбомъ—солью и колокольнымъ звономъ. Вѣрные правительству люди предавались казнямъ. Мятежныя шайки росли, какъ комъ катящагося съ горы снѣга; къ нимъ примыкали жаждавшіе грабежа бѣглые каторжники, крестьяне и отбившіеся отъ труда рабочіе. Нерасполагавшее войсками правительство не имѣло средствъ остановить сразу мятежное движеніе, и его дерзость возрастала со дня на день. Взманиваемые несбыточными обѣщаніями земли и воли крестьяне жгли и разоряли помѣщичьи усадьбы. Но противъ мятежниковъ началъ энергически дѣйствовать назначенный въ Казань А. И. Бибиковъ. Сюда стали стекаться дворяне, купцы и чиновники; началъ исчезать упадокъ духа, дворянство на свой счетъ снаряжало вооруженные отряды. Разбитый нѣсколько разъ на Волгѣ Пу-

гачевъ опять скрылся было въ Уральскихъ степяхъ. Но Бибиковъ отъ чрезмѣрнаго напряженія внезапно умеръ, и крамола опять и выше подняла голову. Пугачевъ взялъ и сжегъ Казань. Изгнанный изъ ея кремля Михельсономъ онъ бѣжалъ за Волгу, но потухавшій мятежъ снова и ярче вспыхивалъ. Переправившись на правый берегъ Волги, Пугачевъ взялъ Цивильскъ, захватилъ Саранскъ и Пензу, измѣнники сдали ему Саратовъ. Спустившись внизъ по Волгѣ, онъ подступилъ къ Царицыну, но, преслѣдуемый Михельсономъ, бѣжалъ въ степи, куда погнался за нимъ вызванный

Георгіевскій орденъ Суворова.

съ войны Суворовъ. Окруженный войсками Пугачевъ былъ выданъ своими сообщниками, посаженъ въ желѣзную клѣтку и въ 1775 году былъ казненъ въ Москвѣ, въ которой предъ тѣмъ уже понемногу волновалась чернь...

За годъ до этого окончена была первая турецкая война. Пока приходилось управляться съ пугачевщиной и вести борьбу въ Польшѣ, военныя дѣйствія на Дунаѣ затормозились, но когда прибыли подкрѣпленія, графъ Каменскій разбилъ турокъ у Козлуджи, Суворовъ взялъ Туртукай, а Румянцевъ, перешедши

Дунай, двинулся къ Шумлѣ. Все это такъ подѣйствовало на турокъ, что они прислали къ Румянцеву своихъ уполномоченныхъ, и 20 іюня 1774 года въ деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи заключили миръ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Россія пріобрѣтаетъ Азовъ, Керчь, Енпкале, Кинбурнъ, со всею степью у Чернаго моря между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ; 2) всѣ татары (крымскіе, буджакскіе и кубанскіе) признаются независимыми отъ Турціи; 3) Русскимъ судамъ открывается свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное, чрезъ Босфоръ и Дарданеллы; 4) дается прощеніе всѣмъ христіанамъ возставшимъ противъ турокъ, а Русскимъ посланникамъ предоставляется право защищать жителей Молдавіи и Валахіи и всѣхъ христіанъ отъ притѣсненій въ Турціи.

Императрица торжественно отпраздновала въ Москвѣ заключеніе съ Турціей такого выгоднаго мира, добытаго при очень тяже-

Визитная карточка Румянцева.

лыхъ для России обстоятельствахъ и осыпала наградами своихъ полководцевъ, достигшихъ большихъ успѣховъ при скудныхъ средствахъ. Румянцевъ получилъ наименованіе Задунайскаго, Алексѣй Орловъ—Чесменскаго, Долгоруковъ—Крымскаго. Особенно щедро былъ награжденъ Румянцевъ: императрица пожаловала ему фельдмаршалскій жезлъ, осыпанный алмазами, шпагу съ бриллiантами, лавровый вѣнокъ и масличную вѣтвь съ алмазами за заключеніе мира, земли въ Бѣлоруссіи, деньги на покупку дома и проч.

Преодолѣвъ столь тяжелыя трудности, Русская императрица со второй половины семидесятыхъ годовъ уже далѣе и смѣлѣе развиваетъ нашу національную политику. Продолжая работать надъ разрѣшеніемъ ближайшихъ практическихъ задачъ нашихъ

относительно добыванія для Россіи отъ Турціи надежныхъ границъ на югѣ у Чернаго моря и надъ обезпеченіемъ возвращенныхъ отъ Польши Русскихъ областей на Западѣ, она мощно начинаетъ вліять на рѣшеніе общеевропейскихъ и даже міровыхъ задачъ. Но и эти выступленія ея, хотя она и не прочь была, слѣдуя модѣ космополитическаго XVIII вѣка, поговорить «о блаженствѣ всего человѣческаго рода», имѣютъ чисто національную под-

Графъ П. И. Панинъ.

кладку, а вовсе не чужіе интересы, не «аккорды государствъ», какъ тогда выражались, сѣверной или южной Европы. Настойчивое поддерживаніе польскаго вопроса до его окончательнаго рѣшенія, возбужденіе вопроса о раздѣлѣ турецкихъ владѣній, изгнаніе изъ Европы турокъ и возстановленіе греческой Имперіи на развалинахъ Оттоманской порты, о чемъ такъ много думала Екатерина II, конечно, истекали не изъ космополитическихъ, а изъ ея националистическихъ воззрѣній на историческую миссію

Россіи. Но и такія международныя предпріятія императрицы, какъ созданіе «вооруженнаго нейтралитета» противъ Англіи, помогшаго ея колонистамъ въ Сѣверной Америкѣ освободиться отъ англійскаго владычества болѣе, чѣмъ непосредственное участіе Франціи въ американской войнѣ, а также рѣшеніе Екатерины принять военное участіе въ коалиціи противъ революціонной Франціи вызывались совсѣмъ не требованіями международнаго права и не идеями гуманизма XVIII вѣка, а положительными практическими Русскими интересами; но будемъ говорить по порядку.

Для Екатерины II освобожденіе Крымскихъ татаръ, по Ку-

Медаль въ честь В. К. Константина Павловича.

чукъ-Кайнарджійскому миру, отъ зависимости отъ Турціи, было лишь шагомъ къ его присоединенію къ Россіи. Вѣдь, этотъ, выростившій голову, остатокъ монгольскаго змѣя Горынича, пораженнаго въ Казани и Астрахани царемъ Іоанномъ IV, не долженъ же былъ продолжать жалить Россію въ ея пяту и во второй половинѣ XVIII вѣка. И талантливому Потемкину не слѣдовало много расточать словъ предъ быстро и далеко впередъ соображавшей Екатериной, что Крымъ неминуемо долженъ быть присоединенъ къ Россіи.

Въ этомъ гнѣздѣ боролись въ ту пору двѣ партіи—Русская и турецкая, которыя свергали хановъ, вызывали междоусобія и

постоянно поддерживали взаимное раздраженіе Турціи и Россіи. Екатерина рѣшила скорѣе покончить крымскій вопросъ, присоединивъ этотъ полуостровъ къ Россіи, не подъ татарскимъ, магометанскимъ наименованіемъ, а подъ древне-эллинскимъ—Тавриды и одновременно стала готовиться къ новой войнѣ съ Турціей, къ болѣе обширной, чѣмъ первая, и болѣе знаменательной, чѣмъ всѣ прежнія наши войны съ Турціей. Она придала ей значеніе важнаго

Медаль въ память присоединенія Новороссіи и Крыма.

шага въ глубокомъ рѣшеніи восточнаго вопроса, которое въ ея умѣ приняло видъ такъ называемаго греческаго проэкта, къ которому должны быть привлечены чуть не всѣ державы Европы, по крайней мѣрѣ южной и средней. Если война будетъ удачной, турки должны быть изгнаны изъ Европы и возстановлена Греческая Имперія, съ столицею Константинополемъ, и на греческій престолъ возводится Русскій великій князь Константинъ Павловичъ, съ условіемъ отреченія отъ правъ на Русскій престолъ. Австрія получаетъ Сербію, Боснію и Герцоговину. Дру-

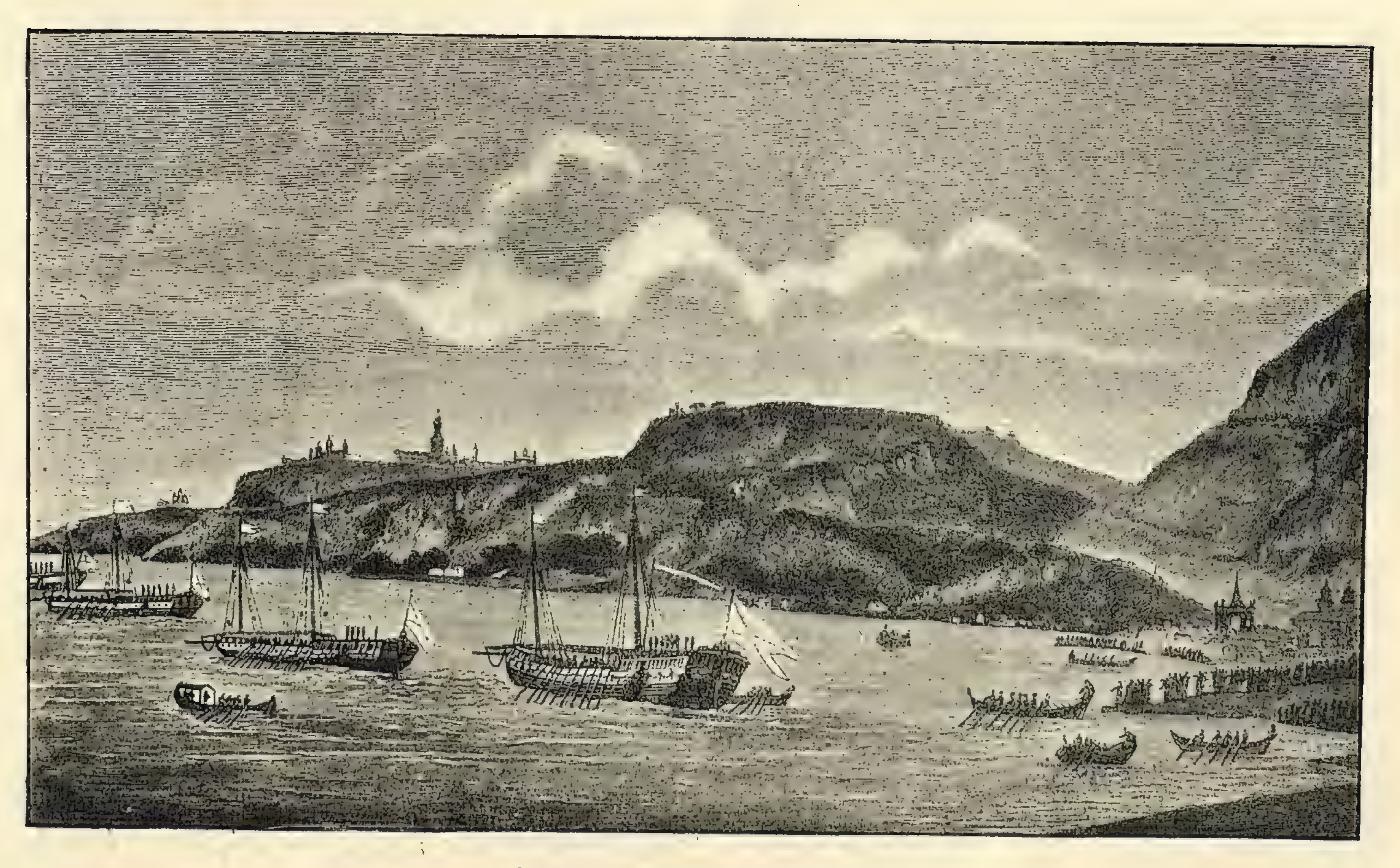
гимъ державамъ предполагалось дать другія турецкія владѣнія. Но этотъ проэктъ стоялъ лишь въ далекой перспективѣ.

Екатерина II заключила союзъ для войны съ Турціей съ императоромъ Іосифомъ II, желавшимъ присоединить къ Австріи Баварію.

Между тѣмъ, въ Крыму борьба партій ожесточалась. Шагинъ-Гирей съ приверженцами Россіи, съ ея помощью, взялъ верхъ надъ сторонникомъ Турціи Дивлетъ-Гиреемъ. Но когда первый сталъ вводить въ Крыму реформы по европейскому образцу, противъ него магометанскіе муллы подняли сильное движеніе. Будучи не въ силахъ справиться со смутою, онъ отказался отъ ханства и переѣхалъ на житье въ Россію, а наши войска въ 1783 году безъ сопротивленія заняли Крымъ. Турція недовольная этимъ должна была однако признать совершившійся фактъ, но помириться съ нимъ она не могла.

Отданный въ управленіе Потемкина, назначеннаго генералъ-губернаторомъ Тавриды и Новороссіи, край этотъ чрезвычайно быстро сталъ неузнаваемъ. Сюда были двинуты переселенцы изъ Россіи и колонисты изъ Греціи, Славянскихъ земель и Германіи; насаждалось скотоводство, овцеводство, земледѣліе, винодѣліе, шелководство; строились новые города: Николаевъ съ верфью и крѣпостью, Херсонъ тоже съ крѣпостью и казармами для войскъ, Екатеринославъ, долженствовавшій стать главнымъ городомъ края. На всѣхъ верфяхъ быстро началась постройка кораблей, и въ недолгое время созданъ былъ Черноморскій флотъ, главною стоянкою котораго сдѣлался Севастополь. Всюду, особенно въ портовыхъ городахъ, закипѣла торговля. Запорожская сѣчь «вольныхъ казаковъ» была занята войсками, а часть запорожцевъ была поселена на Кубани, другая-же ушла въ Турцію.

Чтобы двинуть впередъ устройство присоединенныхъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ поднять ихъ жизнь, императрица въ 1787 году, съ особою торжественностью, сама совершила путешествіе въ Новороссію и Крымъ. Окруженная огромной свитой, въ сопровожденіи иностранныхъ пословъ, Императрица чрезъ Бѣлоруссію отправилась въ Кіевъ, гдѣ прожила два мѣсяца. Вездѣ устраивались ей торжественныя встрѣчи и праздники. Изъ Кіева на богато разукрашенныхъ галерахъ она стала спускаться по Днѣпру. Въ Каневѣ привѣтствовалъ ее король польскій Станиславъ Понятовскій. Въ Кременчугѣ устроены были большіе маневры, около Херсона ожидалъ ее союзникъ императоръ

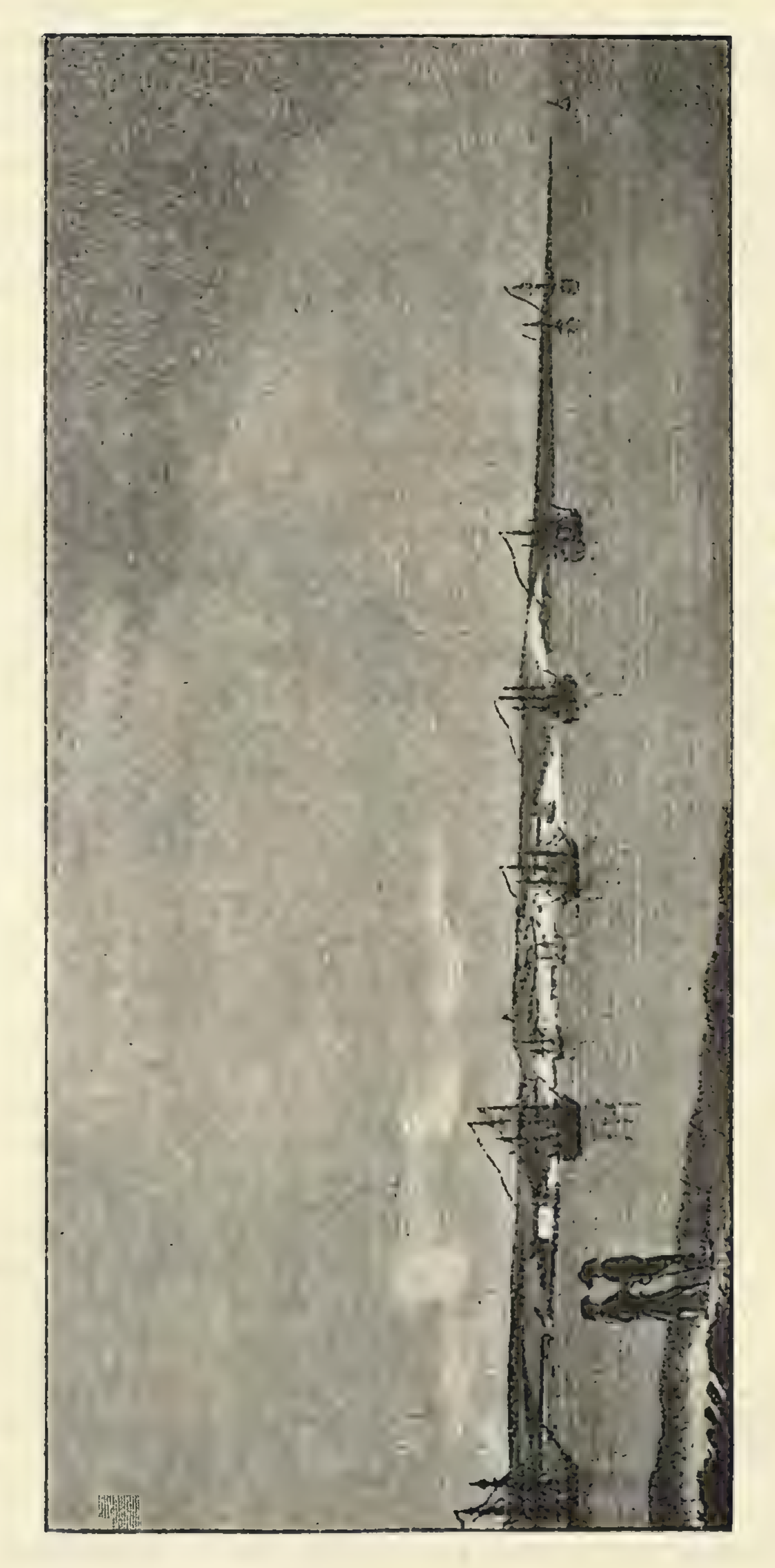

Путешествіе Императрицы по Днѣпру.

Іосифъ II, въ Херсонѣ императрица смотрѣла спускъ новопостроенныхъ военныхъ кораблей и фрегатовъ. Послѣ остановки въ столицѣ крымскихъ хановъ Бахчисараѣ, Екатерина встрѣчена была въ Севастополѣ оглушительнымъ салютомъ новосозданнаго Черноморскаго флота въ 25 военныхъ судовъ. Чрезвычайно порадовавшись этому поразившему иностранцевъ созданію ея царствованія, Екатерина, чрезъ Полтаву, около которой устроены были маневры, изображавшіе битву Петра Великаго со шведами, возвратилась въ Петербургъ. Намѣстникъ и устроитель новаго края Потемкинъ, осыпанный разными наградами, получилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго....

Но все это только надвигало на насъ новую войну съ Турціей, которую стала поддерживать Англія, крайне недовольная Екатериной за то, что она созданнымъ ею вооруженнымъ нейтралитетомъ, содѣйствовала освобожденію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ отъ англійскаго владычества (за такую же поддержку Англія мстила и Франція тайнымъ участіемъ въ ея революціи).

Чтобы истощить Соединенные Штаты полнымъ прекращеніемъ ихъ морской торговли, Англія при посредствѣ своихъ каперскихъ и крейсерскихъ судовъ, задерживала и осматривала всѣ торговыя суда и не-воюющихъ государствъ, для удостовѣренія, не идутъ ли они въ Америку и не везутъ ли туда военной контрабанды. Это лишало Сѣверную Америку денежныхъ средствъ для веденія войны, да и прекращало морскую торговлю всѣхъ державъ, монополизируя ее въ рукахъ Англіи. Императрица Екатерина для защиты интересовъ не-воюющихъ державъ, да и вообще справедливости велѣла графу Н. И. Панину организовать вооруженный нейтралитетъ непринимавшихъ участія въ войнѣ государствъ, на основаніи деклараціи (1780 года), по коей допускается торговля нейтральныхъ государствъ на берегахъ и въ гаваняхъ воюющихъ державъ, буде они не находятся въ дѣйствительной блокадѣ, а не объявлены только блокируемыми; на нейтральныхъ судахъ нейтраленъ и ихъ грузъ; военной контрабандой считаются оружіе и военные припасы, но таковою не признаются даже съѣстные припасы, доставляемые воюющимъ. Къ этому союзу примкнули Данія, Швеція, Пруссія и Германская имперія, но важную по морской торговлѣ Голландію Англія отвлекла отъ вооруженнаго нейтралитета, внезапно объявивъ ей войну и сдѣлала ее изъ нейтральной державы воюющею. Не смотря на это, мѣткая мѣра Екатерины сильно ослабила Англію, въ ея доходахъ, от-

Черноморскій флотъ въ Севастопольской гавани.

крыла Сѣверной Америкѣ денежные ресурсы для веденія войны съ Англіей и такимъ образомъ принудила послѣднюю признать независимость Соединенныхъ Штатовъ. Вотъ почему Англія враждебно относилась къ императрицѣ и желала потерянное въ Америкѣ наверстать на востокѣ Стараго Свѣта, куда двигалась теперь Россія.

Не трудно было раздраженную предшествующими потерями Турцію втравить въ войну съ Россіею... Порта потребовала отъ Россіи, чтобы она выдала преданнаго Россіи Молдавскаго господаря, признала отдавшагося подъ покровительство Россіи (въ 1783 году) Грузинскаго царя Гераклія II подданнымъ Турціи, допустила осмотръ Русскихъ судовъ, идущихъ изъ Чернаго моря чрезъ проливы. Русскій посолъ Булгаковъ отвѣчалъ на это смѣлымъ отказомъ и былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ. Началась новая война съ Турціей (1787—1791).

И эта война застала Россію въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Швеція, подстрекаемая Англіей, задумала силою возвратить отъ насъ завоеванія Петра I въ Финляндіи. Пруссія, перемѣнивъ фронтъ, стала дѣйствовать противъ насъ въ Польшѣ. Новый Черноморскій флотъ потерпѣлъ отъ бури крушеніе. Потемкинъ впалъ въ уныніе и просилъ себѣ отставки. Но императрица убѣждала его ободриться и подумать, что «добрый духъ и неудачу поправить можетъ».

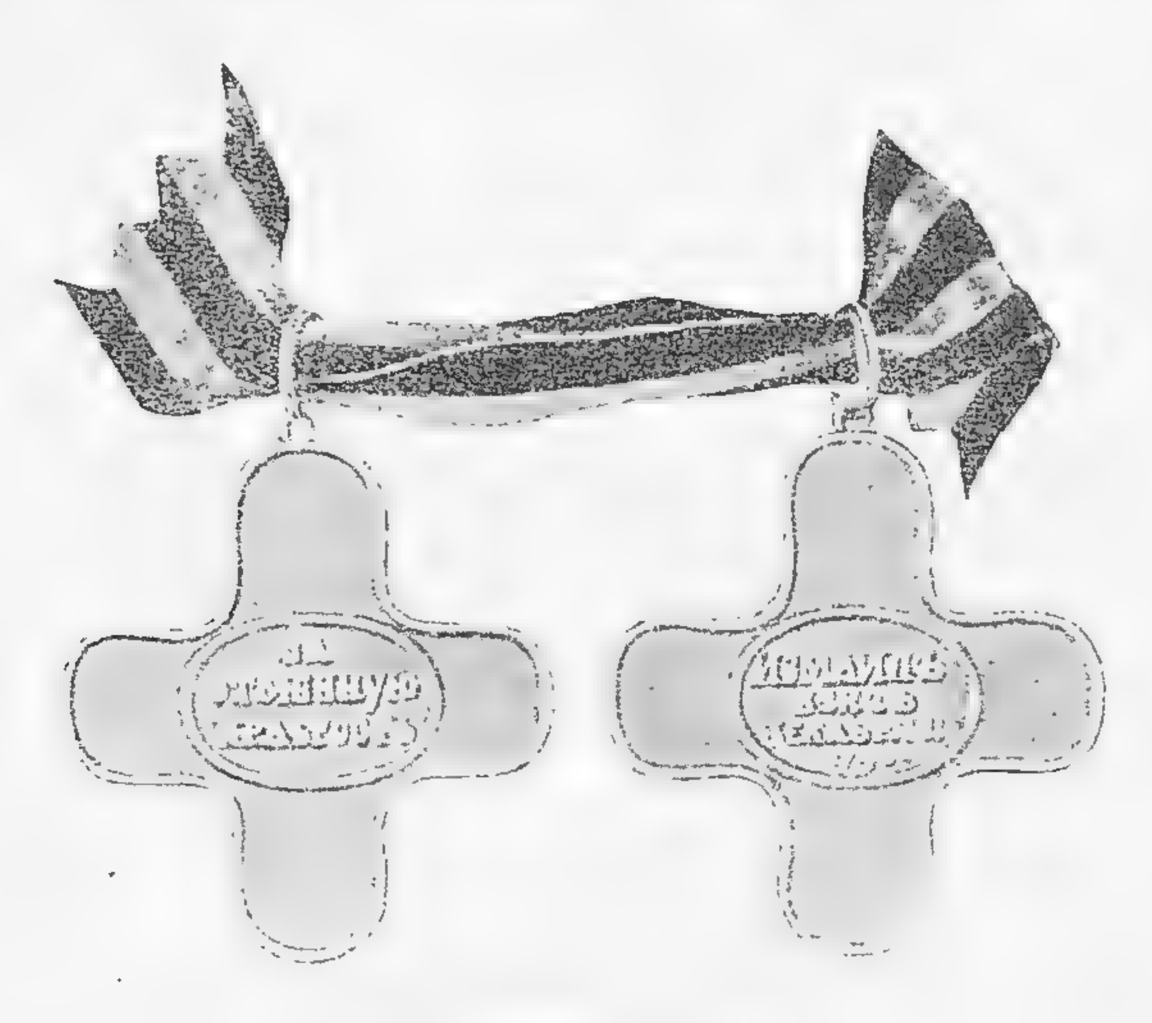
Однако при всѣхъ тяжелыхъ условіяхъ геніальный Суворов порадовалъ Царицу и Россію блистательнѣйшими своими побѣдами. Первое пораженіе онъ нанесъ туркамъ при Кинбурнѣ, который, послѣ гибели Черноморскаго флота, осадили они, съ моря и суши. Окураженный этимъ Потемкинъ сталъ строить новыя суда, которыя скоро заставили удалиться турецкій флотъ отъ Очакова. Эта сильная крѣпость подвергнута была Потемкинымъ пятимѣсячной осадѣ. Но Суворовъ, предлагавшій ее сразу взять приступомъ, овладѣлъ ею, послѣ напрасной осады, штурмомъ. Въ 1789 году Суворовъ, соединившись съ храбрымъ австрійскимъ генераломъ принцемъ Кобургскимъ, одержалъ въ Валахіи двѣ новыхъ побѣды при Фокшанахъ и рѣчкѣ Рымникѣ. Въ послѣдней битвѣ у союзниковъ было только 25 тысячъ солдатъ, а у великаго визиря 100 тысячъ. Эта побѣда Русскаго полководца удивила всю Европу, и Екатерина дала за нее Суворову титулъ графа Рымникскаго. Въ видѣ заключительнаго аккорда Русскихъ побѣдъ, какъ громомъ, поразилъ всѣхъ Суворовъ взятіемъ страшнѣйшимъ штурмомъ неприступной крѣпости Измаила. Сила

Рымникское сраженіе. Съ современной гравюры.

этихъ невѣроятныхъ побѣдъ, послѣ уже смерти Потемкиня, дала возможность Екатеринѣ заключить въ концѣ 1791 года миръ съ Турціей въ Яссахъ, по которому послѣдняя навсегда отказалась въ нашу пользу отъ Крыма и уступила намъ земли между Бугомъ и Днѣстромъ съ крѣпостью Очаковымъ. Императрицѣ пришлось отказаться отъ осуществленія греческаго проэкта, но она закрѣпила за Россіей обладаніе сѣверными берегами Чернаго моря.

За годъ до этого Верельскій миръ окончилъ войну со Швеціей, начатую по внушенію Англіи Густавомъ III. Онъ, какъ было сказано, требовалъ отъ Россіи возвращенія земель завоеванныхъ Петромъ и грозилъ двинуться на Петербургъ, но

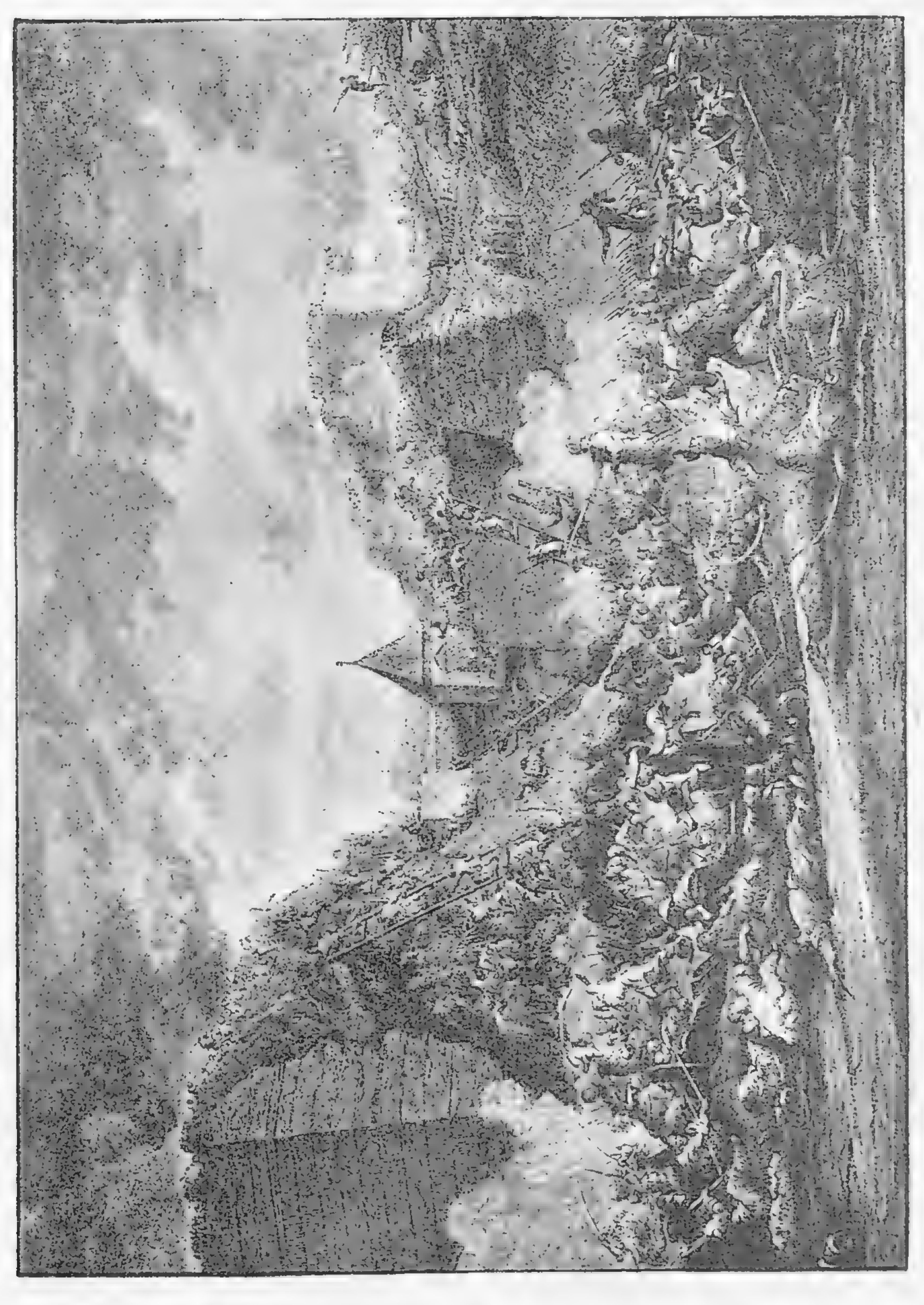
За штурмъ Измаила.

она велѣла передать ему, что, «если бы онъ даже овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, она и тогда бы показала ему, что можетъ сдѣлать во главѣ храбраго народа Русская Императрица». Всѣ дѣйствія шведовъ, какъ сухопутныя въ Финляндіи, такъ и морскія въ Финскомъ заливѣ, даже у Петергофа, были совсѣмъ безуспѣшны, и Густавъ долженъ былъ остаться при прежнихъ своихъ границахъ.

Теперь очередь перейти къ послѣднимъ актамъ въ Польской исторіи, ко второму и третьему раздѣламъ Польскаго королевства.

Первый раздѣлъ произвелъ среди патріотовъ въ Польшѣ вспышку государственнаго смысла, оказавшуюся планомъ пре-

образованій, направленныхъ къ укрѣпленію королевской власти и ограниченію вольностей сеймовыхъ и конфедератскихъ. Пользуясь тѣмъ, что Екатерина была поглощена турецкой и швед-

Штурмъ Очакова.

ской войнами и ослабила враждебное отношеніе къ Польшѣ, партія патріотовъ, руководимая Игнатіемъ Потоцкимъ, Малаховскимъ и Колонтаемъ, привлекла на свою сторону Станис-

лава Понятовскаго, вступила въ союзъ съ прусскимъ королемъ, теперь враждовавшимъ съ Россіей за ея союзъ съ Австріей и въ 1788 году внесла на сеймъ проэктъ серіозныхъ преобразованій Польши. Патріоты склонили сеймъ не расходиться, пока не будутъ приняты предначертанныя реформы.

Сущность ихъ сводилась къ слѣдующему. Избирательность престола, расшатывавшая королевскую власть, отмѣнялась, и онъ, по смерти бездѣтнаго Станислава Августа IV, объявлялся наслѣдственнымъ въ домѣ курфирста Саксонскаго. Усиленная исполнительная власть отдавалась королю и его министрамъ. Единогласіе сеймовыхъ рѣшеній съ выкриками: «не позволямъ (liberum veto)» отмѣнялось и замѣнялось рѣшеніемъ по большинству голосовъ. Учреждалось постоянное войско, и уничтожались вооруженные союзы (конфедераціи). Такое сокращеніе вольностей въ пользу усиленія общегосударственнаго начала, извѣстное подъ именемъ конституціи 3-го мая 1791 года, вызвало сильное неудовольствіе въ полякахъ, стоявшихъ за прежнее «безнарядье» и утверждавшихъ, будто Польша только и жива безпорядкомъ. Приверженцы старой конституціи, съ Феликсомъ Потоцкимъ, Браницкимъ и Ржевусскимъ во главѣ, организовали Тарговицкую конфедерацію для ниспроверженія новаго порядка и обратились за поддержкой къ Екатеринѣ II, какъ поручительницѣ за старо-польскій строй, въ виду того, что конституція 3-го мая введена была безъ соглашенія съ Россіей, Екатерина исполнила просьбу конфедератовъ и послала въ Польшу свое стотысячное войско имъ на помощь.

Патріотическая же партія обратилась за помощью къ своему союзнику Прусскому королю, но тотъ, сблизившись съ Австріей и ища союза съ Россіей, въ виду предстоявшей борьбы съ революціонной Франціей, не только отказался отъ помощи полякамъ, но и, желая отрѣзать себѣ отъ Польши еще другія земли, предложилъ ея сосѣдямъ новый раздѣлъ королевства. Австрія поспѣшила изъявить на это свое согласіе.

Польское войско, посланное противъ Русской арміи, подъ начальствомъ племянника короля—Іосифа Понятовскаго и Ѳаддея Костюшки было разбито. Православное Русское населеніе Польши съ радостью встрѣчало Русскихъ, и многія города сдавались имъ безъ всякаго сопротивленія. По приказанію Екатерины, Станиславъ Понятовскій призналъ законность Тарговицкой конфедераціи и присоединился къ ней; польское правительственное

войско было распущено; Русскія войска подъ начальствомъ генерала Игельстрома заняли Варшаву; конституціоналисты 3 мая съ Костюшкой во главѣ эмигрировали въ Саксонію. Тогда и Прусскій король, что было особенно больно полякамъ, двинулъ свои войска въ Великую Польшу и занялъ города Познань,

Аллегорическое изображеніе раздѣла Польши.

Данцигъ, Торнъ, Ченстохово, Калишъ и друг. На основаніи состоявшагося въ 1793 году соглашенія трехъ державъ, послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, при чемъ Россія опять получила только Русскія земли: Волынскую, Подольскую и Минскую области, а Пруссія взяла себѣ исконно польскія земли, занятыя ея войсками.

Въ Гродну былъ созванъ сеймъ для признанія совершившагося факта. Прибыли сюда и король Польскій и уполномоченный Русской императрицы графъ Сиверсъ. Сеймъ безъ раздраженія согласился на передачу Россіи упомянутыхъ земель. Но уступка Пруссіи коренныхъ польскихъ земель, въ виду ея коварнаго образа дѣйствій, вызывала въ полякахъ жгучее негодованіе. «Россія, говорили сеймовые послы, въ правѣ быть на насъ въ гнѣвѣ: мы нарушили договоръ съ нею, мы не разъ ее оскорбляли; но Пруссія сама побудила насъ къ перевороту 3 мая и заключила съ нами союзъ, а теперь объявляетъ, что этотъ переворотъ совершенъ якобинцами, и ввела въ наши земли свои войска»...

Другіе депутаты говорили: «Москва происходитъ отъ одного съ нами племени и мало разнится по обычаямъ, но съ Пруссіей мы никогда не сойдемся: пока свѣтъ стоитъ, нѣмецъ не будетъ поляку братомъ». Не подѣйствовали на сеймъ и угрозы со стороны прусскаго уполномоченнаго войною: онъ упорно отказывался отъ уступокъ Пруссіи. Тогда Сиверсъ окружилъ войсками зданіе, гдѣ собирался сеймъ, и объявилъ, что депутаты не будутъ выпущены изъ залы, пока не удовлетворятъ требованій Пруссіи. И вотъ король и всѣ депутаты рѣшили отмолчаться и какъ бы застывъ въ своемъ протестующемъ безмолвіи, просидѣли всю ночь до трехъ часовъ утра. Тогда только сеймовый маршалъ, согласно обычаю, три раза спросилъ депутатовъ, согласны ли они подписать уступки Пруссіи. Но депутаты отвѣтили и на это молчаніемъ. «Молчаніе—знакъ согласія», сказалъ маршалъ. «Договоръ съ Пруссіей принятъ единогласно». Послѣ того депутаты, заявивъ протестъ противъ этого, со слезами на глазахъ вышли изъ залы засѣданія. Конституція 3-го мая была отмѣнена, и было возстановлено дѣйствіе прежней.

Съ этого времени вся Польша, по примѣру революціонной Франціи, покрылась тайными обществами на подобіе якобинскихъ клубовъ. Во главѣ этого движенія стали Игнатій Потоцкій, Коллонтай и Костюшко. Организація стала быстро подготовлять возстаніе, которое должно было открыться внезапно общей рѣзней Русскихъ войскъ, на подобіе Варѳоломеевской ночи. Вспыхнуло возстаніе одновременно въ Краковѣ, Вильнѣ и Варшавѣ. Въ послѣдней Русское войско было захвачено врасплохъ и сквозь узкія улицы, занятыя повстанцами и варшавскимъ гарнизономъ, должно

было пробиваться, при чемъ погибло 2000 Русскихъ солдатъ; остальные же съ генераломъ Игельстромомъ едва спаслись.

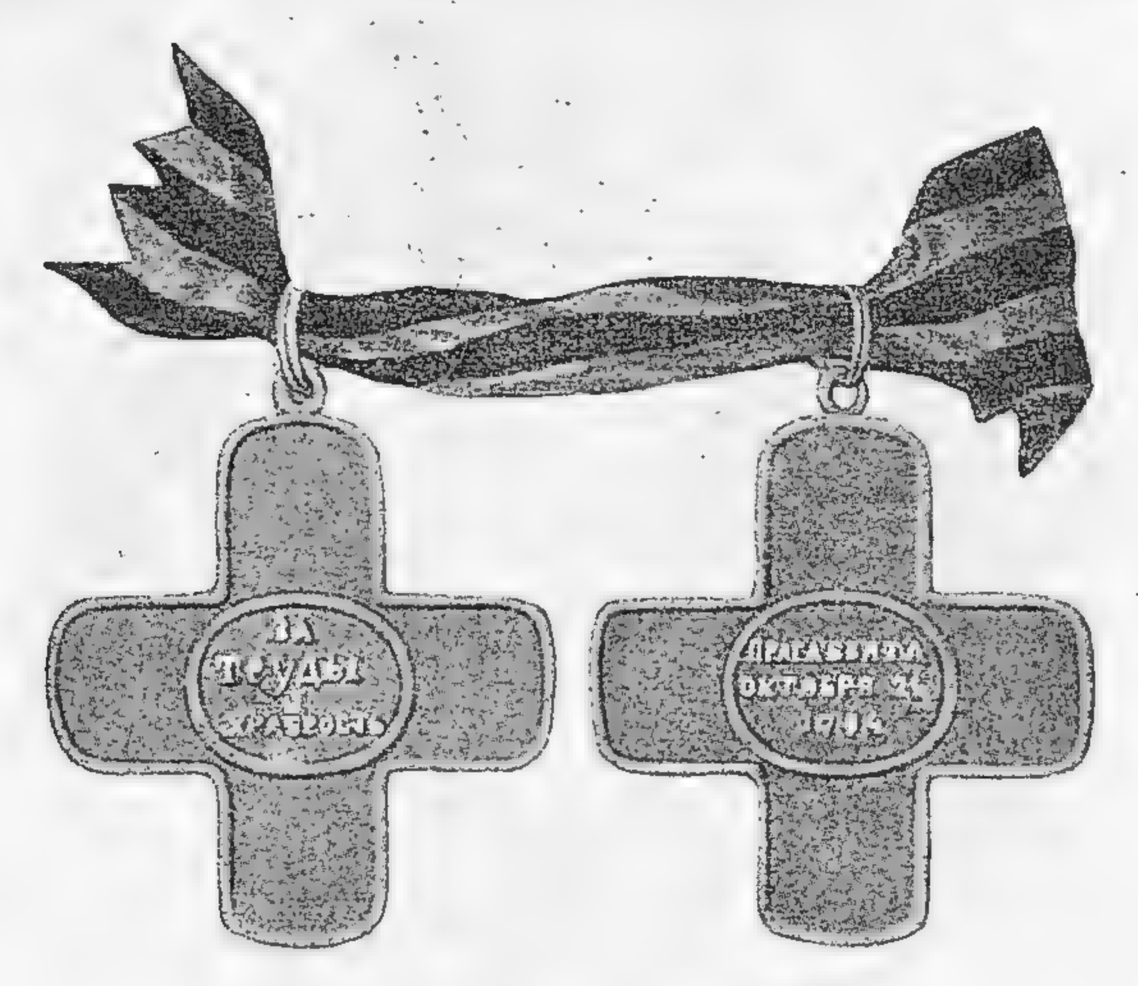
Тайное правительство провозгласило Костюшко диктаторомъ Польши. Но руководимое имъ возстаніе не было поддержано низшими слоями народа, угнетаемыми шляхтой. Императрица Екатерина II двинула въ Польшу сильное войско подъ начальствомъ Ферзена, а король Прусскій осадилъ Варшаву. Литва

Өаддѣй Костюшко.

была занята Русскими, а Краковъ Пруссаками. Поляки терпѣли неудачи, но Прусскій король долженъ былъ уйти отъ Варшавы, такъ какъ началось возстаніе въ польскихъ земляхъ, присоединенныхъ къ Пруссіи. Тогда Императрица отправила въ Польшу своего Суворова, которому приказано было, по соединеніи съ Ферзеномъ, идти на Варшаву. Предупреждая это соединеніе, Костюшко напалъ въ 1794 году на Русскихъ при деревнѣ

Мацiовицахъ, но былъ разбитъ Ферзеномъ, раненый бѣжалъ и увязъ въ болотѣ, гдѣ былъ настигнутъ казаками и, какъ плѣнникъ, отдавая шпагу, будто сказалъ: «finis Polonie (конецъ Польши)». Сказалъ ли онъ эти слова, или нѣтъ, но конецъ Польши наступалъ съ неотвратимой быстротой. Суворовъ взялъ штурмомъ Прагу, предмѣстье Варшавы, а эта столица сдалась ему безъ сопротивленiя. Станиславъ Понятовскiй отрекся отъ польской короны и удалился на жительство въ Россiю. Послѣдовалъ третiй раздѣлъ Польши въ 1795 году, положившiй конецъ ея существованiю, какъ государства. Пруссiя и Австрiя взяли себѣ коренныя польскiя земли: первая Мазовiю съ Варшавой, а вторая—колыбель Польши—Краковскую область и ея глав-

За штурмъ Праги.

ную столицу и земли Сендомирскую и Люблинскую. Россiи и на этотъ разъ достались не-польскiя земли—Литва и Курляндiя....

Оставался одинъ послѣднiй годъ блестящей эпохи Екатерины II. Она видимо старѣлась и физически дряхлѣла, но съ прежней энергiей и зоркостью занималась дѣлами своего Русскаго Царства.

Ее озабочивали двѣ войны: одна, которую уже велъ, по ея указанiю Валерiанъ Зубовъ, съ Персiей, желавшей завладѣть Грузiей, и другая, которую долженъ былъ вести самый мощный изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ — Суворовъ. Война эта, вмѣстѣ съ коалицiей державъ, направляема была противъ двухлѣтней въ то время Французской республики, обагрившей себя въ первый же годъ своего существованiя кровью своего монарха—добродушнѣйшаго Людовика XVI.

Чрезвычайно любопытно въ заключеніе нашихъ чтеній всмотрѣться въ отношенія Императрицы Екатерины II къ французской революціи.

У насъ не мало историковъ, чуждумныхъ, впрочемъ, кои никакъ не могутъ себѣ объяснить, почему императрица Екатерина готовилась къ энергической борьбѣ съ французской революціей, когда она такъ близко знакома была даже лично съ тѣми писателями своего времени, которые своими идеями и под-

Суворовъ-Рымникскій.

готовляли эту революцію. Имъ кажется она непослѣдовательной и самопротиворѣчивой ученицей «властителей думъ» XVIII вѣка. Но они ошибаются, что стоявшая едва ли не цѣлою головою выше своихъ современниковъ Императрица обязана была по гробъ свой остаться чьей бы то ни было ученицей. Ея комплименты и даже пенсіи такимъ писателямъ, какъ Вольтеръ, Дидро и друг. казались имъ въ Екатеринѣ признаками будто безграничнаго и неизмѣннаго обожанія этихъ кумировъ. Но они не замѣчаютъ

ѣдкой ироніи надъ ними, когда они хотѣли своими совѣтами вставить ей очки и заставить чрезъ нихъ смотрѣть на историческія задачи Русскаго государства и Русскаго народа. Напрасно думаютъ, что Екатерина и въ молодости своей могла поработить свой критическій умъ авторитету современныхъ писателей; вѣдь, своими любезностями и своими подарками, она дѣлала ихъ орудіями не только своей славы, а и политики, чего они, впрочемъ, не замѣчали.....

Чѣмъ больше зрѣлъ умъ Екатерины, чѣмъ глубже проникалась она Русской исторической идеей, тѣмъ дальше становилась отъ тенденцій этихъ писателей. Она морщилась на нихъ, когда идеи «Общественнаго договора», вносились въ Американскую конституцію и довольно отрицательно относилась къ американцу Франклину, съ которымъ нянчились при французскомъ королевскомъ дворѣ, не подозрѣвая готовившейся революціи.....

Приложеніе же къ практикѣ идей XVIII вѣка въ первой французской революціи, начиная съ національнаго собранія 1789 года до временъ конвента, съ господствомъ Робеспьера Дантона и Марата, съ ихъ терроризмомъ, не могло, конечно, поднять въ глазахъ императрицы авторитетъ всего этого движенія, какъ въ литературно-идейной сторонѣ, такъ и въ практическомъ примѣненіи... Чуткое же и зоркое наблюденіе совершавшихся на ея глазахъ революціонныхъ явленій для Екатерины не было созерцаніемъ издалека, нѣтъ: она видѣла подражательныя революціонныя конвульсіи уже у порога своего дома, въ якобинствѣ Польши предъ послѣднимъ актомъ ея паденія. Чего же хотятъ отъ Екатерины теоретики философіи исторіи? Не того ли, чтобы умная императрица въ разгаръ революціи все сыпала комплименты предъ освобожденцами конца XVIII вѣка, дабы удивлять историковъ послѣдовательностью съ тѣми своими придворными любезностями, которыя она когда-то роняла предъ названными писателями.

Странно не знать, что Екатерина II всегда была убѣжденной монархисткой и рѣзкой антогонисткой проповѣди народовластія у Руссо, что «Духъ законовъ» г. Монтескье не поколебалъ въ ней вѣры въ истину и мощь Самодержавія, которое, какъ знала она на собственномъ опытѣ, сильно поощрять свободу научнаго изслѣдованія и подавлять ксендзовскій фанатизмъ, по отношенію къ православію, варварство крымскихъ татаръ, изувѣрство раскольниковъ, кровавый деспотизмъ черни въ Пугачевщинѣ, которое сурово къ злымъ и милостиво къ добрымъ, чутко къ умо-

начертаніямъ народа, въ его языкѣ, поэзіи, въ его бытѣ и политическихъ стремленіяхъ.

Она съ большими опасеніями смотрѣла на созванное Людови-

Императрица Екатерина II въ концѣ царствованія.

комъ XVI собраніе Нотаблей и сказала: «не всякому сіе удается.... мы могли сдѣлать собраніе депутатовъ». Обширное же собраніе государственныхъ сословій, ей уже въ 1788 году казалось «за-

ключающимъ въ себѣ страшную опасность»... «Во Франціи, говорила она, можетъ послѣдовать междоусобіе, по сильному упорству парламента противъ королевской власти, и тѣмъ важнѣе будутъ слѣдствія, если Англія (мстившая королю за поддержку Сѣверо - Американскихъ штатовъ) тутъ вмѣшается»..... Порицая чрезмѣрныя притязанія національнаго собранія 1789 года, императрица говорила, что «жертва, приносимая королемъ Людовикомъ XVI, не положитъ конца броженію умовъ во Франціи».....

Узнавъ, что французскій посолъ графъ Сегюръ въ письмѣ своемъ къ маркизу Лафайету поздравлялъ его со взятіемъ Бастиліи, изумленная Екатерина говорила: «можетъ ли такъ писать королевскій министръ? Странное письмо: онъ его поздравляетъ съ счастливою революціей»..... Выражая сожалѣніе о слабости характера Людовика XVI, Екатерина напутствовала Сегюра, возвращавшагося во Францію, словами, что «онъ застанетъ свою родину охваченною опасною болѣзнью, и въ страшной лихорадкѣ». Въ сентябрѣ этого года она называла состояніе Франціи часто анархическимъ и замѣтила: «они тамъ въ самомъ дѣлѣ способны повѣсить короля. Это ужасно». Ее сильно безпокоила судьба Людовика XVI, но она надѣялась, что ему удастся оставить Парижъ и удалиться въ Мецъ, чтобы соединиться съ дворянствомъ. Въ октябрѣ она возмущалась тѣмъ, что чернь заставила переѣхать короля изъ Версаля въ Парижъ и сказала: «его непремѣнно постигнетъ участь Карла I (англійскаго)», замѣтивъ, что дѣло Людовика XVI касается всѣхъ государей, и его оскорбленное достоинство требуетъ торжественнаго возстановленія.....

Чѣмъ дальше разыгрывалась революція, тѣмъ болѣе мѣткими и раздраженными становятся сужденія о ней Екатерины. Депутатовъ національнаго собранія она сравниваетъ «съ маркизомъ Пугачевымъ» и многимъ изъ нихъ желаетъ участи, постигшей его. Она говорила: «пока я жива въ Россіи не будутъ разыгрывать роль законодателей адвокаты и прокуроры». Но вотъ особенно прозорливы слова, сказанныя императрицей, когда во Франціи еще не слышно было ничего о Наполеонѣ: «Франція, вслѣдствіе революціонныхъ событій, превратится опять въ ту полудикую страну, какою она была при Цезарѣ; и *нельзя сомнѣваться въ появленіи какого нибудь Цезаря, который образумитъ галловъ*»..... Сперва дикій терроръ конвента, а потомъ военная диктатура желѣзнаго диктатора—вотъ что уже видѣлъ во Франціи сквозь мглу событій проницательный взоръ императрицы. 4 декабря 1791 года, она

предсказываетъ даже, что «Франція должна будетъ возвратиться къ монархическому началу».

Якобинцы Франціи, знавшіе о сужденіяхъ могучей императрицы, грозили убить ее, но она отвѣчала, что она хотѣла бы высѣчь ихъ розгами и побить палками.....

«Гегемонія Людовика XIV не представляла собою такой опасности для Европы, какъ Французская республика», говорила Екатерина. Ослабленіе монархической власти во Франціи подвергаетъ опасности всѣ другія государства... Почему же Европейскіе государи не устремятся на помощь государю и его семейству, въ заточеніи находящемуся? Безначаліе есть злѣйшій бичъ, особенно когда дѣйствуетъ подъ личиною свободы,—сего обманчиваго призрака народовъ. Европа вскорѣ погрузится въ варварство, если не поспѣшитъ себя отъ онаго предохранить. Съ своей стороны я готова воспротивиться всѣми моими силами»... Этихъ мыслей Екатерина ни отъ кого не скрывала.

Однако она не успѣла принять участіе въ слабоватомъ, впрочемъ, походѣ Австріи и Пруссіи на защиту Людовика XVI, но казнь его и королевы переполнила чашу ея негодованія на юную республику и подготовляла и Россію къ военному движенію туда же.

Дипломатическія сношенія съ Франціей были прерваны. Принимая въ Россію французскихъ эмигрантовъ Екатерина требовала, чтобы всѣ они подписывали присягу, что ничего общаго не имѣютъ съ правилами безбожными и возмутительными, и что они признаютъ злодѣяніе, учиненное извергами надъ королевскою особою во всемъ томъ омерзѣніи, каковое оно возбуждаетъ во всякомъ добромъ гражданинѣ; кромѣ того, французы обязывались давать въ Россіи обѣщаніе прервать всякія сношенія съ своими одноземцами, повинующимися ея нынѣшнему незаконному и мятежническому правленію».

Въ февралѣ 1794 года Екатерина опять ждетъ появленія во Франціи диктатора: «нуженъ человѣкъ, писала она, недюжинный, ловкій, храбрый, опередившій своихъ современниковъ и даже, можетъ быть, свой вѣкъ. Родился онъ, или еще не родился? Придетъ ли онъ? Все зависитъ отъ этого. Если найдется такой человѣкъ, онъ стопою своею остановитъ дальнѣйшее паденіе, которое прекратится тамъ, гдѣ онъ станетъ»...

Смерть, какъ мы знаемъ, прервала приготовленія Екатерины къ войнѣ съ Франціей.

Въ концѣ августа 1796 года Императрица, возвращаясь вечеромъ

во дворецъ, увидала на небѣ скатившуюся звѣзду и сказала: «вотъ вѣстница скорой моей смерти». Когда сопровождавшіе ее замѣтили, что она прежде всегда была чужда примѣтъ и предразсудковъ, она отвѣтила: «чувствую слабость силъ и примѣтно опускаюсь». И приближенные все больше замѣчали слабость ея здоровья, хотя она все еще бодрилась и скрывала это. Наканунѣ своей смерти, 5 ноября 1796 года, она провела вечеръ въ кругу приближенныхъ въ Маломъ Эрмитажѣ, много разговаривала и шутила, радовалась отступленію французскихъ войскъ. На утро она занималась, сперва одна, а потомъ съ своими секретарями въ своемъ кабинетѣ, а затѣмъ вышла въ гардеробъ, гдѣ оставалась обыкновенно не болѣе 10 минутъ. Но на этотъ разъ она болѣе получаса не выходила: отворили дверь и увидѣли императрицу распростертою на полу въ безсознательномъ состояніи. Съ ней сдѣлался параличъ. Не приходя въ сознаніе, чрезъ нѣсколько часовъ она скончалась.

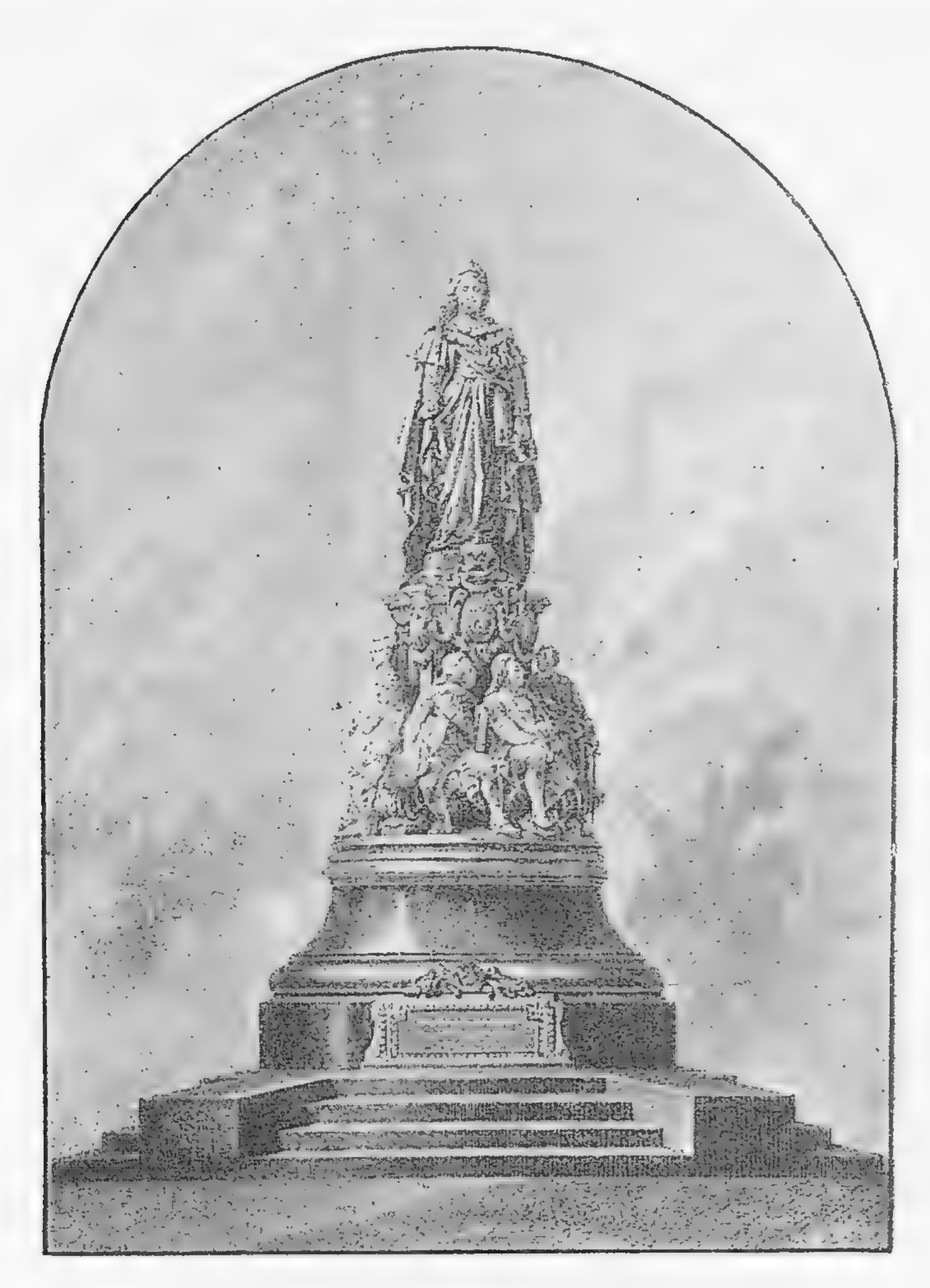
Императрица Екатерина II имѣла очень много враговъ, особенно среди иностранцевъ, начиная съ поляковъ. Они выставляютъ и преувеличиваютъ ея недостатки и ошибки и рисуютъ мрачными чертами ея характеръ, въ особенности ея иностранную политику и даже все царствованіе. Но мы, Русскіе, по справедливости, глядимъ на нее совсѣмъ иначе. Она возвысила Россію, раздвинувъ ея предѣлы на сотни тысячъ квадратныхъ миль и увеличивъ ея населеніе на 12.000.000 подданныхъ. Высоко, честно и грозно держала она, при всякихъ обстоятельствахъ, государственный стягъ Россіи и дала ей среди міровыхъ державъ еще болѣе могущественное положеніе, чѣмъ какое добылъ ей Петръ I. Побѣды выдвинутыхъ ея рукою и вдохновляемыхъ ею нашихъ полководцевъ покрыли ослѣпительнымъ блескомъ Русское оружіе,

Какъ высоко взлетѣлъ орелъ двуглавый,
Какъ глубоко предъ нимъ склонились племена,
Какой немеркнущей славой
Покрылись наши знамена!....

Она всегда считала себя ученицей Петра Великаго, и онъ несомнѣнно гордился бы такой ученицей, которая изъ сближенія съ Западомъ умѣла извлекать только полезное. Но и государи древней Руси, видя, какъ она, не покладая рукъ, трудилась въ собираніи Русскихъ земель изъ подъ чуждаго имъ владычества, какъ свято она любила и хранила завѣты Русской исторіи,

признали бы ее достойнѣйшей носительницей нашей извѣчной національной исторической идеи.

Вѣрная жизненному и мощному началу Русскаго Самодержавія, она раскрыла въ немъ еще новыя культурно-просвѣтительныя и гуманныя силы, которыя весьма часто отсутствуютъ

Памятникъ Императрицѣ въ Петербургѣ.

въ народныхъ представительствахъ,—въ парламентарныхъ организаціяхъ.

Но эта Русская Царица, трудясь на благо ввѣреннаго ей государства и народа Русскаго, широко раздвигала мощною своей рукою предѣлы и общей культурно-исторической жизни.

Служа національнымъ интересамъ Россіи, Екатерина II сослужила великую службу и для всего культурнаго человѣчества. Вотъ что объ этомъ говорилъ М. Н. Катковъ:

«Что бы мы ни говорили о Морейской экспедиціи Екатерины II, о греческомъ проэктѣ, о присоединеніи Крыма и Грузіи, но съ извѣстной исторической высоты всѣ эти явленія представляются ничѣмъ инымъ, какъ пропагандой и завоеваніемъ, во имя цивилизаціи, какъ усиліями раздвинуть сферу исторической жизни человѣчества. Вспомнимъ что нѣкоторые изъ тѣхъ самыхъ людей, которые юношами бились подъ Русскимъ знаменемъ въ ущельяхъ и лѣсахъ Мореи, которые рыскали по волнамъ Эгейскаго моря съ корсарскими свидѣтельствами, полученными отъ русскихъ консуловъ, позднѣе водрузили своими старческими руками знамя независимой Греціи; что нынѣшнія Дунайскія княжества образовались въ тѣхъ самыхъ границахъ, гдѣ Екатерина предполагала создать Дакійское королевство; что Крымъ, этотъ цвѣтущій садъ Россіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля продается нынѣ дороже, чѣмъ въ столичномъ городѣ Москвѣ, сто лѣтъ тому назадъ былъ громадною тюрьмой, которая похищала мущинъ и женщинъ всей Восточной Европы, притономъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ разбойниковъ, которые дѣлали невозможнымъ какое бы то ни было мирное занятіе на 500 или болѣе верстъ отъ Черноморскаго берега. Неужели всѣ эти перемѣны совершившіяся за послѣднія сто лѣтъ въ Восточной Европѣ не увеличили суммы всемірнаго блага, и неужели мы не имѣемъ права гордиться ими, какъ дѣломъ въ значительной мѣрѣ нашихъ рукъ? Неужели Европеецъ, безопасно плывущій по Черному Морю, станетъ отрицать что оно открыто для цилизованнаго міра лишь со времени Екатерины? Неужели онъ не пойметъ что этихъ флотовъ нагруженныхъ столькими цѣнностями, которые въ продолженіе цѣлаго лѣта стоятъ и движутся въ виду Одессы. Таганрога, Бердянска, Маріуполя и Ейска, не было бы если бы Крымъ и Новороссія были и теперь, чѣмъ они были сто лѣтъ тому назадъ? Неужели возрожденныя Аѳины, Бѣлградъ, Софія, Букурештъ. Цетинье, даже Константинополь,— этотъ великій этапъ торговли Западной Европы съ Восточною,— не обязаны весьма многимъ развитію, усиленію, существованію Россіи и широкой и энергичной политикѣ Екатерины? Неужели политическія страсти заставляютъ забыть что до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, до завоеванія Крыма и присоединенія Грузіи,

все сѣверное и восточное прибрежье Чернаго моря имѣли единственнымъ назначеніемъ доставлять живой товаръ для гаремовъ и для янычарскихъ когортъ? Мы, по крайней мѣрѣ, не должны забывать этого, и если люди остальной Европы не могутъ еще, отрѣшась отъ старыхъ предубѣжденій противъ Самодержавнаго Русскаго Царства, оцѣнить услугъ оказанныхъ человѣчеству Екатериной, то мы, Русскіе, обязаны уплатить нашъ долгъ единодушнымъ признаніемъ ея величія»...

На горизонтѣ бурнаго XVIII вѣка выше всѣхъ выдаются четыре историческихъ фигуры: въ его началѣ Петръ I и Людовикъ XIV, а въ концѣ, когда только начала восходить здѣзда Наполеона, Екатерина II и Фридрихъ II.....

Рисуя въ одномъ письмѣ свой собственный портретъ, Екатерина скромно говорила о себѣ: «я никогда не признавала за собой творческаго ума» и всегда склонялась предъ колоссальною личностью Петра, а свои историческіе успѣхи приписывала тому, что «попала на добрыя и истинныя начала». Если это и такъ, если Петръ Великій цѣлой головой выше ея, какъ выше Людовика XIV и Фридриха II, то, нѣтъ сомнѣнія, что она-то выше ихъ головой и подходитъ къ самому плечу своего геніальнаго предшественника...

Голова Петра I на памятникѣ въ Петербургѣ.

СПИСОКЪ СВѢТОВЫХЪ КАРТИНЪ.

1. Семья Петра Великаго. Съ фамильнаго медальона.
2. Екатерина I. Съ медальнаго изображенія.
3. Портретъ Петра II.
4. Домъ Князя Меншикова въ Петербургѣ.
5. Анна Іоанновна. Портретъ Гатчинской галлереи.
6. А. И. Остерманъ.
7. Ягужинскій.
8. Ѳеофанъ Прокоповичъ.
9. Анна Іоанновна. Съ Эрмитажнаго портрета.
10. В. И. Татищевъ.
11. А. П. Волынскій.
12. Ледяной домъ.
13. Антіохъ Кантемиръ.
14. Князь А. М. Черкасовъ
15. Графъ Минихъ.
16. Регентъ Биронъ.
17. Анна Леопольдовна.
18. Іоаннъ Антоновичъ.
19. Елизавета Петровна и ея подпись.
20. Корона Елизаветы Петровны.
21. Другой портретъ Елизаветы Петровны въ царскомъ облаченіи.
22. Графъ А. Г. Разумовскій.
23. „ П. И. Шуваловъ.
24. А. П. Бестужевъ-Рюминъ.
25. Графъ П. С. Апраксинъ.
26. Медаль за пораженіе Фридриха II при Куннерсдорфѣ.
27. Русскія монеты для Восточной Пруссіи.
28. Петръ III и его подпись.
29. Императрица Екатерина II. Съ Гатчинскаго портрета.
30. Ломоносовъ.
31. Московскій университетъ.
32. Основатель русскаго театра Волковъ.
33. Портретъ императрицы Екатерины II Лампи.
34. Ея коронованіе.
35. Графъ Румянцевъ Задунайскій.
36. Графъ Орловъ Чесменскій.
37. Чесменскій бой.
38. Князь Долгорукій Крымскій.
39. Князь Потемкинъ Таврическій.
40. Взятіе Очакова.
41. Путешествіе Императрицы по Днѣпру.
42. Екатерина II въ Новороссіи.
43. Портретъ Суворова.
44. Рымникская битва.
45. Штурмъ Измаила.
46. Сдача Суворову Варшавы.
47. Послѣдній Польскій король Станиславъ Понятовскій
48. Чтеніе „Наказа".
49. Чума въ Москвѣ.
50. Пугачовъ.
51. Король Шведскій Густавъ III
52. Екатерина II въ своемъ кабинетѣ во время доклада.
53. Академія Художествъ.
54. Посѣщеніе Императрицей Ломоносова.
55. Прививка оспы Екатеринѣ.
56. Бецкій.
57. Воспитательный домъ.
58. Императоръ Павелъ I.
59. Портретъ Екатерины II.
60. Памятникъ Екатеринѣ II въ Петербургѣ.

